

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 8

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Рафик ТАГИ. <i>Рассказы</i>	9
Борис МИХАЙЛОВ. <i>Встреча друзей военного детства. Пьеса</i>	39
Валентин ДЖУМАЗАДЕ. <i>Рассказы</i>	109

ПОЭЗИЯ

Юсиф ГАСАНБЕК. <i>Стихи</i>	8
Лилия ГАЗИЗОВА. <i>Стихи</i>	34
Нигяр МИРАЛАЙ. <i>Стихи</i>	105

ПУБЛИЦИСТИКА

Фридрике БУХНЕР. <i>Обитель чистоты и вечности</i>	3
«На стыке культур рождается все самое интересное ...» <i>Интервью с Лилией Газизовой</i>	26
Мензер НИЯРЛЫ. <i>«Я выбираю не счастье, а красоту»</i>	100

2016

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz@box.az
Тел: 493-75-81

Подписано в печать 22.07.2016г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА
***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

ФРИДИРИКЕ БУХНЕР

ОБИТЕЛЬ ЧИСТОТЫ И ВЕЧНОСТИ

Фридрике Бухнер (1953) – педагог лейпцигского университета. В 80-е годы прошлого века она работала над диссертацией на тему «Конфликт и характер в современной азербайджанской прозе» (на основе творчества Анара и М.Ибрагимбекова) и училась на курсах азербайджанского языка АГУ. В те же годы Ф.Бухнер опубликовала две статьи об азербайджанской прозе в журнале «Зонтаг». По словам автора статьи, она не испытывает никаких трудностей в изучении азербайджанского языка и очарована его красотой.

Предлагаем вниманию читателей статью Ф.Бухнер о романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома», опубликованную в журнале «Азербайджан» в 1981г. (№ 9). Взгляд со стороны на азербайджанскую литературу, несомненно, будет интересен читателям.

Художественно-литературные связи между Германией и Азербайджаном имеют почти двухсотлетнюю историю. Еще в начале XIX века видный немецкий востоковед Фридрих фон Диц перевел на немецкий язык дастан «О том, как Басат убил Тепегёза», входящий в эпос «Китаби Деде Горгуд» – один из лучших образцов азербайджанского устного народного творчества, а в комментариях, написанных к дастану, провел интересный сравнительный анализ этого азербайджанского фольклорного памятника с «Одиссеей» Гомера. В 50-х годах XIX века немецкие читатели познакомились в переводе с произведениями основателя драматургии на Востоке, философа и мыслителя М.Ф.Ахундова, а немецкая пресса выступила с интересными рецензиями к ним. В 1867 году немецкий востоковед Адольф Берже выпустил в Лейпциге поэтический сборник «Произведения известных в Азербайджане поэтов». Благодаря переводам Ф.Боденштедта азербайджанский поэт Мирза Шафи Вазех и его утонченная поэзия стали известны не только в Германии, но и во всем мире. Отметим также, что в XIX веке интерес к литературам наших народов носил взаимный характер. В конце XIX века с языка оригинала на азербайджанский был переведен «Фауст» Гёте – одно из лучших произведений не только немецкой, но и мировой литературы. В начале XX века в периодической печати Азербайджана, имевшей различные направления, публиковались статьи о немецкой классической философии и литературе, а отдельным выдающимся представителям немецкой литературы, таким, как Лессинг, Шиллер, Гёте, Гейне, были посвящены циклы статей.

В конце XIX – начале XX в.в причиной определенного застоя в литературно-культурных отношениях между нашими народами стала общественно-политическая ситуация: разразившаяся Первая Мировая война, революция в России, а чуть позже приход в Германии к власти фашистов. После образования Германской Демократической Республики интерес в нашей стране к советской литературе, в том числе и к литературе Азербайджана, являющейся неотъемлемой ее частью, заметно возрос. Среди произведений азербайджанской литературы, издаваемых в ГДР, особое внимание привлекает проза. После публикации в 1975 году в переводе на немецкий язык повести известного азербайджанского писателя М.Ибрагимбекова «И не было лучше брата», завоевавшей признание читателей, немецкие литературоведы заинтересовались творчеством азербайджанских писателей и с большим вниманием стали следить за литературными процессами в этой республике. Первая переведенная на немецкий язык повесть Максуда Ибрагимбекова была хорошо встречена читателями. После этого немецким читателям были представлены и другие произведения этого автора: «За все хорошее – смерть», «Кто поедет в Трускавец», «Пусть он останется с нами». Можно с уверенностью сказать, что

повесть Максуда Ибрагимбекова «И не было лучше брата» зародила у немецкого читателя интерес не только к произведениям этого автора, но и ко всей азербайджанской литературе и положила начало переводам на немецкий язык и других произведений азербайджанской литературы различного жанра и характера. Так, на немецкий язык были переведены несколько произведений талантливого азербайджанского писателя Чингиза Гусейнова.

В этой статье мы бы хотели привлечь внимание к новой книге известного азербайджанского писателя Анара, подготовленной к изданию в Германской Демократической Республике. По сравнению с М.Ибрагимбековым и Ч.Гусейновым имя Анара и его творчество мало знакомы немецкому читателю. Но мы уверены, что подготовленное берлинским издательством «Фольк унд Вельт» к печати произведение Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» на немецком языке вскоре прославит имя Анара, и очень скоро он найдет в ГДР «своих» читателей.

Кстати, когда в нашей стране появились первые публикации азербайджанской прозы, любители литературы в первую очередь ожидали встречи с экзотическим пленительным миром, с горами, упирающимися вершинами в небо, картинами сказочной природы, мудрыми легендами о бесстрашных героях, описаниями самобытной восточной жизни. Но, познакомившись с произведениями Максуда Ибрагимбекова и Чингиза Гусейнова, читатели увидели, что современную азербайджанскую литературу в первую очередь интересуют реальный мир, его противоречия и порождаемые им конфликты. Но все это совсем не говорит о том, что эти произведения и вся азербайджанская проза лишена национального колорита. Нет, национальный колорит, который всегда был присущ азербайджанской литературе на всех этапах ее развития, силен и сейчас, но теперь он как бы отошел на второй план, выражаясь точнее, не выступает в традиционной форме. Сейчас в центре внимания азербайджанских авторов – современный человек с его мыслями, заботами, желаниями. Экзотика уступила место глубоким жизненным конфликтам (больше всего это наблюдается в «городской прозе»). Именно изображение подобных конфликтов наиболее ярко знакомит немецкого читателя с проблемами азербайджанской литературы, создаваемыми ею героями, их идеалами и внутренним миром.

В конце 60-х годов творчество большинства советских писателей было направлено на выявление противоречий, порождающих различного рода конфликты, их истоков и движущей силы. Больше внимание к сравнительно малоизученным сторонам жизни, с одной стороны, и необходимость отказа от теории бесконфликтности, с другой, подняло азербайджанскую литературу и особенно прозу на новый уровень развития.

Одним из ведущих представителей нового направления в азербайджанской литературе сегодня является Анар. Вышедшая в 1967 году его первая повесть «Белый лиман» (в русском переводе «Круг») свидетельствовала о том, что этот оригинальный писатель является автором, сделавшим первый шаг по пути создания «новой прозы». Повесть «Шестой этаж пятиэтажного дома», задуманная, как продолжение «Белого лимана», еще раз подтвердила верность писателя выбранному пути.

Как и в повести «Белый лиман», здесь герои Анара бьются над вопросом о смысле жизни. Мастерство Анара, как писателя, в том, что он «в своих простых героях видит как светлые, так и темные стороны, их контраст. Он показывает своих героев не однотонными, а раскрывает всю многогранность их личности» (акад. Мамед Ариф). Так, Неймат все время задает себе вопрос: «Зачем ты живешь?». Наконец он понимает, что человеческое счастье – понятие очень широкое и объемное, и каждый день, каждый миг без устали надо искать это счастье. И смысл жизни заключается именно в этом поиске. Героев Анара в этом смысле можно сравнить с героями Василия Шукшина; но сразу надо отметить, что персонажи азербайджанского писателя не имеют ничего общего со «странными» шукшинскими персонажами. Их объединяет «ожидание праздника», ожидание чего-то большого, прекрасного, вечного и необычного. Они постоянно ищут «дороги, ведущие к морю», жаждут неожиданных и необычных встреч. Но несчастье этих героев заключается в том, что в поисках пути к своим желаниям они теряют связь с «землей». В конце повести Неймат понимает, что в будущем можно жить лучше, чем в настоящее время. Но жить лучше – означает жить активнее. Именно в таком ракурсе показывается жизнь двух героев «Белого лимана» в повести «Шестой этаж пятиэтажного дома». В этой повести в центре внимания писателя оказываются Заур и Тахмина.

На первый взгляд кажется, что Заур продолжает путь Неймата, другими словами, он реализует «желания» Неймата. Опять-таки только на первый взгляд складывается впечатление, что Неймат всего лишь теоретик, а Заур – практик. Но на самом деле это не так.

Основной конфликт, стоящий в центре повести, и микроконфликты, связанные с ним, писатель раскрывает путем освещения нравственно-этического потенциала своих героев. Только таким образом – через отношение к обществу, к людям – Анар определяет этическую характеристику нашего современника.

В центре нового произведения Анара стоит противоречивый образ Тахмины. Прежде чем перейти к анализу этого образа, надо сказать, что в последние годы в советской литературе уделяется большое внимание созданию запоминающихся женских образов. Эти женщины отличаются более активной позицией в жизни, более широкими взглядами, объективным отношением к происходящим событиям. Являясь носителями лучших черт своих народов, все они – хозяйки собственной судьбы. Пораженный читатель переживает за Джамилу Чингиза Айтматова (повесть «Джамиля»), которая принимает очень смелое решение, за Марию («Деньги для Марии») и Наталью («Живи и помни») В.Распутина, знакомится с жизнью простой армянской женщины Агуны в повести Г.Матевосяна «Мать едет женить сына». В последних произведениях азербайджанской прозы особое внимание также привлекает аналитический подход, всесторонняя и пристальная разработка женских образов. Конечно же, современные писатели, создавая женские образы, опираются не только на реальные, жизненные факты, но и на классические литературные традиции. Известно, что азербайджанская литература в этом плане обладает большим историческим прошлым. Еще 800 лет назад великий Низами с любовью создал в своих поэмах образы азербайджанских женщин, ни в чем не уступающих мужчинам, и способных указывать правителям верный путь. В прошлом веке прекрасные женские образы, олицетворяющие собой лучшие черты национального характера, были созданы в произведениях таких писателей-демократов, как И.Гутгашынлы, М.Ф.Ахундов, Н.Везиров, Н.Нариманов. В творчестве Дж.Джаббарлы и писателей, которые пришли в литературу после него, азербайджанские женщины стали участницами общественной жизни, активно решая жизненные вопросы и занимаясь решением общественных проблем своего времени. Талантливому прозаику Акраму Айлисли в созданном им образе Медины удалось синтезировать современность и национальный характер азербайджанской женщины. Все вышесказанное подтверждает, какой литературно-художественный арсенал использовал Анар при создании образа Тахмины. Бесспорно, этот образ, наделенный новаторскими чертами, – самый запоминающийся литературный персонаж в азербайджанской прозе последних лет.

На первый взгляд кажется, что Тахмина излишне раскована, идя наперекор всем национальным традициям, она переступает все общепринятые этические нормы азербайджанского народа. Абсолютно отличаясь от всех образов азербайджанских женщин, известных нам со страниц литературных произведений, Тахмина своим свободомыслием, постоянным стремлением к независимости может произвести впечатление легкомысленной и легкодоступной женщины. Но подобное впечатление может появиться от поверхностного, мимолетного взгляда на героиню. По мере того, как мы углубляемся в мир ее размышлений, следим за их нитью, пытаемся понять ее поступки и действия, перед нами открывается совершенно другая картина. В первую очередь Тахмина привлекает читателей своей естественностью, нравственной целостностью и совершенством. Ее неизменное желание всегда и везде быть независимой исходит от стремления высвободить всю свою потенциальную внутреннюю силу. Тахмина в жизни ищет свое «я»; двуличность, лицемерие, ханжество вызывают в ней гнев, ненависть и абсолютное неприятие. Она стремится жить интересной, полной и счастливой жизнью. В поисках этой полноты жизни и счастья Тахмина не останавливается перед трудностями – и это одна из черт ее характера. На одной из первых встреч с Зауром она говорит: «Я не хочу, чтобы меня с кем-то путали». И эти слова лучше всего раскрывают ее сущность. На протяжении всего произведения героиня остается неповторимой и непохожей ни на кого, человеком, верным своим убеждениям. Переживаемые ею чувства вызывают у читателей уважение к ее богатому внутреннему миру. Эта очаровательная женщина похожа на добрую волшебницу. Она всюду приносит с собой свет, радость, искренность. Тахмина напоминает героиню Дж.Джаббарлы, она,

как и Севиль, ломает устоявшиеся стереотипы, но уже на новом историческом этапе. Несмотря на все невзгоды, с которыми она сталкивалась в жизни, в глубине души Тахмина живет ожиданием счастья. Но она думает не только о своем счастье, она хочет видеть счастливыми всех людей. Любовь для нее – самое возвышенное и благородное чувство, и признание в любви – самый важный миг в жизни. Заур же в этом вопросе придерживается «современной» точки зрения, он считает, что «признание в любви и сама любовь – понятия совершенно разные».

Заур первое время ведет внутреннюю борьбу со своей совестью; делая себе какие-то мелкие поблажки, он старается сохранить свои основные моральные принципы и, чувствуя, что принципы эти уже дали трещину, сам того не желая, приближается к нравственному падению, подменяя богатый духовный мир, человеколюбие, высокие жизненные идеалы безнравственностью и равнодушием – именно таким предстает он перед читателями. В процессе стремительного развития конфликта центральный герой произведения отказывается от борьбы за свои идеалы. С присущей ему точностью и скрупулезностью Анар наблюдает за потрясениями и сомнениями, переживаемыми героем. По мере развития сюжета, основанного на законах жесткой реальности, читатель становится свидетелем непростительного с нравственной точки зрения поражения Заура, когда он заключает сделку со своей уже равнодушной совестью.

Зауру не удается сохранить любовь и остаться верным Тахмине. Он не обладает достаточно сильной волей, чтобы противостоять тем, кто порочит её имя. В этом и кроется причина того, что он выбирает путь приспособленчества и нравственного равнодушия. Герои Анара связаны крепкими узами со своим «кругом». Эти узы зачастую не позволяют им выйти за пределы этого «круга» и обрести свободную жизнь. Таков и Заур. «Круг», сковывающий его изнутри, и отсутствие нравственно-этического потенциала не позволяют ему до конца бороться за Тахмину. Заур всегда идет по жизни по пути наименьшего сопротивления, а путь этот часто, вне зависимости от желания, возвращает его в «круг», в котором и в помине нет высоких жизненных идеалов. Этот «круг», противодействующий максимализму Тахмины и её высоким идеалам, обещает Зауру комфортную, спокойную и обеспеченную жизнь. С одной стороны, отказавшись от Тахмины и вернувшись в «круг», он перечеркивает её самые прекрасные и светлые мечты, а с другой – теряет женщину, которая вносила красоту и смысл в его жизнь.

Здесь мы считаем необходимым затронуть вопрос, характерный не только для творчества Анара, но и для всей современной советской литературы. Почему-то литературная критика скупой отреагировала на роман «Шестой этаж пятиэтажного дома». Нас не очень интересуют положительные или отрицательные отклики в рецензиях. Мы не ставим целью выяснить отношение критики к творчеству Анара. Мы бы хотели только выразить свое мнение по поводу высказывания критика Ю.Суровцева о новом романе Анара, которое он озвучил на проходящей в Баку конференции «Дружба литератур – дружба народов»: «Известно, на каких бытовых и моральных событиях хотел сконцентрировать внимание талантливый писатель Анар в своем романе «Шестой этаж пятиэтажного дома». Мещанство, внутреннее и внешнее, отвергает героя в водоворот потрясений, и его желания, столкнувшись с этой силой, проигрывают войну – все это нашло своеобразное отражение в романе. Но почему надо было показывать положительные стороны Тахмины только через ее любовные страдания и агонию? В беседах автор показывает Тахмину независимым, духовно богатым человеком, однако не заботится о том, чтобы представить это на конкретных примерах».

С этим мнением нельзя согласиться по двум причинам. Во-первых, критика антиобщественных событий, которые авторы отражают в своих произведениях, их низвержение на уровень «критики мещанства» – крайне упрощенный взгляд на сложные общественно-нравственные, этические проблемы, затрагиваемые писателями. Попросту опустить героев на уровень мещанства (если сам критик называет их мещанами, значит, они эту битву уже проиграли) значит упростить не только их суть, но и все разнообразие характеров в целом, оставив в тени многогранность художественной структуры литературного произведения. В литературе 70-х годов бывшие до того времени четкими и неизменными границы между такими понятиями, как «положительное» и «отрицательное», «добро» и «зло», постепенно сошли на нет. Другими словами, писатели не определяют однозначно «отрицательное» или «положительное», наоборот, основываясь на диалектическом развитии, стараются пока-

зять во всех тонкостях и деталях переход от «отрицательного» к «положительному» и от «положительного» к «отрицательному». Сложный и многогранный внутренний мир героев Анара не позволяет оценивать их одной меркой. В таком случае самый легкий путь – назвать этих героев мещанами. Во-вторых, остается неизвестным отношение критика к данной ситуации. Если эти герои мещане, то в какой степени в этом виноваты общество и среда? Как диалектически связаны между собой личное и общественное мнение? Что стало толчком для развития событий, происходящих наперекор этому обществу? Все эти вопросы, задаваемые автором читателю, остаются за пределами анализа критика. В мнении Ю.Суровцева, упомянутом выше, есть еще одна мысль, вызывающая дискуссию. Невозможно в одном литературном произведении с математической точностью решить все производственные, коллективные, бытовые, семейные, любовные и т.д. проблемы. После внимательного критического анализа мысль о том, что в романе Анара показаны только любовные приключения Тахмины, звучит безосновательно. Потому что, показав мир любви Тахмины, Анару удалось осветить весь многоплановый аспект человеческой жизни.

Талант автора романа «Шестой этаж пятиэтажного дома» наиболее ярко проявился в эпилоге. На первый взгляд, эпилог противоречит общей теме и архитектонике произведения. На самом деле это не так. Шестой этаж – это вершина достойной человеческой жизни. В конце произведения Тахмина, покинувшая этот мир с физической точки зрения, не превращается под землей в прах, она заслуженно занимает шестой этаж – место, где обитают люди, способные понимать и чувствовать. Пусть и своей смертью, Тахмина напоминает людям о том, что есть еще и шестой этаж – обитель чистоты и вечности. Заур же, оставшийся среди живых, не ведает об этом волшебном этаже, потому что не смеет ступить за порог своего «круга». После смерти Тахмины Заур, взбунтовавшись, решил назвать своего ребенка, в случае, если это будет девочка, Тахминой. Но у него рождается сын. И последующие его попытки как-то увековечить имя Тахмины, в этическом плане приблизиться к шестому этажу не увенчались успехом. На самом деле у Заура нет морального права дать имя Тахмины своему ребенку. Мы не ставим своей целью идеализировать Тахмину. Основная цель: показать шестой этаж, место, которое занимает героиня Анара. Через образ Тахмины Анар призывает людей к красоте, чувственности, писатель открыто показывает, что жизнь Тахмины не эталон для других, но люди могут так же, как она, прожить жизнь красиво и со смыслом, всегда и везде стремиться на шестой этаж. И тогда жизнь на земле станет прекрасней и интересней. Анару удастся убедить в этом читателя.

Сотрудники кафедры русской и советской литературы Лейпцигского университета и сотрудники издательства «Фольк унд Вельд», ставшие первыми немецкими читателями, познакомившимися с этим романом в рукописи на русском языке, высоко оценили новый роман Анара. Это оригинальное произведение стало еще одним подтверждением, что возможности художественного метода социалистического реализма неисчерпаемы, а многонациональная советская литература отличается национальным своеобразием. В начале статьи мы говорили о том, что Анар не имеет в Германской Демократической Республике «своего» читателя. Надеемся, что после выхода романа «Шестой этаж пятиэтажного дома» на немецком языке талантливый азербайджанский прозаик Анар найдет «своего» читателя в нашей стране. И читателей этих станет не сотни, не тысячи, а миллионы. Многогранный талант Анара гарантирует это.

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ЮСИФ ГАСАНБЕК

Предзимье

Как листья красивы осенние –
В них солнца живет вдохновение...
Не за горами холод,
У тварей живых страда:
Ежи заготовками заняты,
Тащат на иглах завялые
Листья блеклые, палые.
И муравьишки трудятся,
Ради достатка крутятся.
Белки тоже забегали:
Шишки впрок заготовлены,
Дупла листвою застелены –
Их очаги бездымные
Греть в холода зимние.

Обращение к устату Сабиру

Мракобес признает победивший ликбез,
В отношенье к учебе достигнут прогресс.
Потянулся народ к несомненному благу,
Книголюбов все больше, и слава Аллаху!..
Кругозор расширяют и стар, и млад,
Понимая, что знание – сила и клад.
Ты тужил: не садились в авто земляки,
Тогда как воспаряли в шарах чужаки...
Мы уже замахнулись на космос, поэт,
И проучим врага, в том сомнения нет,
И утрем ему нос, на орбитах кружа
Заждалась нас, тоскуя в неволе Шуша!..
Восвояси уйдет вероломный сосед...
«Объевропились» шибко мы – удержи нет:
Мини-юбки сменили давно уж чадру,
И бесстыдство пришлась, видно, нам ко двору,
И воротят носы от Лейли и Асли
Кавалеры – джигиты родимой земли.
Расплодились вокруг лжелекарства, врачи...
Ты, устат, самозванцев изобличи!
Накись напрочь смети!..
Гнев на кривду обрушь!..
Пусть везде победит экология душ!..

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

РАФИК ТАГИ

РАССКАЗЫ

Анна

Одним из сокровенных желаний братьев и сестер Алима было хотя бы раз в год суметь приехать к нему, повидаться с ним. И вот нынешним летом желание это исполнилось у Рафаила. Он появился у них с фотоаппаратом на плече.

Алим ради брата на время прекратил передряги с женой. Зачем портить человеку впечатления о Москве? Все, кто приезжал к нему в Москву, думали, что едут на праздник. Пусть так и думают, что здешняя жизнь – праздник. Тогда и скучать не будут. Чтобы не разочаровывать гостей, он то и дело заливался смехом.

Но для Анны очевидно, что веселость мужа, его расположение к ней – наигранные. Это было проявлением уважения к Рафаилю. Веселенькие деньки начнутся, когда гость уедет.

Но только кто знает, может, все между ними и наладится. Она заставляла себя верить в это. Хотелось забыть, как Алим прежде ломал орехи на ее голове. Она радостно брала его под руку. Как хорошо иметь родного человека! То голову клала ему на плечо, то носиком терлась об его щеку.

– Сфотографируй нас! – кричала она звонким голосом Рафаилу. – побыстрее!

Сначала Рафаил выбирал фон, потом «перетасовывал» их с Алимом: то так поставит, то эдак, вел себя, как настоящий фотограф-профессионал. Алима он просил улыбаться, а Аня и так улыбалась. Фотоаппарат держал, словно собирался выстрелить.

Дома Алим до приезда Рафаила непрерывно ворчал:

– Ай, дурак, зачем женился? – ругал себя сам.

Анна испуганно шептала себе под нос:

– Зачем люди женятся...

– Мужчина – лошадь, а женщина – его хомут!

– Я ведь тоже работаю и тебе не в тягость.

– Речь не о твоих копейках идет.

– Еще чего, жена ему хомут.

– Мне не философ нужен, а горячее харчо. Мужчина не собака, чтобы питаться, чем попало. Где-то колбасу перехватить, где-то мясо, и все свои дни так проводить!

– Жена – прислуга дома?

– А что, любовница? Обнявшись спать нужна жена?

В результате перебранка заканчивалась плачем Анны.

Для Рафаила, на какой бы станции метро они не выходили, это был восторг, каждый раз была новая Москва. Отснятую пленку он собирался распечатать у знакомого мастера в Баку.

– Фоткайте много нас!

Гости Алима Анне были по душе. В прошлом году она сестру Алима почти около года держала у себя, потому что кстати и некстати муж все старался ее приласкать. А когда гостей не было, монологи Алима разносились по всей шестнадцатизэтажке.

– Я думала, ты современный парень, – не выдержав, как-то проговорила Аня.

– Современность – это танцевать под дудочку жены?

– По-твоему, жена что, не человек?

– А по-твоему, если человек, я должен голодным быть? Здесь общежитие?

– Нет, не общежитие.

– Да мой отец никогда для себя чай не заваривал, свой носовой платок не стирал – все мама моя...

– И ты это приветствуешь?

– Да!

– Тогда жена у вас прислуга.

– У нас не считают это прислугой. Домашняя работа у нас не унижает женщину. Забота о семье – первый признак любви.

– Тогда почему у мужчин нет этого признака любви?

– Камень и железо обучить легче, чем тебя!

Купив новую пленку в фотомагазине на Арбате, Рафаил прямо там, в специальной темной комнате, заправил её в фотокамеру.

– Сейчас выйдем, сфотографируешь нас на улице, – стала теребить его Аня.

Алим ни разу не попросил сфотографировать их. Эта просьба дала бы Анне повод подумать, что он ее любит, тогда бы она просто на голову ему села.

Вернувшись с работы, если даже у него кружилась голова от голода, он никогда не заходил на кухню, крошки в рот не брал, ждал, что Анна подаст. Или же он выключал телевизор.

– Не видишь, я смотрю?

– А ты не видишь, что муж с работы вернулся?

– Готовую еду уже не можешь себе положить?

– Будь добра, пожалуйста, встань и сделай то, что тебя касается!

Аня на кухне, звеня посудой, накрывала на стол.

– И еще, на стол сначала кладут соль, ложки-вилки – не в лесу росла.

– И ты, слава Богу, не инвалид первой категории!

– Милая, у нас такой порядок.

– А у нас не так.

– Меня это не касается.

– Если я тебе приготовлю бозбаш, значит, сильно люблю?!

– Я не для того женился, чтобы только личиком твоим красивым наслаждаться.

– Ты не любишь меня. Тебе не я нужна, а служанка.

– Я тоже тебе нужен для того, чтобы ты одна не ходила в кино, театр.

– Клянусь, и кино, и театр лишь повод, чтобы побольше видеть и слышать тебя.

Ну чем мне тебе это доказать! – Аня крепко обняв его, расплакалась, как ребенок.

Рафаил фотографировал их то стоящими, то сидящими на скамейке в парке, прогуливающимися на площади.

– Фотографии получите к середине осени, – он не знал, сколько фотографий отпечатать, чтобы всем хватило, да еще про запас оставить – для желающих.

Пусть все видят, что брат счастлив, и не волнуются.

Счастливого человека преспокойно можно забыть.

Посадив брата на поезд, Алим вернулся домой. Снова открыл свой рот.

– Что за приказ ты дала позавчера?

– Я-я? Когда?

– «Постели матрас на пол!»

– Я не приказывала, я просила.

– Он что, приехал матрас для тебя стелить?

– Мне же тяжело.

– Его это не касается.

– Когда тебе говорю, то ты, как пистолет, стреляешь.

– Потому что это женское дело.

– Эх, Рафаил умнее тебя.

– Конечно, не будет спорить с тобой. Точно, в душе, наверное, подумал, что жизнь брата не подарок. – Аня молчала. – Давай покончим с этим, пока нет ребенка.

– Я не хочу разводиться.

– Я хочу.

– Я не хочу.

Два дня спустя черт, попутав Алима, загнал его в ЗАГС, где заставил написать заявление о разводе. Затем велел ему снять квартиру и перевезти туда все свои пожитки, которые вместились в одно такси.

В ЗАГСе, приняв его заявление, даже не спросили из-за чего, почему он собирается разводиться. Зарегистрировали и дали время на обдумывание, вот и все.

Каждый прожитый им день отдалял его от Анны. Как будто ветер, сорвав цветок, уносил его куда-то. Алим стал сильно скучать; об этом он раньше даже и подумать не мог. Но как говорят, если немного потерпеть, то все пройдет. Давно пора научиться забывать. Анна стояла перед глазами, кроме Анны, он ничего на свете не видел. Но он запретил ей звонить, чтобы разлука успешно завершилась.

Однажды он сел и написал Рафаилу письмо: «Эй, обманщик, уже и осень заканчивается, где же фотографии?» И в конце письма от имени Ани и от своего имени послал специальные приветствия ему и через него всем сестрам и братьям. Единственно хорошее, что мог сделать Алим для сестер и братьев, так это показать, как он счастлив, и этим их обрадовать. Сил у него хватало только на это.

Ответ от Рафаила пришел быстро, он писал, что не забыл обещанного.

Хотя и страдал Алим из-за разлуки с Анной, но видеться с ней не хотел: получилось бы, что бросился к ее ногам. Единственной надеждой были фотографии. Вдоль будет смотреть, смотреть. Об этом Анна знать не будет, и он тогда не унижится.

Не прошло и месяца, как от Рафаила пришло второе письмо. Он расстроился из-за того, что конверт был тоненьким: «А фотографии?»

«...Фотографии не проявились. Извините меня. Оказывается, по незнанию я неправильно настроил аппарат...»

Алим лицом вниз упал на кровать. Выходит, он во второй раз потерял Анну: в первый раз по собственной вине, во второй – из-за Рафаила. Как будто все на свете делалось для того, чтобы он потерял Анну.

Спустя какое-то время склероз сотрет с его памяти жизнь, связанную с Анной. И смерть ее имя смешает с землей.

Он не хотел терять Анну в третий, в четвертый раз.

Как хорошо, что человек человека в течение всей своей жизни постепенно забывает – познавший разлуку оставляет место для надежды. Благодарствую!

Марал

Она развешивала белье на протянутой через весь двор веревке. Один конец веревки был привязан к тутовому дереву, другой – к столбу электропередач. На тень от развешенного белья капельками стекала вода.

Марал запыхалась, тяжело дышала, будто долго бежала. Фартук на ней промок, и от нее самой пахло мылом и стиранным бельем.

– Где чай? – донесся с веранды окрик мужа, только что вернувшегося из школы.

– Иду я, сейчас.

– Тебе это каждый раз надо говорить!

– Возьми, да сам налей себе чаю. И еда готова, не можешь положить себе?

– Для чего тогда ты нужна, если я сам себе буду еду класть, чай наливать?

Дома он ничего не делал. Обычно валялся на диване перед телевизором, положив под голову пару подушек, да приказы отдавал: чай завари, но чтобы цвета сена не был; под ложечкой сосать начинает, еду начинай готовить.

Если новости по телевизору не передавали, Сафарали-муаллим засыпал, похрапывая. Проснувшись, кричал:

– Где чай?

Увидев краешком глаза, что чай уже перед ним, возмущался:

– Не чай, а помои.

Семья было многодетной. Дети, кроме троих младших, ходили в школу. Марал работала в колхозе, когда забеременела первенцем. Работа в колхозе для неё была непосильно тяжелой, и оттого, видимо, первенец ее родился мертвым. В роддоме санитарки, акушерки упрекали:

– Совсем с ума посходили ради денег, до последнего дня работают, так на работе и помрете.

Вскоре Сафарали стал ее частенько попрекать:

– Еда даром, вода даром, хоть бы за мужем ухаживала, как следует.

– Это как? Ноги, что ли, тебе мыть, с ложечки кормить?

– В прошлом жены и это делали.

– Прошное осталось в прошлом.

Работы по дому много, в последнее время Марал совсем из сил выбивалась.

– Не успеваю я, – говорила она мужу. – Восемь детей, да еще ты! Все на мне.

Ты хуже ребенка.

– Куда столько рожала?

Марал смерила его неприязненным взглядом.

– Неси свое наказание, Балаш! – ответил Сафарали словами из известного спектакля¹, захихикал.

– Клянусь, запущу этот стакан в твою башку! – Марал подняла со стола граненый стакан и тут же положила его на место.

Она готова была работать день-ночь в поте лица, лишь бы не слышать колкости мужа, портящие ей кровь.

Весь день она ведрами таскала воду из реки. Набирала полные баки, в которых вода отстаивалась. Они ее пили. Колодезная вода была солоноватой, ее даже корова пить отказывалась, обнаглела скотина, будь она неладна. Так что и для коровы приходилось ей воду таскать. Речная вода для умывания, речная вода для белья, и для

¹ Д.Джаббарлы. «Севиль».

купания, безусловно. Ради двух ведер воды приходилось носиться через десять дворов туда и обратно. Домашним заботам не было конца и края: нужно было присмотреть и за домашней птицей, и за саженцами, и только подметешь двор, через пять минут из-за ветра снова надо подметать.

Отрадой и в какой-то степени отдыхом для Марал было – сходить с соседкой в магазин. Вспоминали по дороге прошлое, обсуждали свадьбы и поминки, плохое и хорошее. Покупали в магазине мыло, рис, сахар, словом, все необходимое. Ходили по рядам с хозяйками, чтобы удовлетворить свое любопытство.

У Марал была ручная швейная машинка, которую она принесла из отцовского дома. Часы, проведенные за шитьем, были для нее праздником. Как только она начинала строчить на машинке – знай, у нее прекрасное настроение. Обшивала всех: родственников, соседей, причем, за «спасибо», денег, хоть убей, не брала.

– Кто попросит, скажи, что машинка испортилась.

– Зачем?

– В школе от шума детского, а в лачуге этой – от трескотни твоей машинки мозги пухнут.

– Да какой же от нее шум?

– Я не разрешаю тебе ишачить на каждую собаку, вот и все!

– Это мое дело.

– Вообще разрешите спросить, а ты кто такая?! В этой лачуге муж я или ты?!

Марал, чтобы не спорить, уходила от разговора.

Накормив и отправив всех в школу, она включалась в дневные заботы: надо воды поставить на плиту, цыпленка, давеча зарезанного, выпотрошить да в воду бросить, чтобы размяк; время будет, надо почву на грядках разрыхлить, полить. А там... не успеешь оглянуться, как дети по одному возвращаются из школы. Голодные, как волки. Каждому надо было стол накрыть, накормить. Потом и Сафарали объявлялся. На лацкане пиджака – ромбик синего университетского значка, в одной руке – газеты и журналы, другой подбородок свой ощупывает. Нравится ему его подбородок. Марал, забросив все, начинала для него на стол накрывать, лишь бы рот свой «праздничный» держал на замке. Но он, давясь, все равно ворчал:

– Пересолено. Так и не научилась ты готовить.

Каждый кусочек картошки, заброшенный в рот, сопровождался ворчанием.

– Сырая.

– Сырая, не ешь!

– С голоду умереть, дура?!

– Сам дурак! Не ругайся.

Сафарали швырял в Марал все, что попадало под руку.

Труды Марал оставались незамеченными. С детьми нянчилась, еще вдобавок муж. Сафарали ничто не принимал во внимание.

– Если не я, сдохнешь с голоду.

– Бог прокормит.

– Одежда даром, еда даром! Любой обнаглет!

– Я дома не развлекаюсь. Тржусь целый день в поте лица.

– А ты хочешь и дома не работать? Может, принарядившись, красоваться среди мужчин хочешь? И пяти дней в колхозе не проработала, ребенка сохранить не смогла.

– Клянусь, и пули на тебя мало, – плача навзрыд, Марал отошла от него.

Бывало, наевшись, напившись, поглаживая живот, Сафарали-муаллим устраи-

вался на веранде с проверкой.

– Где их место? – указательным пальцем показывал на рубашки.

– А что?

– Ровно неделю вижу их здесь!

– Не можешь взять и перевесить? Рук нет, или они тебя за палец укусят?!

– Женское это дело, а не мужское.

Спустившись во двор, тоже находил, к чему придраться.

– Белье с веревки почему не снято, шагу по собственному двору ступить нельзя.

– Еще не высохло.

– Когда высохнет?

– Это ты у погоды спроси.

Ощупывая свой подбородок, по которому Сафарали-муаллим определял, поправился он или нет, он прохаживался по двору.

– Вы что, ослепли? – кричал он с дальнего конца двора. – Куры весь лук расковыряли.

– Это, наверное, когда я на реку ходила.

– Сколько раз можно на реку ходить? Нашли место для болтовни!

И ещё многие мужние упреки Марал проглатывала, хотела, чтобы все текло мирным путем.

...Был воскресный день. Все находились дома: кто рисовал, кто в голос заучивал стихи. Кто-то из детей включил магнитофон. Марал натопила баню. Надо было купать ребятню. Сафарали, как всегда, искупался первым, вышел из бани красный, как бурак. Опять был недоволен. Остригая ногти на веранде, ворчал себе под нос во множественном числе:

– Мы уже совсем опущены. Всегда купались двумя ведрами воды, а сегодня полутора. Это не купание, а размазывание грязи.

Марал и виду не подала, что слышит; не было у нее ни времени, ни желания спорить. Ей надо было еще хлеб испечь, чтобы не затягивать до вечера, разожгла тендир. Сафарали расположившись на веранде, отдавался солнцу. Чай был уже рядом.

Дети наконец закончили купаться и прихорашиваться. В середине двора набралась целая гора грязного белья. Подошла очередь Марал. Взяв смену чистого белья, она пошла в баню за домом.

Жужжали пчелы. Деревья во дворе только начали зеленеть. Перед калиткой молодой почтальон, не слезая с велосипеда, бросил во двор свежие газеты. Сафарали-муаллим крикнул ему с веранды:

– Эй... Уже неделя, как нет газеты «Учитель»!

Но почтальона и след простыл.

По радио передавали последние зарубежные известия. Слушая их, Сафарали предупредил:

– У меня-э, разыгрывается аппетит.

Марал не отозвалась. Тогда он подозвал одного из сыновей:

– Пойди посмотри, что там твоя мать – умерла, что ли? Сколько можно драить свою кожу? Скажи, что мы проголодались!

Мальчик, весело подпрыгивая, помчался в сторону бани. Вернулся бледный, как полотно.

– Мама упала на холодный бетонный пол.

– Твоя мама молодец! Место нашла, где спать!

Даже при включенном свете в бане было темно. Пнув носком обуви жену, Сафарали сказал:

– Вставай! Вставай! Что притворяешься, как лиса?

Марал даже не шевельнулась. Лежала голая, лицом вниз. Учитель перевернул ее на спину и набросил на нее одежду.

Лицо Марал было синим. Она не дышала. Сафарали, заподозрив неладное, попытался открыть ее веки.

Марал была мертва.

Услышав о случившемся, девочки заголосили. Мальчики, еще не веря, хныкали. Примчались соседи и родственники.

– Она чем-то болела? – заложив руки за спину, спросил партком Хамдулла: так как сын его в Баку работал врачом, Хамдулла считал, что разбирается в медицине.

– Гриппа даже не было.

– Тогда это дело рук вот этой заразы, – Хамдулла указательным пальцем показал на свое сердце: – В организме нет ничего коварнее, чем это.

Чуть повыше деревенских домов с грохотом пролетал вертолет. Среди собравшихся во дворе людей самый маленький Вагиф стал от радости подпрыгивать:

– Посмотри, какой он огромный!..

Близкие звезды

Чтобы попасть к пищеблоку, нужно пройти мимо низкого одноэтажного здания. По два раза в месяц, на протяжении четырех лет, я проходил в пищеблок для проверки качества еды, и мне в голову не приходило спросить, что находится в соседнем здании. Когда шел дождь, верхняя часть окон покрывалась чистыми, как слеза, капельками, а нижняя – грязными брызгами из луж под окнами.

Заглянув в окна, можно было увидеть четыре одинаковых стола и за каждым из них – по одной женщине, различавшихся только одеждой.

...Я никогда не спрашивал, кто они. За эти годы, может быть, кто-то из них переехал, а кто-то умер – понятия не имею.

Для них я – один из тех многих обыкновенных мужчин, которых они видят только через окно и различают по моей одежде, потому что ни выговор, ни премия, ни перевод на высокооплачиваемую работу не зависят от меня.

Но только всего два раза в месяц наша отдаленность бывает размером с окно, а в другие дни – увеличивается до двора. Близость и отдаленность наша, как близость и отдаленность близких звезд на небе.

В пищеблок прихожу в час дня. Перед входом, словно стая белых голубей – поварахи пищеблока. Взвешенно улыбаясь, здороваюсь. В знак уважения они оставляют свои шутки в сторону, пока я не пройду.

Внутри меня встречает диетолог Борис Моисеевич и тут же говорит самые нужные слова:

– Здравствуйте! Пожалуйте! Ждем!

Он впереди, я за ним следуем по кривому, узкому, еле освещенному электрической лампочкой коридору в продовольственную комнату. Там я должен уставиться на стрелку весов с названием «Тюмень». Получается, что если я не посмотрю на весы (тысяче больных отпускаются масло и мясо), то красавица, что стоит рядом с весами,

меня обманет. Лицо настолько нежное, глаза настолько красивые, фигура настолько изящная... – я с ночи до утра целовал бы ее. А сейчас я должен считать ее воровкой. И Бориса Моисеевича тоже.

Но, с другой стороны, какое я имею право не смотреть? Они и сами не обижаются, потому что это министерством утвержденное дело. Человек не должен обижаться на узаконенное оскорбление. Жаль только, что красавицу заставили привыкнуть к этому оскорблению, иначе я бы любил ее.

Быть может, Борис Моисеевич является звездой самого высшего общества и на работу приходит каждый день ради того, чтобы смыть с себя клеймо вора. Свет перевернется, но он со мной не подружится, так как я ему не доверяю. Глядя на красавицу-весовщицу, я старею – и она меня не полюбит, если даже мы останемся одни на всем белом свете.

Да, проверяя их два раза в месяц, мучаюсь. В дверях стою так, чтобы весовщица и думала и не думала, что я контролирую ее. И в это самое время у меня в ушах звенят слова моих больных: «Выпишите меня домой: не могу есть здешнюю еду!»

Чтобы перестать слышать эти звуки, вслух читаю лозунги, написанные на стене: «Пищеварение – это самая важная физиологическая функция организма». И.П.Павлов. Не закончив еще читать, слышу: «Выпишите меня домой!»

Мы с Борисом Моисеевичем проходим через узкую прихожую, похожую на пещеру, спускаемся в «желудок» – зал, где готовят еду. Здесь летом и зимой жарко, как в бане. В огромных кастрюлях в волнении, как в море, штормят супы. Их перемешивают черпаком выше человеческого роста. Колпаки поваров стоят прямо и высоко, как венец Нефертити.

«От этой еды наизнанку выворачивает. Выпишите меня домой!»

Приходит дегустатор, молча и без приветствия. Может, вся вина в этой холодной, как рыба, женщине? Она останавливается, подобно музейному работнику, около каждой кастрюли, но только молча и без слов. Кончиком своей ложки она перекладывает к нам в ложку еду.

Наконец, в комнате диетолога обедаю специально приготовленными свежими и вкусными блюдами. Борис Моисеевич в этот момент меня развлекает; наоборот, и это входит в его обязанности. Развлечение заключается в пересказывании в течение четырех лет одного и того же. Снова спрашивает, в каком отделении я работаю, и начинает всех там хвалить, чтобы, вернувшись туда, я передал им, как их Борис Моисеевич хвалил. Я тоже хвалю своих работников, чтобы Борис Моисеевич при встрече с ними им передал, как я их хвалю.

Затем он говорит о том, что не может есть эту пищу, потому что нездоров.

«Конечно, здешнюю еду больной не сможет съесть».

Он за все эти четыре года так и не понял, кто я, кроме как врач... Он никак меня не мог запомнить, хотя уже несколько раз переспрашивал: где я родился, где я учился... Раньше на это я обижался, а потом привык. И понял, что так выгоднее: чтобы убить время и каждый раз не искать новую тему для разговора.

Он не запоминал меня не от старости, а от равнодушия. Задавал вопросы не потому, что было интересно, а для того, чтобы поддержать разговор, отвлечь чем-нибудь. Без беседы, наверное, со мной ему было обременительно.

Под конец Борис Моисеевич то зевал, то утомленно массировал лоб.

Моя совесть не велит сказать, что Борис Моисеевич невежлив, потому что, зевая, он рукой прикрывал рот. Его обременяло выражать уважение.

Возвращаясь обратно, снова увидел в окнах низкого здания четверых сидящих людей. Судя по одежде, это были женщины. Незнакомые мне, эти люди были ко мне равнодушны, как и мои знакомые. Я вынужден привыкнуть; такова моя судьба.

Фаргана

Повсюду несмолкающий вой ветра. Ветер сплошным потоком гонит песок, он забивается даже в уши. Порывы ветра поднимают платье Фарганы, и тогда становятся видны ее полненькие смуглые ножки. На некоторых участках пляжа песок влажный. Выброшенные на берег волны бурлят, плещутся, словно огромные рыбы.

– Ветра нам только не хватало... – сказала недовольно Фаргана.

– Ты посмотри, какое оно бледное, словно мертвое, – говорю я, показывая на желтый, как подсолнух, диск солнца на туманном небе.

Сняв обувь, мы идем босыми по песку. Я закатал брюки до колен.

Спасатели предупреждают об опасности купания в море:

– Сегодня купание в море запрещено. Купание в море опасно для жизни.

Фаргана пошла переодеваться в раздевалку. Видны только ее голова и ноги. Стоило мне снять рубашку, положить на скамейку, как ветер тут же далеко отшвырнул ее. Брюки я старался сложить аккуратно. Я приехал в них из села, мне предстояло носить их и в городе, нельзя было допустить, чтобы они мялись и пачкались. Фаргана вернулась в купальнике. Тело ее было настолько восхитительным, ослепительно красивым, что и смотреть на нее я стеснялся.

Уложив на скамейку одежду, мы положили на нее сумку с едой.

– Ты совсем похудел, – сказала Фаргана.

Я словно впервые посмотрел на свое тело.

– Э-э, да нет, я всегда был худым, тонким, как тростинка... еще тогда, в студенческие годы...

На пляже было немногочленно. Фаргана опасливо пошла к воде. К нам тут же подбежал молодой спасатель.

– Сказано же было, купаться нельзя, сегодня ветер, шторм.

Фаргана остановилась:

– Не надо на нас орать!.. Почему нельзя? Что мы, зря сюда из города тащились?.. Здесь мелководье, и младенцы купаться смогут, не утонут, – отвернувшись, Фаргана направилась к морю.

– Нельзя! Вернитесь! Что, до вас не доходит, что ли? Хотите купаться, идите туда, – он показал рукой в сторону скал, – если кто там утонет, мы не отвечаем.

– Так вы сами и тоните, – разозлилась Фаргана. – Ничего ни скажешь, настоящий профессионал. Значит, пусть, кто хочет, тонет, но только где-то там, в другом месте, только не около этого героя. Хорошую работенку ты себе выбрал. Лучше бы служить в армию пошел.

Парень смягчился.

– Так я же о вас забочусь! Там безопаснее. А здесь много всякого случалось...

Пенистые волны из морской дали колесами неслись к берегу. Я увидел перед собой на песке желтую корку дыни, отшвырнул ее ногой в сторону.

– Ты посмотри на песок, он лежит барханами, как в пустыне.

Фаргана, отвернувшись, отряхнула с волос песок. Мы прошли мимо прибреж-

ного ресторана, где за тремя столиками, под завывающим ветром, сидели отдыхающие. Дошли до скал, на которые указал нам парень.

– Хорошо здесь, никого нет, – сказал я.

Фаргана нежно улыбнулась.

– Ты прав, чем дальше от людей, тем лучше.

– Нет, я не в том смысле, я же не сова, чтобы к одиночеству стремиться.

– Тогда ты ворона, и что ты сейчас каркнул? – Фаргана рассмеялась, потом вдруг спросила: – Кто из них лучше, ворона или сова?

– Конечно, ворона, она хоть и бестолковая птица, но в сравнении с совой справедливая.

– Справедливая, прямо как твои спасатели. Добыче своей глаза выклевывает. Знаешь, одиночество, это ведь не так уж плохо; а вся вина совы в том, что она любит одиночество.

Еще одна парочка, парень с девушкой, отделилась от спасателей. Они подошли к скалам с другой стороны, долго осматривались, потом выбрав место, сели.

Воздух постепенно прогрелся.

– Совсем не хочется лезть в воду, – сказал я.

– А что тебе хочется? – озорно блеснув глазами, смеясь, спросила Фаргана.

С противоположной стороны, со стороны заката, кто-то шел вразвалочку. Прищурившись, мы наблюдали за ним. Когда он подошел ближе, мы увидели, что это невысокий горбатый парень. Растительность на его лице была негустой, клочьями торчала на подбородке и усах. Насвистывая себе под нос, он прошел мимо, не обратив на нас никакого внимания.

Глядя ему вслед, Фаргана сказала:

– А он, кажется, весельчак.

Весельчак, пройдя дальше, сел на холмик, стал оттуда смотреть на нас. Мы отвернулись.

– Я вновь хочу любить тебя, – торжественно начал я, повернувшись к Фарганае, – вновь зазеленеть, как побег, на обрубленной ветке своей первой любви...

– Спланировано?

– Я еще в студенческие годы очень сильно любил тебя, страдал, плакал даже, как ребенок. Однажды даже получил по шее от друга.

Глаза Фарганы выражали тоску и сожаление, затем ее лицо озарила улыбка. Ее задумчивый взгляд был устремлен куда-то вдаль, как будто она там искала прошлое...

– Я не мог переносить расставание, ты же как будто развлекалась этим – специально убегала от меня. Я подозревал, ревновал. Наконец, моя первая любовь была оскорблена и умерла...

Фаргана, чуть пожав плечами, вздохнула, улыбнулась мечтательно. Я осторожно смахнул песок с ее нежной шеи.

Мы лежали плашмя, вонзив локти в песок. Шум моря звучал, как песня. Время от времени я поднимал голову, украдкой смотрел в сторону соседей, тут же отводил взгляд, стараясь не привлекать к себе внимания. Докладывал Фарганае об увиденном.

– Сидят. Девушка такая пухленькая, хорошенькая, на городскую похожа.

Фаргана искоса взглянула на меня. Закинув руки за голову, пронзила меня долгим острым взглядом.

– Ты, кажется, меня не узнаешь?.. – спросил я.
– Узнаю, но только нет в тебе верности, совершенно...
– О, сейчас истерика начнется!..
– Не очень-то зазнавайся! Может, я за тебя замуж после этого и не пойду.
– А что я такого сказал? При чем тут зазнайство? Ты меня неправильно поняла, я терпеть не могу зазнайства.
– У нас получилась бы хорошая семья. Тебе не нравилось, что я с девушками весело время проводила?.. Да я и сама ненавижу девушек легкого поведения.
– До замужества репутация девушки должна быть незапятнана, быть как нетронутый, невинный цветок.
– Снова намеки, – обиделась Фаргана, – не надо было с тобою сюда приходиться. Я согласилась, чтобы ты не обиделся, подумала, ладно, нашел меня...
– Фаргана, прости... – я потянулся к ней, дотронулся до лица; ресницы ее были мокрыми. Попытался пошутить, легонько щелкнул ее по носу: – ... Пипп... Раз ты заплакала...
– Хватит, бездельник.
Она встала, отряхнула песок, не посмотрев в сторону соседней, пошла к морю. Отчетливо было видно загорелое лицо горбатого парня. Он вертел в руках веточку с единственным оставшимся на нем листком, то и дело роняя ее на землю.
Я побежал догонять Фаргану.
– Не намочи волосы, – протянул ей кепку-бейсболку.
– Она же мужская.
Надев бейсболку, она залиvisto рассмеялась, будто не было никакой размовки. Я тоже залился смехом, стал брызгать в нее водой.
– У-у-у! Холодно!..
– В этой кепке ты похожа на немку.
– На немку, ну и ладно, – она окунулась в воду.
Когда привстала, с нее стекала вода.
– Фаргана, я плохо вижу, ты присматривай за нашими вещами...
– Боишься, брюки твои унесут? – расхохоталась Фаргана.
– А как же, есть такая опасность. Тем более, что там ценные документы.
Кивнув в сторону берега, я добавил:
– Ей-богу, парень мне этот не нравится.
– Ладно, не бойся, я прослежу.
Она подпрыгивала, с визгом встречая каждую волну, заходить в море дальше не решалась.
– Пойдем туда, вглубь...
Она посмотрела на меня, и я указал на бескрайнюю даль.
– Зачем? – Фаргана спросила весело и уже не так напряженно.
– Просто так, пойдем дальше, мы же не дети, чтобы на мелководье плескаться.
– Да, я ребенок, маленькая девочка.
– Скажешь тоже! Здесь по колено, смешно здесь купаться.
Взяв ее за руку, потянул дальше, где глубоко.
– Ай, ай, тону!..
– Раскричалась! Вы посмотрите на нее!..
Когда вода стала нам выше пояса, я, обняв ее, прижал к себе. Неожиданно по всему моему телу пробежала приятная дрожь.

– Ой, мама, тону!

– Думаешь, если я худой, у меня сил не хватит?! Так знай, даже самый слабый мужчина сильнее женщины.

– Не хватит сил!

Извиваясь, как скользкая рыба, она пыталась вырваться, слегка покусывая меня за плечи. Я отпустил ее, когда ноги уже не касались дна.

– Мамочка, тону, я утону сейчас! И никого здесь нет! Мама!

Я схватил ее, прижал изо всей силы к себе. Глотая соленую воду, без конца целовал. Обнявшись, мы вышли из воды.

Когда мы прошли мимо парня с девушкой, они попросили нас:

– Присмотрите за вещами, пожалуйста. Мы тоже искупаемся.

Горбун был рядом. Прогуливался мимо нас взад-вперед. Ветер трепал полы его рубашки, обнажая волосатый живот. Из-под брюк были видны его черные трусы. Иногда, останавливаясь, он рисовал носком ноги на песке человеческую голову. Вновь забравшись на холмик, сбрасывал оттуда ракушки и кусочки стекла.

Обсушившись полотенцем, мы постелили на песке скатерть, придавив ее по углам крупными камнями. Достали из сумки еду: сыр, колбасу, фрукты. Вытащив из сумки арбуз, я посоветовал, что забыли взять с собою воду.

– Пошлем этого парнишку, – предложила выход Фаргана, – думаю, он не обидится, пусть купит в ресторане и принесет, – и позвала:

– Эй, парень! – Он посмотрел на нее. – Ты хороший парень, пойди сюда!

Парень медленно подошел. Он выглядел намного старше, чем мы предполагали, вокруг глаз были морщины, видимо, он постарел раньше времени.

– Очень пить хочется... только мы разделись уже, а снова одеваться – одно мучение.

Он сразу понял.

– Я куплю воду, – сказал он, собираясь уходить.

– Стой, куда ты? Деньги-то возьми, – Фаргана потянулась к нашим вещам за деньгами. Посыпалась мелочь.

– Не надо, – сказал парень, – я угощаю.

Он гордо повернулся, ушел.

У нас сложилось хорошее впечатление о нем. Я похвалил его:

– Он щедрый. Щедрость в крови нашей нации...

– А ты боялся, что он брюки твои украдет...

– Я не говорил, что украдет. Я сказал, что за вещами присмотреть надо.

– Эти тоже его опасались, – Фаргана показала на наших соседей, которые, далеко заплыв, все еще были в море.

– Щедрый-то он, конечно, щедрый, а может, он человек плохой?..

– Прекрати, Бога ради. Все плохие, только ты один хороший! Он всего лишь ростом не вышел.

– Будто не понимаешь, о чем я! – вспылал я. – Тоже мне, сердобольная!..

Фаргана сразу же смягчилась.

– Посмотрите-ка, как разошелся, ешь давай! Побагровел аж!

Я понес нашим соседям угощение – большую дольку арбуза.

За песчаным холмом показался парень. В каждой руке он нес по две бутылки воды. Если честно, то мне стало даже стыдно, что нехорошо о нем подумал.

С удовольствием надкусив грушу, Фаргана пригласила парня присоединиться к

нашей трапезе.

– Садись сюда, сегодня нам смерть от жажды, кажется, не грозит, – показывая на бутылки, сказала Фаргана.

– К шашлыку будет в самый раз, – парень посмотрел в сторону ресторана. – Вот-э, ресторан.

Меня уже начала раздражать его бесцеремонность, и тут он еще добавил:

– А ты похож на бедняка.

Фаргана залилась смехом. Я стал нервничать, хотел скрыть свое раздражение, даже попытался отшутиться:

– Какой ты умный!..

– На умного, судя по очкам, похож ты. Человеку в его жизни необходима лишь небольшая часть знаний, хвастать ими не стоит.

Я старался сдержаться. Посмотрел на Фаргану, она смеялась, эта беседа ее явно развлекала.

– О, Господи, какой парень, а!

Горбун все больше, входя во вкус, набирал обороты.

– Образование – это богатство, накопленное по копейке, а в итоге – жизнь на-смарку. Для некоторых это престиж. Но если нет таланта, то в тысячу раз лучше бедствовать, плодить и растить детей. – Услышать подобное я не ожидал. – Есть такие, что годами, по пять, десять лет иностранный язык изучают, а пригодится он им может на день или на два. Клянусь, лучше коров пасти, полезнее будет.

– Не ходи вокруг да около, ты что этим хочешь сказать? – с деланным безразличием спросил я. – Говори прямо.

Мои слова вроде бы смутили парня. Но он продолжал раздраженно:

– Я хочу сказать, что ты гол, как сокол, босяк, девушке своей даже простенькое колечко подарить не можешь.

Фаргана:

– Я сама не хочу!

Парень:

– Ну и что? Это не имеет никакого значения, – он говорил с издевкой.

Фаргана смутилась.

Вдали над морем кружили чайки. Их крик был как какой-то непонятный говор. Будто кто-то кого-то подзывал. Я встал, решил пройтись, желая прекратить этот бессмысленный разговор. Горбун надоел мне, хотелось, чтобы он побыстрее ушел. Фаргана же все забрасывала его вопросами:

– Ты где работаешь?

Он показал в сторону заката.

– Огород там у нас! – сказал он, потом гордо добавил: – Собственный!

– Частное производство, вам разрешают?

Горбун рассмеялся:

– Ты красивая девушка, – он виновато вытер о штанины свои руки, – но, что поделывать, очень уж наивная.

После этих слов Фаргана замолкла.

– Иди, садись на свое место, бездарный женишок, – позвал он меня озлобленно. – Этот человек тебя обманывает, – продолжил он, обращаясь к Фаргане.

– Он любит меня, а я люблю его, – сказала Фаргана. – А ты иди, своим огородом занимайся.

Слова эти подействовали на горбуна. Он аж вздрогнул, хотел что-то сказать, но не мог найти слов. Подумалось: это он из-за своего увечья придирается, оскорбляет других.

– Но у вас же нет денег...

Мы расхохотались, смеялись, демонстративно держась за животы.

– Ой, уморил! – Фаргана мстила ему, как говорится, уложила на обе лопатки.

Я не хотел обижать убогого.

– Зачем тебе много денег? – спросил я.

Он будто очнулся. Я затронул его сокровенную тему.

– Чтобы рты таким, как ты, затыкать!

Спорить было не о чем.

– Фаргана, – позвал я ее, показав кивком головы на море.

Мы оба были оскорблены. Девушка не стала возражать. Горбун взял пустую бутылку, с силой разбил ее о камень. Разбитые стекла разлетелись во все стороны.

– На пляже бить посуду нельзя. Опасно, кто-нибудь порежется.

Горбун нагло смотрел мне в глаза:

– Можно, если я так хочу...

Мы с Фарганой пошли в море.

Появились новые отдыхающие, но не все спешили лезть в воду. Небо потемнело, прорезавшись мелкими каплями дождя. Мы увидели, что горбун в своих широких, до колен закатанных штанах идет к нам.

– Очень некультурный человек. Дикарь...

– Он таким создан... Ты чего злишься? Видишь же, он больной.

– Он, наверное, потомок бакинских «гочу», разбойников, – усмехнулся я.

Несколько чаек спикировали к воде, коснувшись ее, вновь поднялись в небо.

– Ты слышала о дельфинах? – спросил я.

– Не до дельфинов мне, – ответила Фаргана. И словно жалуясь, продолжила:
– Слышала, но только в жизни моей это ничего не меняет.

Я понимал, что она имеет в виду, у меня сердце защемило...

Горбун был рядом, все кружил вокруг. Нырнул в воду и выныривал.

– Там, где живут дельфины, красиво, лучше, чем на земле. Земля вся истыкана могилами да туалетами, ничего хорошего, – горбун с размаху нырнул в воду, его длинные волосы какое-то мгновение, распластавшись, оставались на воде. Он вынырнул справа от нас, набрав воды в рот, разбрызгивал ее фонтаном. – В штиль море залито солнечным светом, блестит, будто его покрасили...

– На земле человек рождается, на земле ему и жить! – сказал я.

– И что с того, что он живет на земле? Что бы он ни делал, не может совершить ничего особенного, вечного. Смерть все делает бессмысленным.

Удивительно, будучи молодым, он размышлял, как молла на поминках. Он нырнул, показалось, исчез навсегда и снова словно бы воскрес, вынырнул из воды.

– Самое великое, что нас ожидает – это смерть... смерть друзей, родных...

Тут терпению моему пришел конец:

– Дашь ты нам, наконец, спокойно купаться?! Не на поминках же ты, Господь с тобой!

Он тотчас замолк.

Фаргана вся продрогла, ее бросало в дрожь, подбородок трясся.

– Ты вся дрожишь, – я попытался увести ее сторону, разогреть.

Горбун не отставал от нас, шел по пятам. Жалко было его, спина уродливая, грудь впалая, на тонкой коже горба синие прожилки.

Фаргана, трясась от холода, сказала:

– Я выхожу.

– Давай еще немного искупаемся.

– Нет, я замерзла, нет!

Когда мы вышли из воды, дождь все еще накрапывал. Солнце на небе холодно светило. Соседи наши поблагодарили за арбуз.

Фаргана села, откинувшись, на прогретую солнцем скалу. Я сел рядом. Глаза ее выражали бесконечную грусть. Немного согревшись, она, не поворачиваясь ко мне, спросила:

– Сколько мы не виделись?

– Четыре года!

– Сейчас снова расстанемся и встретимся лет через пятьдесят... представляю, какими дремучими стариками мы будем... Почему тебя не было столько времени, – она пылливо смотрела на меня, – женился, небось.

– Как тебе удалось отгадать, – ответил я, улыбаясь, слегка щелкнул ее по носу.

– Ты со мной просто время проводишь.

– Забавная ты девушка!

Она захлопала ресницами.

– Еще скажи, что я отец большого семейства!

Уверившись, что я не женат, Фаргана повеселела.

– Раньше ты был застенчив, смущался, как девушка, сейчас стал уверенным.

– По всему видно, что я тебе не безразличен, что ты любишь меня.

– Ой, посмотрите-ка на него, – Фаргана кокетничала.

Я повернув ее к себе, стал целовать в губы. Забыл обо всем на свете.

...Осмотревшись, я нигде не увидел горбуна. Его не было ни на берегу, ни в море. Посмотрев в сторону соседей, спросил.

– Этот кривой мешади, куда он делся?

– Одедся и ушел, – ответила девушка, показав рукой на постройки в стороне от берега.

Шутя подняв руки к небесам, я возблагодарил их за дарованную свободу и смеялся, соседи наши тоже улыбнулись:

– Он к вам так прилепился.

Довольный и веселый, я лег на песок.

– А она толстая, как корова, – прошептала мне раздраженная Фаргана.

– Зато мягкой должна быть, – сказал я.

– Кому такая нужна? Если бы я была парнем... Толстые женщины тяжело рожают.

– Роды – дело будущего.

– Чего же ты ждешь? Иди, женись! Таких в городе полным-полно.

– Но мне нравятся стройные, с тонкой талией, красавицы Вагифа. И одну из них я заарканил, – произнес я гордо. – Я молодец!

– Осторожно, поперхнешься.

Я поднялся, стал разминаться, чуть не задел ногой Фаргану. Когда увидел, что издали возвращается горбун, у меня руки опустились.

- А вот и наш кривой приятель появился на горизонте.
- Да пусть его, развлечемся немного. Мне нравится, как он бахвалится.
- Тебе весь мужской род нравится, лишь бы мужчина был, – зло сказал я.
- Следи за своей речью. Говори, да не заговаривайся. Чего разошелся?
- Ты и раньше была такой, поэтому-то я тебя оставил, разочаровался.
- Какая трагедия! Мир перевернулся!

Ещё не просохшие волосы свисали на лоб горбуна. Он принес с собою две крупные дыни.

– Вот и нож, чтобы дыню разрезать.

– Нож домашний?

– Э-э, а какой же еще? – он прикрикнул на меня, как на ребенка. Проворно разрезав дыни, он тут же, взяв один кусок, стал уплетать.

– Да у него явно не все в порядке с головой... – начал я, и он мигом ответил:

– Нет еще, нож хулигана... Кстати, ты похож на легкомысленного человека!

Я не знал, что сказать. Надо было его как-то осадить, поставить на место.

– Спасибо за дыни, но теперь вставай, проваливай отсюда. – Я весь покраснел, но был доволен, что сказал это, словно снял тяжелый груз с плеч.

Горбун повернулся ко мне, влажным от сока дыни ртом растерянно спросил:

– Не поняли мы...

Следующие слова я вытаскивал из себя, словно щипцами.

– Не слышишь, что тебе говорят?

– Ты чепуху мелешь, а не говоришь! – он демонстративно наколол на кончик ножа кусочек дыни, положил его в рот, чавкая, стал жевать. – Море наше, оно принадлежит тем, кто здесь живет.

– Что тебе надо, все лезешь и лезешь, тебе дают по башке, а ты лезешь.

Только сейчас горбун понял, что его оскорбили, стал угрожать, хотя не в состоянии был исполнить свои угрозы:

– Я сейчас тебе здесь, на песке, шею сломаю.

Фаргана, несмотря на то, что была обижена, поспешила мне на помощь.

– А мы думали, что ты хороший парень...

– Тебе, конечно, трудно будет переломать хребет, спина твоя подобна тыкке, но я постараюсь, – съязвил я. И тут же пожалел о своих словах.

Горбун подпрыгнул, словно змеей ужаленный.

– Встань!

Я даже не вздрогнул.

– Что, в штаны наложил?! Встань, тебе говорят!

– Не ори, скотина!

– Давай отойдем. Поговорим наедине. При девушке я говорить с тобою не буду. Кажется, с культурой у тебя точно так же, как и с деньгами... Вставай, вставай, тебе говорят! – от злости у него скрипели зубы, челюсти напряглись.

– Пошли!.. – я оттолкнул пытавшуюся меня задержать Фаргану. – А ты останься, что прилипла!

Наши соседи купались в море.

От злости мои ноги глубоко вонзались в песок. Фаргана шла за нами.

– Баба, ты – баба. Причем настоящая.

Я не выдержал, залепил ему звонкую пощечину. Он еле устоял на ногах и, взяв горсть песка, бросил мне в лицо. Глаза мои наполнились песком, а потом, от неожиданности,

данного удара ногой в живот, я, скорчившись, сел на землю.

– Эй, эй... сейчас же убирайся отсюда! Храбрец нашелся! Обезьяна! – Фаргана с криком стала гнать парня.

Превозмогая боль, я молча поднялся.

Чувствуя себя победителем, горбун, пригрозив мне, словно ребенку, пальцем, сказал:

– Смотри, я это только ради нее и стерпел, иди и молись на нее!

– Вина на мне, а не на тебе. Зря я разболтался с таким ублюдком, как ты.

– Заткнись, таких, как ты, я задарма куплю.

– Это и видно по тебе.

– Вы только посмотрите на него! На пляж он с девушкой пришел! Жаль ее, бедняжку! – хихикал горбун.

Фаргана тянула меня за руку:

– Успокойся, не будь ребенком...

Вытащив из кармана брюк деньги, я швырнул их горбуну.

– Бери, это за твое дрянное угощение. – Затем, схватив за рукоятку нож, бросил его парню: – А это твой кинжал.

Нож, вонзившись в мокрый песок, блестел под заходящими лучами солнца.

Лицо парня, как туманом, покрылось сожалением.

– Деньги мне дает... фокусничает...

Подняв с песка деньги, он протянул их Фаргана.

– Ты видела, он первый дал мне пощечину. Я же просто так, пугал.

Фаргана на него даже не посмотрела.

– Эти деньги – оскорбление, самое большое оскорбление. Мужчину так не оскорбляют.

Мы с Фарганой молча одевались.

Увидев, что никто не возьмет у него деньги, он выпустил их из рук и ветер, подобно листьям, унес их в море.

Солнце садилось. Становилось холодно. Мы шли вдоль берега моря.

На автобусной остановке оглянулись: горбун все еще стоял там, неподвижно, как памятник. Казалось, мы слышали его приглушенный голос:

– Видели... вы же сами видели... каков я.

Он будто плакал. Ветер нес с собою его голос, но его никто не слышал.

Перевод: Алима ТАГИ и Диляры ГАДЖИЕВОЙ

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА:

«НА СТЫКЕ КУЛЬТУР РОЖДАЕТСЯ ВСЕ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ...»

Лилия Газизова – человек давно и успешно состоявшийся в литературе. Сегодня она возглавляет секцию русскоязычной литературы и художественного перевода при Союзе писателей Татарстана. Автор двенадцати сборников стихотворений, изданных в России и за рубежом. Печатается в журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Дружба народов», «Октябрь», «Нева», «Интерпоэзия»... Лауреат нескольких литературных премий. Ее стихи переведены на двенадцать европейских языков. Известна и как переводчик татарской поэзии на русский язык. Организатор и руководитель нескольких крупных международных поэтических фестивалей – фестиваля имени Н.Лобачевского, Хлебниковского фестиваля «Ладомир», а также многих других литературных проектов. Участник международных фестивалей в Бельгии, Франции, Турции, Румынии, Польше, Эстонии, Молдове...

В неофициальном формате ее называют «первой леди поэзии Татарстана», у нее берут многочисленные интервью, она мобильна и востребована во всех своих ипостасях. На «ее» фестивали съезжаются самые яркие, неординарные поэтические персоналии сегодняшнего дня. Мне довелось дважды плотно общаться с ней в Казани и каждый раз по-хорошему удивляться ее организационному напору, энергии, оптимистичному взгляду на будущее поэзии, убежденности в нужности того, что она делает. И еще одна немаловажная черта: она – действительно «ключ от города К.», как назвал ее кто-то из поэтических коллег, носитель духа и истории Казани, патриот без националистических вывихов и космополит, ни на минуту не забывающий о своих корнях – мироощущение такое близкое и понятное нам, бакинцам...

– Ну вот, за плечами – еще один фестиваль... По собственному опыту знаю, что когда проект, над которым долго и напряженно работал, приходит к логическому завершению, тебя, как правило, обуревают смешанные чувства: тут и радость, и облегчение, и некое сожаление от того, что все это уже стало частью истории и больше не повторится... А что испытываете в этом пост-фестивальном формате вы?

– Я испытываю ровно все те чувства, что вы и перечислили... Но все-таки главное среди них – это чувство удовлетворения. Может, это звучит как-то казенно, но я рада, что фестиваль живет, развивается (в 2016-м он прошел в пятый раз), у него уже появились свои традиции, свои «фишки»... В частности, такой «фишкой» стал Велимир-слэм, впервые представленный на прошлогоднем фестивале – «живое» состязание поэтов, ставшее очень модным в последние годы в России. Голосует на слэмах и профессиональное жюри, и публика, и хотя все мы прекрасно осознаем всю субъективность таких творческих «состязаний» и то, что нельзя оценивать поэзию и искусство в целом по пятибалльной или еще какой системе, тем не менее, в наших слэмах закономерно побеждают поэты, которые, безусловно, стоят того, чтобы быть названными победителями... Но в первую очередь назначение слэмов – вовлечь в происходящее поэтическое действие как можно больше людей, в том числе, молодежи, сделать фестиваль более зрелищным, пробудить, хотя бы в таком формате, интерес к поэзии у тех, для кого она не то, что на первом, но даже и не на 31-м месте в жизни, для кого она до этого момента, возможно, вообще была некоей непознанной вселенной. И если нам это хоть отчасти удастся, значит, все наши усилия того стоили...

– Мы, к сожалению, живем в эпоху противостояний и противопоставлений, в том числе

и культурных, когда от всех нас (подчас в достаточно жесткой форме) требуют ответа, за кого мы – за «белых» или за «красных»... Но хотя Хлебниковский фестиваль изначально предполагает авангардный формат, по моим наблюдениям, на его площадках встречаются авторы самых разных поэтических «ориентаций». Что это – либеральность или размытость критериев отбора? Что, на ваш взгляд, дает такой стилистический сплав, такой разнотон фестивальных голосов? И существует ли та самая золотая середина между традицией и авангардом, некая их точка соприкосновения или даже пересечения?

– Основная задача фестиваля и его организаторов – представить читателям и слушателям некий срез современной поэзии, а поскольку она очень разная, то, естественно, и участники наши разные. Я со своей стороны могу обещать представить публике выборку из лучших современных поэтов, а уж решать, кому что (или кто) ближе – дело самих читателей... Я бы не хотела, чтобы наш фестиваль был фестивалем только авангарда – хотя, обращаясь к участникам, мы призываем их не забывать о том, что фестиваль носит имя великого реформатора слова и, соответственно, представлять (как на выступлениях, так и в фестивальном альманахе «Пушкиноты») тексты, отмеченные некоей «хлебниковской» интонацией. Приветствуются тексты экспериментальные, по-хорошему хулиганские – я убеждена, что такие стихи есть у каждого из нас, потому что иногда очень полезно ломать собственный формат, какие-то свои же отжившие каноны, ведь эксперимент – это всегда стимул к развитию, к движению вперед. Именно поэтому состав наших «хлебниковцев» всегда будет эклектичным, и именно эта эклектичность – одна из главных отличительных черт фестиваля. Так было и так будет впредь.

– Я знаю, что вы ведете сразу несколько литературных проектов – вы их автор, вдохновитель, организатор и руководитель... Понятно, что для вас, как и для любого родителя, все они по-своему дороги, но у каждого из ваших проектов и фестивалей – все-таки свое лицо, свой формат, своя интонация. Расскажите немного о других ваших «детях»...

– Как вы знаете, я являюсь руководителем секции русскоязычной литературы и художественного перевода в Союзе писателей Татарстана и, естественно, по роду своей деятельности много занимаюсь самыми разными проектами, связанными с литературой на русском языке. Есть среди них более официозные, где «правит бал», скажем, Министерство культуры – их формат достаточно предсказуем. А наряду с этим существуют и авторские проекты – помимо уже упомянутого «хлебниковского» фестиваля, это, к примеру, фестиваль имени Лобачевского¹ (кстати, единственный в мире поэтический фестиваль, носящий имя математика). Мне в свое время показалась очень интересной идея объединить неевклидову геометрию с поэзией и привлечь к участию в этом фестивале людей самых разных профессий – философов, математиков, филологов, религиозных деятелей для того, чтобы вместе порассуждать не только о взаимосвязи поэзии и математики, а шире – искусства и науки в целом. А связь эта очевидна: так, на «круглом столе» самого первого фестиваля отмечалось, что, как большая поэзия невозможна без трезвого расчета, так невозможны и значимые научные открытия без истинного творческого вдохновения. Вообще, неевклидова геометрия – очень необычное и красивое явление, из области столько же науки, сколько и искусства... Составной частью фестиваля является научно-практическая конференция «Влияние неевклидовой геометрии на художественное сознание». Звучит нестандартно, но в ее рамках обсуждаются очень интересные проекты, лежащие на стыке наук – говорится о том, что на сегодня, возможно, и не является догмой и аксиомой, но к чему люди непременно придут завтра или послезавтра.

Вообще, наш земляк Николай Лобачевский принадлежит к числу людей, которые, наряду с Коперником и Эйнштейном принципиально изменили наш взгляд на мир, наше сознание, в том числе и поэтическое. Недаром Хлебников в свое время писал: «Я – Разин со знаменем Лобачевского...» И недаром среди современных нам поэтов столько математиков, физиков... Не может настоящий поэт не чувствовать красоты и магии математической формулы, комбинации цифр, ведь и то, и другое – Космос...

¹Николай Иванович Лобачевский (1792-1856) – русский математик, один из создателей неевклидовой геометрии, деятель университетского образования и народного просвещения, почти 20 лет занимал пост ректора Казанского Университета

– То есть алгебра и гармония существуют в нашем мире рука об руку, пересекаясь и переплетаясь в некое единое целое...

– Именно. Конечно, нельзя не упомянуть и еще об одном фестивале, посвященном другому нашему великому земляку – Гавриилу Державину. Всероссийский державинский фестиваль, на котором каждый год вручается премия его имени – одно из важнейших наших мероприятий. Как известно, поэт родился в Казани, и творчество его оказало огромное влияние не только на русскую поэзию, но и на татарских поэтов. Естественно, самая любимая державинская строка казанцев: «*Как время катится в Казани золотое...*» Я сама очень люблю Казань, никогда не считала ее ни в коей мере «провинцией» – достаточно вспомнить хотя бы то, что в Казани родились два великих поэта, оказавших огромное влияние не только на российскую, но и на мировую поэзию: Державин, проложивший дорогу Пушкину, изменившему весь ход развития русской словесности, и великий реформатор поэтического языка, лидер мирового авангарда Хлебников. Практически у каждого казанского поэта есть строки, посвященные этим двум нашим землякам... И как же могут после этого не рождаться в Казани все новые замечательные поэты?.. А в 2014-м мы в рамках фестиваля впервые провели республиканский конкурс чтецов державинских стихов. Вы не поверите – в нем приняло участие более 100 школьников!.. Сам факт того, что дети хотя бы соприкоснулись с державинской поэзией, нашли его книгу, открыли, прочли и выбрали те тексты, что близки им по духу (а тексты эти порой очень глубокие и «взрослые»!) – уже дорогого стоит. И читали они совершенно удивительно, наполняя каждую строчку глубоким, иногда даже неожиданным смыслом. Надеюсь, что подобные начинания станут традицией – я вообще с большим оптимизмом смотрю на будущее и поэзии, и наших детей. Все в наших силах...

– Ваша позиция так разительно отличается от распространенных в наше время искренних, но бесплодных вздохов об утраченном...

– Надо просто осознать, что поэзия, звучавшая на стадионах – это уже факт истории, не более того. Сегодня поэзия требует более камерного подхода, и это нормально... А просто сожалеть о чем бы то ни было – неконструктивно, надо что-то делать, а сделать что-то реальное может каждый из нас. Есть у нас и еще несколько интересных проектов, в частности, Осенний бал поэзии, который я в этом году собираюсь проводить уже в 20-й (!) раз – его каждый год очень ждут все наши поэты...

– Сегодня мы не очень много знаем и не очень хорошо представляем, что происходит в литературных сообществах в разных концах некогда единой страны... Чем живет писательский союз Татарстана сегодня, что интересного у вас происходит? Стало уже традиционной риторикой, ссылаясь, в частности, на западный опыт, задаваться вопросом, а нужны ли вообще подобные творческие союзы сегодня – каково ваше мнение по этому поводу?

– Наш Союз писателей, как и почти все СП национальных республик бывшего Союза, был основан в 1934 году. Сегодня он насчитывает более 3000 членов. В нем действуют секции татарской прозы, поэзии, драматургии, детской литературы, критики... Я возглавляю секцию русскоязычной литературы и художественного перевода, в которой состоят более 40 человек.

Союз писателей и сегодня остается достаточно влиятельной организацией в республике. Не буду подробно касаться тех сложностей, которые, думаю, знакомы всем нам. В постперестроечную эпоху Союз писателей стал общественной организацией. Тем не менее, республика и сегодня поддерживает творческих людей, выделяются средства на проведение каких-то интересных литературных мероприятий – вот, к примеру, у нас прошел Первый международный фестиваль молодых тюркоязычных писателей... Пожилым литераторам выделяется пенсия – пусть и небольшая, но это все равно благо. То есть, вопреки распространенным клише творческие союзы у нас не умерли, они живы и функционируют и сегодня. Да, теперь мы знаем, что на Западе никогда не было никаких писательских организаций, но это – их опыт, почему мы должны слепо следовать ему?.. Да, возможно, какие-то сомнения по поводу эффективности творческих союзов есть у всех нас, но сегодня реальной альтернативы им я просто не

вижу... А если кому-то что-то уж совсем не нравится, то ведь вход и выход здесь свободный, можно просто не состоять в таком союзе – как и в любой общественной организации...

– А как осуществляется прием в члены СП, каковы критерии оценки авторов и их произведений?

– Критерии у нас достаточно жесткие – автор должен пройти три этапа: обсуждение в своей секции, после чего приемная комиссия выносит свое решение, которое, в свою очередь, обсуждается Правлением СП. На каждом из этих этапов автора могут ждать как приятные, так и неприятные сюрпризы... Желательно иметь в наличии, как минимум, две книги, причем одна из них должна быть издана в Государственном книжном издательстве – там, слава Богу, еще сохраняются какие-то традиционные критерии, нормативы, имеются в наличии грамотные редакторы, корректоры, и издаться там совсем непросто. Вот, в общих чертах, такая ситуация у нас с приемом в «писатели»...

– А есть ли сегодня реальная возможность издаваться не за свои деньги, а за государственные?

– У нас в Казани, безусловно, есть. Конечно, сегодня многие авторы издаются за свои или за спонсорские деньги. Но ниша государственного книгоиздательства сохраняется. Приоритетное направление, естественно, отдается авторам, пишущим на татарском, но и у русскоязычных авторов есть шансы, и вполне реальные. Для начала надо создать крепкую талантливую рукопись, и, если такая рукопись попадает ко мне, я, со своей стороны, делаю все возможное, чтобы довести ее до печати в ближайшие годы...

– Каждый раз, бывая в Казани, не перестаю удивляться разнообразию роскошно и стильно оформленных и очень «весомых» по содержанию литературных, культурологических журналов. А какие издания вы выделили бы из общего потока? И сохраняется ли у вас система гонораров за журнальные публикации?

– Что касается литжурналов, то ведущим среди них, безусловно, является журнал «Казан утлары» («Огни Казани»). Наряду с «Сибирскими огнями», это – старейший региональный литературный журнал в России, авторитетнейшее издание, публикующее прозу, поэзию, критические статьи, отражающее все тенденции современной литературы Татарстана. Среди русскоязычных изданий культурологического характера назову молодежный журнал «Идель» (выходит на двух языках, при том, что материалы практически не дублируются), «Аргамак», «Казанский альманах»... Особо хочу сказать о журнале «Казань» – это больше культурологическое, чем литературное издание, где публикуются статьи о музыке, живописи, представляют наиболее интересных современных авторов (в том числе и участников наших фестивалей, за что отдельное спасибо редакции). Высочайший профессиональный уровень главного редактора «Казани» Юрия Балашова и его талантливой команды делает этот журнал достойным практически международного уровня – поэтому я всегда с удовольствием представляю и дарю его в своих зарубежных поездках.

Что же касается творческих гонораров, то они существуют, но далеко не везде, а учитывая их сегодняшний размер, это, скорее, некий моральный стимул для автора, признание его или ее профессионализма – не более того...

– Ну что ж, мы покончили, так сказать, с официальной частью нашего интервью и теперь можем переходить к следующему блоку вопросов – о творчестве, о жизни, о любви... Мне не раз приходилось цитировать А.К. Толстого, утверждавшего, что «служба и искусство вредят друг другу» и рано или поздно приходится делать между ними выбор. Вы в своем лице с блеском доказываете, что вполне возможно достойно сосуществовать в себе творца и чиновника...

– Пожалуйста, не называйте меня чиновником – то, что я делаю по жизни, не имеет к этому слову ни малейшего отношения... Хотя, конечно, «заорганизовать» можно любое начинание – все упирается в то, как ты относишься к своему делу: если формально, то да, ты – именно чиновник, а если ты горишь тем или иным проектом, волнуешься, болееешь за резуль-

тат – тогда ты уже полноценный соавтор, соучастник творческого процесса.

Лично я никакой сложности в том, чтобы сочетать два этих начала, никогда не ощущала – наверное, потому, что в моей жизни все складывалось органично и постепенно. Стихи я начала писать еще в глубоком детстве, но, уступая желанию родителей, поступила в медицинский, где стала писать уже настоящие стихи, тогда же состоялись первые публикации... Закончив учебу, я несколько лет проработала детским врачом и только позже пришла в литературу – поступила в Литературный Институт, по окончании которого проучилась два года в аспирантуре Института мировой литературы при Российской Академии наук... А когда меня (кстати, достаточно неожиданно) пригласили работать в Союз писателей, я долго отказывалась, хотела остаться свободным художником, но потом согласилась – и не жалею об этом, потому что эта моя работа вкупе с моим нынешним статусом дает мне дополнительные возможности для осуществления каких-то интересных литературных проектов, причем зачастую неформальных. Мне не мешают (а порой даже и помогают) в этих моих начинаниях, за что я и благодарна нашему писательскому союзу. Я пишу рецензии, участвую в работе разных секций, организую какие-то мероприятия, но главное, я имею возможность отслеживать сегодняшнюю литературную ситуацию, знакомиться с какими-то интересными авторами, которым могу реально помочь. Конечно, из потока тех, кто приходит с рукописями, максимум, процентов в пяти можно говорить, что там действительно есть что-то значимое – именно эти пять процентов я с радостью стараюсь поддержать, как-то продвинуть, предлагаю их материалы в местные литиздания, а порой и в московские...

– Но, вспомним, редакторы журналов, секретари творческих союзов и т.п. традиционно жаловались (и жалуются) на то, что им приходилось в буквальном смысле наступать на горло собственному творчеству, что, если бы не их редакторская или административная работа, они бы творчески состоялись намного полнее... Очень многие наши коллеги решительно отмахиваются от всего не связанного напрямую с их личным творчеством, дескать, мое дело – творить, а уж «организовывать» и продвигать это должен кто-то другой... Но существует ведь и культура просвещения, культуртрегерства в самых разных формах, задача поддержки других талантливых людей – и всем этим тоже должен кто-то заниматься, и почему этим «кто-то» не должны быть мы с вами?..

– Вообще слово «творчество» по отношению к себе употреблять некорректно... Но я успеваю как-то сочетать все свои ипостаси. Бывают периоды вдохновенные, когда пишутся именно стихи, бывает, что я перехожу на прозу, пишу статьи, пьесы... У нас есть интересный проект, придуманный мной в свое время – это так называемые «поэты-передвижники», с которыми мы выступали в наших городских библиотеках. И это была не какая-то разовая акция – за год мы выступили более чем в 40 библиотеках. Нас поддержало руководство центральной библиотечной системы города, поэтому все было замечательно организованно – в первую очередь, спасибо за то, что они подготовили нам публику: это были любители поэзии самых разных возрастов и профессий, участники каких-то литкобъединений, а больше всего – старшеклассников... Мы выходили «в народ», выступали по 3-4 человека, читали стихи, прозу, беседовали о литературе – было очень интересно, и каждый раз после таких встреч ко мне подходили люди, спрашивали, как со мной связаться, чтобы показать какие-то свои тексты, участвовать в наших будущих мероприятиях...

– Что касается аудитории – сегодня со всех сторон мы слышим сетования, что читательская аудитория не только сокращается, но и становится все более возрастной. Процессы эти вполне объективные – молодежь меньше читает, а если и читает, то в основном задействует электронные носители информации и т.д. Но на ваших мероприятиях широко представлены именно молодые читатели – подчеркиваю, даже не писатели и не поэты, а именно ЧИТАТЕЛИ... Поделитесь, как и чем сегодня можно привлечь внимание молодежи?}

– Надо просто работать с аудиторией – и я, и мои друзья это делаем постоянно: иногда это происходит в индивидуальном порядке, иногда в расширенном формате. К примеру, наш поэт, философ, преподаватель Казанского университета Натан Моисеевич Солодуха постоянно

приводит на наши мероприятия своих студентов, и я по их лицам, по реакции на происходящее отчетливо вижу, что это отнюдь не «добровольно-принудительная» акция – они внимательно слушают, активно участвуют в происходящем... Повторю еще раз: с аудиторией надо работать, работать упорно и постоянно, а не только тратить кучу денег на то, чтобы дать бегущую строчку на ТВ или вывесить растяжки по городу... (Хотя все это, безусловно, тоже очень неплохо и по-своему нужно). Но в первую очередь, нужно шаг за шагом, день за днем приучать читателя к хорошей, профессиональной поэзии. Сегодня мне постоянно звонят, спрашивают, когда будет очередной фестиваль, кто приедет, просят прислать пресс-релиз и т.п. В общем, в соответствии со старым, но верным утверждением: сначала ты работаешь на имя, а потом имя, известность, авторитет – отчасти мой, отчасти тех проектов, которые удалось успешно осуществить за эти годы – работают уже на тебя...

– То есть, читателя надо растить и ваять собственными руками... Наша беседа проходит в СП Татарстана, где мы с вами, представители разных государств, беседуем на русском языке. И у вас, и у нас естественно сосуществуют два потока – литература на национальном и на русском языках. Но нет-нет да и возникают какие-то нелепые обсуждения – кто первее, кто главнее, что настоящее, а что – «побочное»... Я знаю, что вы не только замечательный поэт, пишущий на русском, но еще и переводчик, много и активно переводящий татарских поэтов. Как лично в вас уживаются две языковые стихии? И нужно ли нам и в будущем сохранять это двуязычие, в том числе и в литературе?

– На мой взгляд, подобное двуязычие просто необходимо... Да, я знаю оба языка и не вижу абсолютно никаких противоречий в том, что я, татарка, пишу на русском. На мой взгляд, это может только обогатить творчество – когда на один личный взгляд, на один мой мир накладывается еще один, и тогда возникает удивительный сплав двух культур, ярких и невероятных самобытных, с огромной историей... А ведь известно, что именно на стыке культур и рождается все самое интересное – достаточно вспомнить тех же Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова, которые в свое время поделились своим совершенно особым (и, между прочим, ярко выраженным национальным!) взглядом с целым миром, перевернув сознание многих и пишущих, и читающих... У нас первые татарские писатели, пишущие на русском, стали появляться где-то в 60-е годы прошлого века – драматург Валеев¹, поэт Рустем Кутуй²... Сначала к ним относились чуть ли не как к предателям национальных интересов и т.п. – первопроходцам ведь всегда трудно... Но они состоялись как личности, состоялись в литературе и этим доказали свою правоту в том давнем споре, подготовив почву для тех, кто шел следом. Другое дело, что если мы выходим из определенной национальной среды, то даже ощущая себя вполне естественно и вольготно в иной культурной среде, не стоит забывать о своих корнях, потому что, как гласит старая, но верная истина, дерево без корней падает. А в общем-то, главное – это то, что получается у всех нас «на выходе конечного продукта» – это либо литература, либо нет, вот и все...

– В общем, как я уже где-то писала: «союз «и» всегда лучше, чем «или»... Через ваши переводческие руки проходит множество текстов современных татарских поэтов. Сравнение – дело заведомо неблагодарное, но если все-таки попытаться сравнить мейнстримы в татарской поэзии на русском и национальном языках – можно ли выделить какие-то характерные черты, в чем сходство, в чем различие этих двух потоков?

– Как известно, татарская литература насчитывает более, чем тысячелетнюю историю – об этом много и справедливо говорится. Но, к сожалению, в последние десятилетия у многих наших соотечественников тексты напоминают лучшие образцы 60-70-х годов прошлого века, то есть, того периода, на который пришелся расцвет советской татарской литературы... Многие интересные мировые поэтические тенденции, увы, прошли абсолютно мимо большинства наших авторов, которые испытывают ко всему этому некое внутреннее отторжение – хотя,

¹ Валеев Диас (1938 - 2010) – известный татарский писатель, драматург.

² Кутуй Рустем (1936 -2010) – известный поэт, писатель и переводчик, сын классика татарской литературы Аделя Кутуя.

непонятно, почему бы не поиграть со словом, не попробовать, не поэкспериментировать?.. Это же просто необходимо для нормального, живого развития литературы, языка... Я действительно много перевожу и скажу откровенно: подчас так скучно переводить бесконечно повторяющиеся строчки о хрустальных родниках, родных краях, любимых глазах и тому подобном, давно уже ставшем штампом... Так хочется встретить новую интонацию, новый яркий образ – пусть это будет спорно, несовершенно, но пусть это будет!... Ведь если поэзия не несет в себе внутренней новизны, некоего «взрыва» – это уже не поэзия, а просто тексты...

Так сложилось, что литературные потоки на русском и татарском языках у нас соприкасаются не слишком близко и часто. Как и почему так получилось, случайно или закономерно – это уже, наверное, тема исследования для будущих литературоведов. Мы дружим, общаемся, но мало влияем друг на друга, и это искренне жаль. Редко бывают вечера, в которых бы принимали участие и русскоязычные поэты, и поэты, пишущие на татарском... Вот, кстати, надо мне подумать еще и над таким проектом!.. (смеется.)

– Великое множество критических перьев и дискуссионных копий затупилось о такие темы, как существует ли реальное разделение поэзии на «женскую» и «мужскую», может ли свободный стих «убить» рифму и так далее. А что вы думаете по этому поводу?

– Я думаю, что особой разницы для читателя нет – пусть это будет поэзия женская, мужская, но пусть это будет, в первую очередь, поэзия, и поэзия талантливая – тогда уже все остальное не так важно... Порой читатель читает сначала текст, не заглядывая в аннотации, хотя, конечно, чтобы лучше понять автора, проникнуть в его творчество, нужно знать, кто он (или она), откуда родом... Что касается противопоставления рифмы и свободного стиха – знаете, у меня в свое время вышло шесть сборников традиционных силлабо-тонических стихов, но в какой-то момент я вдруг ощутила, что рифма меня стесняет – мне стало как-то смешно и ненужно рифмовать свои строчки... В последние годы я практически отказалась от рифмы, перейдя на верлибр. Я, в основном, дружу с «традиционными» поэтами, но они, как раз, очень естественно и легко восприняли меня в моем новом качестве верлибриста... Пару лет назад я впервые приняла участие в московском фестивале, где встретила с мэтрами современного российского верлибра – организатором этого фестиваля Юрий Борисовичем Орлицким, Вячеславом Куприяновым, Данилой Давыдовым... Очень интересно участвовать в таком фестивале, где звучат только верлибры. (Кто-то разделяет верлибр, белый стих, свободный стих и так далее – но это, на мой взгляд, уже нюансы...) Надо заметить, что в русскоязычной поэзии верлибр приживается довольно сложно, хотя в той же древнерусской литературе свободный стих существовал всегда. Я абсолютно не считаю, что рифма себя изжила, ни в коем случае не оспариваю того, что в области рифмованной поэзии нас ждет еще немало интересных открытий, осознаю, что это направление вряд ли когда-нибудь станет мейнстримом в русскоязычной поэзии, но уверена, что и у верлибра есть будущее – интересное и полнокровное.

Кстати, надо заметить, что хороший верлибр – это редкость, потому что многих поначалу привлекает его кажущаяся легкость...

– Вы предвосхитили мой следующий вопрос... При работе с текстами молодых нередко приходится сталкиваться с тем, что авторы пытаются закамouflировать собственную неумелость какой-то «авангардной» формой, камouflировав ее, в том числе, и отсутствием рифмы, размера... Как же все-таки доказать, что это не смелый прорыв и не новый взгляд, а просто-напросто профессиональная несостоятельность? И ведь, наверное, и в свободном стихе есть свои критерии?

– Конечно же, есть. Более того, если в классическом стихе ритм и рифма создают некую музыку, за которой можно иногда «спрятать» отсутствие образа, оригинальной мысли, то в верлибре не за что прятаться – тут все на виду. А вообще для определения настоящего в творчестве, есть такое хорошее слово – *цепляет* (или *не цепляет*). Так что если в стихе – неважно, рифмованном или свободном – есть какой-то яркий образ, строчка, парадоксальный посыл, которые сразу запоминаются, цепляют читателя, то это и есть настоящая поэзия. Но, в общем, вы правы – нередко бывает так, что за верлибр выдают просто некий набор слов...

– Мы живем в эпоху глобализации, когда удручающе одинаковыми становятся не только еда, одежда, фильмы, но и чувства и мысли... Не существует ли такой опасности и в поэзии, в первую очередь, так называемой авангардной? К сожалению, сегодня некоторые авторы сознательно подлаживают свои тексты под некий «европейский» стандарт – им кажется, что так их скорее оценят на Западе, станут переводить, продвигать...

– Был у нас в Казани такой Марк Давидович Зарецкий – руководитель нашего литобъединения. Так вот он часто повторял нам, студийцам, что неважно, О ЧЕМ ты пишешь, важно – КАК... Наоборот, именно сегодня, в эпоху глобализации, как никогда широк интерес к частному, личностному, национальному, и тех авторов, которые этого не понимают, можно только пожалеть. Ведь что такое вообще поэзия, литература?.. Это, в первую очередь, Личность. Мы ведь понимаем, что любой образованный человек, мало-мальски знакомый с азами работы со словом, вполне может написать стихотворение или рассказ – это, в общем-то, не так уж сложно. Но важно ведь совсем другое – какая личность стоит за написанным: если она большая, сложная, интересная, то и произведение будет таким же, и тогда можно ждать каких-то действительно творческих прорывов. Ну, а если маленькая и серенькая – то, соответственно, и чувства, и мысли, и тексты у такого автора тоже будут маленькими и серенькими...

– Еще вопрос, который я при всяком удобном случае задаю своим коллегам-профессионалам – как обращаться с графоманами? Вопрос особенно актуален сегодня, когда размыты критерии, сокрушены авторитеты, а графоманы поют друг другу публичные дифирамбы, бряцают какими-то виртуальными премиями, членством в не менее призрачных литсоюзах... Поделитесь своим профессиональным опытом общения с этой особенной породой «авторов»?

– Я думаю, что обращаться с графоманами (впрочем, как и со всеми другими) нужно вежливо, тактично и внимательно. Но, с другой стороны, когда наступает «момент истины», приходит время выносить профессиональный диагноз – печатать материал или нет, нужно проявлять максимальную твердость (а при необходимости, даже и жесткость) и ставить шлагбаум на графоманском пути. Да, сегодня существует великое множество писательских союзов и объединений, всяческих литературных премий, но необходимо все-таки различать, когда та же премия полновесна, наполнена серьезным профессиональным содержанием, учитывать учредителей премии, состав жюри – это должны быть серьезные литературные журналы и серьезные литературные имена, а не возникшие неизвестно откуда и ничем не подкрепленные «проекты»...

– Сегодня, когда люди не сосредоточены на работе над душой, когда все силы уходят на борьбу с внешним материальным миром или на его благоустройство, нужна ли нам поэзия – самое «неприкладное» и эфемерное из искусств? Каково, на ваш взгляд, назначение поэта в сегодняшнем мире, когда у большинства современников видимой потребности в поэзии нет?

– Я бы сказала так: если не можете помочь поэту, то хотя бы не трогайте его – просто дайте ему фиксировать те волшебные мгновения происходящего, то сиюминутное, что не сможет отразить в творчестве никто, кроме него. У поэтов тонкая кожа – это общеизвестно, а у некоторых ее нет вообще, поэтому их надо любить, помогать, беречь, ну или хотя бы стараться не делать им больно... Поэты – разные, кто-то может быть глашатаем, бунтарем, предвестником, кто-то лириком, интеллектуалом и так далее. Когда-то нужны были бунтари, когда-то – лирики, еще когда-то – интеллектуалы... Сегодня, на мой взгляд, поэт стал просто поэтом, без всяких побочных назначений и предназначений – с одной стороны, он никому ничего не должен, но, с другой стороны, он должен не забывать, что на поэтов оглядываются, к ним прислушиваются, и, как следствие, чувствовать свою ответственность перед словом, перед читателем. Потому что лично я убеждена, что время все расставляет по местам, а поэтическое слово весомо во все времена, так было и будет всегда – всем нам надо помнить об этом...

– В заключение нашей беседы – что бы вы пожелали «Литературному Азербайджану», его авторам и читателям?

– Желая журналу новых интересных авторов, увеличения тиражей, сотрудникам – здо-

ровья, терпения, приятных профессиональных открытий, а читателям – чтобы они развивали свой вкус, читали неважно кого и какого направления, главное, чтобы это была хорошая, умная, гуманистическая (несправедливо забытое сегодня слово) литература...

Беседовала Алина ТАЛЫБОВА
Казань

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

«Стихи Лилии Газизовой настолько непохожи на стихи других, настолько оригинальны, что даже найти им название было нелегким делом. Они одновременно тянутся и к старине, к истории своего народа, и вместе с тем являются новаторством... С первой же страницы ее голос приковывает и чарует...»
Анастасия ЦВЕТАЕВА, 1992 г.

(Из предисловия к первой книге Л.Газизовой «Черный жемчуг»).

Ключ

Денис Осокин¹ сказал,
Что я ключ к городу К.
А мне –
Закреть бы город на три дня.
Чтобы не было в нем
Ни жителей, ни гостей.
Пусть бы
Они погрузились в сладкий
Привольный сон.
А я бы ходила
По улицам старым
И улочкам,
Трогала шершавые камни
Башни Сююмбике².
Я всматривалась бы
И вслушивалась бы
В краски и звуки,
Вспоминая смычки и пуанты
Печального детства...
И стояла бы долго
У памятника Пра моего – Мулланура...
Тихо-тихо было бы в моем городе.
И ушли бы обиды мои.
И поняла бы я город свой.
И простила бы
По-детски...
По-царски...

¹Осокин Денис – известный российский прозаик, поэт и сценарист, уроженец Казани.

²Знаменитая «падающая» башня в Казанском Кремле, архитектурный символ Казани. Название башни связано с именем царицы Сююмбике – одной из легендарных женщин в истории исламского мира.

**С самого моего рождения
Ты всматриваешься в меня,
Пытаешься заговорить со мной
На языке большой реки,
На древнем наречии деревьев и слёз...**

**Порой ты отгораживаешься от меня
Глянцевыми окнами,
Остатками мартовского снега
И мартовскими людьми...**

**Твои дожди выводят морзе:
«Будь му-жест-вен-на!»
И я расправляю плечи,
И становлюсь мужественной...**

**Мое рождение, мое явление тебе —
Утренняя дымка
Перед все поглощающим
Восходом солнца.**

А.Н.

**О чем думала эта женщина,
Сорокалетняя и счастливая,
Скрывающая от всех
Свой возраст,
Названия любимых книг
И фильмов,
Имена любимых поэтов
И музыкантов,
Чтобы никто
Не узнал ее
По-настоящему...
О чем она думала,
Когда бежала в синем платье
По мокрому от дождя перрону,
Боясь опоздать
Или разминуться...
Что рождена для счастья?
Что ее не догонит бессонница?
Пусть бежит
В своём любимом платье,
Пусть не знает будущего,
(Оно всегда безутешно).
Пусть она навеки счастлива
В том дне...**

Я – подросток

Неинтересно стало
Укладывать строчки
В ложа метрические.
Не хочется жонглировать
Словами и рифмами,
Образами и метафорами.
Милее их на пол ронять,
Прислушиваясь к шуму падения.

Угловатым подростком
Хочу остаться
В мире взрослых-хореев.

Сююмбике

Люблю ошибки в словах дочери.
Когда говорит:
Продавательница,
А не продавщица.
Цирковщица,
А не циркачка.
Люблю,
Когда буквы не выговаривает...
Тоскую я:
Отучая от ошибок,
Отучаю от детства.

Рецепт разочарования

Взять мою беспричинную радость,
Добавить твоё молчание
Трёхдневной выдержки,
Плеснуть кипятка
Из глупой ссоры с продавщицей,
Посыпать крупой бессонницы, –
Главное: не переборщить –
Снять пенку
С невыспавшихся взглядов прохожих,
Хорошенько все перемешать,
Поставить на медленный огонь
Томления тела по другому телу,
Потом дать остыть
До температуры безнадёжности.

Блюдо готово.

Без оглядки

Писать о любви безоглядной
В сорок лет
Почему-то смешно.
Заботы о близких и хлебе насущном
Безоглядность съедают.
И оглядываешься, оглядываешься...

Но так хочется, черт возьми,
Написать о любви безоглядной
В сорок лет
Или даже ее испытать!

У дверей

Когда мне станет одиноко,
Так одиноко,
Что не захочется видеть
Этот безобразно-прекрасный мир,
Я наберу твой номер телефона.
Нет, я буду медленно крутить
Диск телефона...
И каждая набранная цифра
Будет означать ступень на лестнице,
К тебе ведущей.
Я не решусь набрать
Последнюю цифру –
Постояв у твоих дверей,
Не решусь позвонить.

Дожди идут, как пленные солдаты,
Не в ногу, спотыкаясь и вразброд.
А я пока не чувствую утраты.
Неверие мне силы придает.

Дожди идут, взбивая пену в лужах
Своею нескончаемой тоской.
И мне должно от этого быть хуже,
Но жизнь течет сонливую рекой.

И через год, не веря, не проверив,
Гляжу на ненадежный водоем.
...Но за тобою не закрылись двери
Во сне. Мы там еще вдвоем.

На рассвете

Меня пугает
Твоё неуменье летать.
Что же нам
На рассвете делать?..

Когда мы поссорились,
Между нами выросло дерево.

Прошло несколько дней,
И между нами уже лес.

Твой неподвижный силуэт
Ещё можно разглядеть.

А я прячусь то за одним,
То за другим деревом.

Пройдет лето,
И мы увидим друг друга.

Но деревья все равно
Будут стоять между нами.

Ты снова приземлилась
На четыре лапы,
Душа моя.
Исхитрилась, ловкая,
Не разбилась.

Чем поманила тебя высота?
Новым горизонтом?
Близким небом?

Однажды это уже было:
Солнечная крыша,
Далекая земля.
И где-то там, среди облаков,
Близкая и ненадежная дорога.

ЗЕМЛЯКИ

БОРИС МИХАЙЛОВ

Бакинец живет в Петербурге. Член Союза журналистов России, Два года назад, после 30-летней разлуки побывал в Баку и, вдохновленный встречей с Родиной, написал пьесу.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

РАУФ КУЛИЕВ (Рафик) – вице-президент компании «Сибирские нефтегазопроводы». Высокий, стройный красавец с усами, женщины от таких мужчин без ума.

МАРГАРИТА РОМАНОВА (Рита) – член Совета директоров компании, его гражданская жена, 38 лет.

СОНА (Соня) – двоюродная сестра Рауфа. Взяла на себя хлопоты по организации встречи в Баку.

РУСТАМ – муж Соны, председатель Совета директоров строительной компании в Баку.

ФАРИД – сын Соны и Рустама, журналист, около 30 лет.

МИНА – жена Фариды.

ЧИНГИЗ САМЕДОВ – американец, владелец международной компании проката автомобилей. В США эмигрировал в 70-е годы.

ДЖУН – жена Чингиза, чуть за 50, выглядит на 35-40 лет.

ЗЕЙНАБ ВЕЛИЕВА (Зина) – учитель гимназии, не дашь ей её лет.

ДЖАВАД ИБРАГИМОВ – муж Зейнаб, конструктор на машиностроительном заводе, пенсионер.

СЕМЁН ЛИФШИЦ (Сёма) – владелец компьютерной фирмы в Тель-Авиве. В войну с семьёй эвакуирован из Белоруссии в Баку. В Израиль эмигрировал в 80-х.

ЭСФИРЬ (Фира) – жена Семёна. Бывшая актриса театра оперетты в Баку.

ГУРГЕН МЕЛКУМЯН (Гур) – владелец мастерской по ремонту и пошиву обуви в Москве. Потомственный бакинский сапожник.

ЭЛЕОНОРА (Эля) – жена Гургена, ведёт праздный образ жизни вместе с подругами с Рублёвки. Бывшая швея-мотористка фабрики им. Володарского.

ИВАН СОКОЛОВ (Ваня) – грузчик в магазине. Сын уборщицы, вырос на улице. Когда жителей Похлу Даре переселяли, получил комнату в благоустроенной квартире, но продал её.

АННА – юрист компании «Сибирские нефтегазопроводы», 32-35 лет.

ВАРВАРА – телохранитель, 30-32 лет.

ЛИЗА ПАНКРАТОВА – институтская подруга Рауфа.

ЭНВЕР ЮСУФОВ – однокурсник Чингиза.

Среди эпизодических лиц бывшие жители двора в Похлу Даре, гости вечеринки в «Амбуран-эстейт».

Друзьям военных лет, основным героям пьесы по 62-68 лет.

Действие происходит в первое десятилетие XXI века.

Действие первое

Квартира семьи Самедовых в Нью-Йорке. Утро. Джун в спортивном трико, подчеркивающем стройную, девичью фигуру, под ритмичную музыку делает зарядку, выполняет сложные гимнастические упражнения. Занятия прерывает звонок телефона.

ДЖУН. Слушаю... За персонал отвечаю я. И не присылай больше людей, не знающих Нью-Йорка. *(Пауза.)* Ну и что, что русский! Да будь он американец или японец. У нас нечасто арендуют машину с водителем, а если уж закажут, наш водила должен знать город лучше таксиста. *(Решительно.)* Куда я приму, у нас нет для него работы... О Симпсоне?.. А с ним что? Зарплату? Отпадает! Мы достаточно ему платим... О'кей! *(Отключив телефон, продолжает зарядку, входит Чингиз.)*

ЧИНГИЗ. Спортивного зала тебе мало? Почему так поздно?

ДЖУН. Рабочие меняют напольное покрытие в зале.

ЧИНГИЗ. Съездишь в ресторан «Абшерон», к управляющему? Письмо загадочное из России получил на моё имя. Звонил, чтобы заехали. *(Садится за компьютер.)*

ДЖУН *(возмущенно)*. У нас адреса нет, посылать письма в ресторан?

ЧИНГИЗ. Откуда я знаю? Али тоже удивился.

ДЖУН. По пути к Элен заеду. *(Прибавляет громкость музыке и продолжает зарядку, поднимает мужа.)* А ну, вставай, разомнись! Живот уже растёт, не стыдно? Посмотри в зеркало. Сколько обещал делать зарядку!

ЧИНГИЗ. По утрам три километра бегаю, душ контрастный принимаю.

ДЖУН. Не каждый день... Посмотри на меня! Как выгляжу, а ты! *(Делает движения, позволяющие показать прекрасную фигуру.)* На что мне старый пузан! Найду молодого Шварценеггера или Сталлоне.

ЧИНГИЗ. Я тебе найду! Что-то болтливая стала. Пропадаешь неизвестно где, когда занят. Узнаю что-то, задушу!

ДЖУН. Спасибо, не обещаешь зарезать. *(Останавливается, подходит и обнимает.)* Пошутить нельзя, сразу закипаешь.

ЧИНГИЗ. Не люблю таких шуток, знаешь.

ДЖУН. Азиат ты мой любимый! Ничего не понимаешь... Что нашла в тебе, влюбилась? *(Обнимает, целует.)*

ЧИНГИЗ *(оттаивает)*. Выходит, нашла, если живем скоро тридцать лет. *(Целует.)* Ну, хватит. Отпусти, с чертежом никак не разберусь.

Джун выходит. Он разворачивает чертеж, что-то правит, листает страницы ноутбука. Звонит сотовый.

ЧИНГИЗ *(по телефону)*. Алик?.. Стройка двигается... Будет не стоянка дополнительная, а гараж. Какой смысл покупать машины, чтобы на улице ржавели? Кому тогда понравятся?.. Мама задержалась с утренним моционом, душ принимает... Позвони позже. Когда будешь в Нью-Йорке?.. Обязательно. Розите привет. Обнимаю. *(Отключается и снова углубляется в чертеж. Входит Джун.)* Быстро ты сегодня.

ДЖУН. Голову не мочила. Заинтриговал письмом, спешу полюбопытствовать, кто это из России разыскивает тебя в ресторане.

ЧИНГИЗ. Алик звонил.

ДЖУН. Что ж не принес трубку? Знаешь, всегда жду звонков от детей!
ЧИНГИЗ. На будущей неделе приедет с Розитой в Нью-Йорк. Наговоришься. Так ты собираешься в «Абшерон»?
ДЖУН. Уже еду.

Просыпается домофон.

ГОЛОС КОНСЬЕРЖА: Вам письмо из России. Принести?

ЧИНГИЗ. Забыл свои обязанности? Неси! *(Джун.)* Еще одно письмо. Интересно, кто еще вспомнил. Тридцать лет ни привета, ни ответа, и вдруг два письма сразу.

ДЖУН. Кто-то из родственников нашелся.

ЧИНГИЗ. После смерти мамы никого не осталось. *(Погрустнел.)* Даже на похоронах не был, не попрощался. Спасибо друзьям, организовали всё, как полагается.

ДЖУН. Пойду, встречу. *(Выходит и возвращается, пританцовывая, с письмом, на ходу читает надпись на конверте.)* Г-н Самедов. Тумен. Раша. Компания «Сибирские нефтегазопроводы». Дальше мелкие буквы и по-русски. *(Передает Чингизу.)*

ЧИНГИЗ *(открывает конверт, вынимает лист с текстом, отпечатанным на компьютере, читает)*. Уважаемый господин Самедов!.. О, фамилию мою вспомнили! Интересно... Ваш друг Рауф Кулиев приглашает вас с женой в середине июля в Баку. Встретиться с друзьями детства из Похлударинского двора. *(Вспоминает.)* Кулиев... Рафик Кулиев... Племянник Алекпер-аги и Лейлы-ханым. Не послушался их, поехал в Сибирь... *(Продолжает читать.)* В случае согласия вам с женой будет оплачен перелет в первом классе, двухнедельное проживание в номере пятизвездочного отеля «Хилтон» и переведена сумма на прочие расходы. Ба! Еще сумма на расходы... Помощник президента компании. Подпись – не поймешь, кто.

ДЖУН. Кто такой Рауф Кулиев?

ЧИНГИЗ. Приятель детства. Выросли в одном дворе.

ДЖУН. Родственник твой?

ЧИНГИЗ. Нет.

ДЖУН. С чего тогда такая благотворительность? Билеты, отель.

ЧИНГИЗ. Не знаю, как объяснить... Не поймешь, что значит вырасти вместе на одном пяточке, где жили по воле судьбы несколько самых разных семей.

ДЖУН. Почему не пойму? Коммуна. В шестидесятые годы в Америке и в Европе среди молодежи коммуны создавались повсеместно. Читала, видела в кино.

ЧИНГИЗ. Коммуна – добровольное объединение, чаще молодых. Наш двор не коммуна. *(Подумав.)* А знаешь, вероятно, ты права. Жизнь в нашем дворе, наверное, можно было назвать коммуной. Постараюсь объяснить, хотя вряд ли поймешь. Представь: старый, покосившийся от времени двухэтажный дом с опоясывающей его застекленной галереей. К дому примыкают еще шесть-семь помещений, образуя полукруг вокруг асфальтированной площадки – двора с воротами на проезжую улицу. Помещения эти язык не поворачивается назвать жильем, но раскрытые окна, комнатные цветы, занавески свидетельствовали: живут в них люди. В центре двора колонка, из неё берут воду для умывания и стирки. В углу каменное сооружение с двумя дверьми – туалет. Он один на все семь или восемь семей. Во дворе несколько деревьев, к ветке одного привязана веревка-тарзанка, на ней постоянно раскачиваются ребятишки. Через двор натянуты веревки, сушится белье. У одной из открытых дверей на асфальте расстелена подстилка с шерстью. Пожилая женщина длинной хво-

ростиной разбивает слежавшиеся ключья шерсти. У другой двери старик-сапожник стучит молотком по башмаку, надетому на высокую лапу, рядом куча обуви ждет ремонта. Тут же, за столом, старики режутся в нарды. Группа мальчишек играет в «лямку». Стоя на одной ноге, очередник другой ногой подбрасывают кусочек ба-раньей шкуры с грузилом и считает, сколько раз удастся подбросить, не уронив.

ДЖУН (*перебивает*). Сказал, не пойму. Очень хорошо представила. Похожее видела в итальянских неореалистических фильмах. Они, правда, рассказывали о со-роковых, послевоенных годах.

ЧИНГИЗ. Когда вспоминаю двор, перед глазами воскресают чаще военные годы, постоянно включенное радио. Голос московского диктора Левитана, сообщения с фронтов. Если наш двор считать коммуной, она не добровольная. Собранная слу-чайной. Когда-то всё это – двор с домом, сараями, конюшней и амбаром, разными по-стройками – принадлежало одной большой семье моллы. Большевики разорили крепкое хозяйство и убили моллу. Часть многочисленной семьи репрессировали. Во все строения, имеющие крышу, поселили городской пролетариат. Позже те, кто под-нимался по социальной лестнице, уезжали, и на их место селили других. Во время войны жильцов в очередной раз уплотнили, вселили семьи эвакуированных из за-хваченных немцами городов. В тесноте, условиях быта девятнадцатого века, люди умудрялись жить, порой даже чувствовать себя счастливыми. Учили и воспитывали детей, играли свадьбы.

ДЖУН. Нас приглашает друг из твоей коммуны, я поняла.

ЧИНГИЗ (*заводится*). Какой коммуны!

ДЖУН. Ты закончил университет и переехал в нормальную квартиру! У нас в коммунах тоже, когда выросли, находили работу, брали кредит и покупали дом.

ЧИНГИЗ. Ни хрена ты не поняла! Никуда я не переехал и жил бы до сегодняш-него дня там. Окончил институт и продолжал жить в своем дворе, с удобствами на улице и водой из колонки. А кредит... Слова такого не слышали. Если только на лек-циях по экономике в странах капитализма... Квартиры у нас не продавались. Имей даже деньги, купить не позволяли. При советской власти квартиры давали бесплатно на работе. Когда отпашешь лет тридцать, ближе к пенсии. Мама умерла, не дожда-лась своей очереди. В этом дворе я жил до самого переезда в Америку.

ДЖУН. Ты прав! Понять вашу жизнь сложно. Тем удивительнее, что твой друг не сбежал, как ты, в Америку, а, судя по приглашению, сумел разбогатеть в России. (*Берет в руки письмо, читает.*) Помощник президента подписал приглашение. Высоко поднялся. Обещает оплатить поездку и отель. Наверняка, богат. Может, он и есть президент компании, если пишет не сам, а помощник... Рауф Кулиев... Среди русских богачей не знаешь такого?

ЧИНГИЗ. Фамилию «Кулиев» слышал, встречал в наших газетах. Но он, пом-нится, из Дагестана, по-моему. И не Рауф. (*Отбирает у неё письмо, смотрит.*) Сибир-ские нефтегазопроводы... Что-то не слышал о такой компании.

ДЖУН. В наших газетах кому интересно читать о русских компаниях, вот и не пишут, если не стрельба, пожар или наводнение.

ЧИНГИЗ. Письмо из дирекции сибирской компании. Если Рафик большой на-чальник, даже не президент компании, сам почему не написал? Сомневаюсь, что при-глашение от него. Тем более, есть еще одно письмо из России. (*Откладывает письмо.*) Пойду, работа стоит. Мексикосы без меня наворочают неизвестно чего.

ДЖУН. Давно собираешься съездить на родину, пиши скорее: согласен.

ЧИНГИЗ. Вдруг кто-то нашел в Интернете меня и решил разыграть? Пошли они! *(Опять берет письмо, читает.)* Двухнедельное проживание в отеле «Хилтон»... Он что, бездомный, у себя принять не может, зовет в отель? Не по-нашему такое приглашение. Не по-азербайджански. Это у вас, в Америке, принято встречаться в ресторанах, отелях. Однако и ваши более-менее состоятельные люди приглашают друзей к себе в дом, а не в отель. Посмотрю в Интернете, что за компания, если правда существует... Какой дурак пришлет деньги и еще гостиницу пообещает?

ДЖУН. Может, рекламная акция? Богатые – сумасшедшие люди. Вспомнили бедного русского и решили сделать подарок.

ЧИНГИЗ. Я что, русский, да? Сто раз объяснял, азербайджанец! И не бедный. Для вас, американцев, кто из СССР, значит, русский. Азербайджан и Россия – не одно и то же. Есть еще туркмены, узбеки, грузины. *(Звонит сотовый телефон, и он отвечает по-азербайджански.)* Niyə zəng edirsən? Bu dəqiqə yaxınlaşaram!¹*(Выходит.)*

ДЖУН *(садится за ноутбук, открывает поисковик)*. Сибирские нефтегазопроводы... *(Письмо заинтересовало, и, посидев за компьютером, но мало что поняв, она подходит к окну, зовет мужа.)* Чина! Не остановится стройка без тебя! Надо скорее писать ответ. *(Чингиз не торопится откликнуться. Джун находит музыкальную программу, слушает. Наконец, возвращается Чингиз, берет письмо.)* Нанял каких-то мексиканцев, без тебя ничего не могут сделать.

ЧИНГИЗ. Женщина! Не лезь в мужские дела, а! Без тебя знаю, что делать. *(Поднимает её из-за ноутбука, и садится сам. Джун через плечо мужа смотрит на дисплей. Он находит нужную страницу и внимательно читает, поворачивается к жене.)* Ты еще здесь? *(Автору письма.)* Если соберемся в Баку, сами выберем время. Дорогу, что ли, не в состоянии оплатить, или «Хилтон»? *(Поворачивается к жене.)* Что-то понимаешь, устала? Почему не едешь за письмом?

ДЖУН *(обиженная, отходит в сторону, но не уходит совсем)*. Ждешь еще одного приглашения в Россию? Столько рассказывал о своем Баку! Каспийское море, пляжи! Заочно влюбилась. Давно жду, когда выполнишь обещание, покажешь город детства. Вместо каспийских пляжей везешь в Капакабану, в Аргентину, в Новую Зеландию.

ЧИНГИЗ. Сто раз объяснял, раньше там показаться не мог. Пока существовал СССР, я считался невозвращенцем. Предателем Родины.

ДЖУН. Ты не предавал, просто выбрал Америку. Здесь больше перспектив для тебя.

ЧИНГИЗ *(смотрит на дисплей, сам с собой)*. Кроме Кулиева, ни одной кавказской фамилии в Совете директоров. Русские, еврей, иностранцы... Молодец, выбился! Женщина права, тянуть с ответом не следует. *(Снова берет в руки конверт.)* А где же Баку? Письмо послано из России, из Тюмени. Сам Рафик, выходит, в Тюмени или в Уренгое, а приглашает в Баку... Если это розыгрыш, я ничего не теряю. Выберем удобное время и съездим. В июле в Баку очень жарко. *(Пишет ответ. Подходит жена, Чингиз обнимает её, целует.)* Давно мечтаю побывать на родине. Теперь обязательно поедем. Если собирается вся наша məhəllə², конечно, следует принять приглашение. Поедем и в жару.

ДЖУН. Сообщил, что мы согласны?

ЧИНГИЗ *(отрывается от письма)*. Написал. Отправлять пока не буду. Так ты едешь в «Абшерон»? Возможно, в письме будут подробности о намечаемой встрече.

¹Что звонишь? Сейчас подойду.

²Məhəllə (азерб.) – квартал.

Домашний кабинет Рауфа Гасановича Кулиева в Москве. Рауф перебирает бумаги, печатает на ПК. Входит Рита, обнимает, целует, он убирает её руки.

РИТА. Всё корпишь над бумагами? Хватит, а! Мало тебе денег? Хочешь повторить судьбу Ходорковского?

РАУФ. Не мешай, и так с цифрами запутался. Прекрасно знаешь, деньги меня не интересуют. Их у нас столько, что и дети не растратят. В голову пришла идея кое-что упростить в процессе переработки нефти.

РИТА. Сегодняшняя технология чем плоха? Характер твой непоседливый не может остановиться. В голове постоянно мысли, как бы что еще переделать. Когда возьмешься себя переделывать? Меня собираешься так и оставить любовницей, если, не дай Бог, что случится?

РАУФ. Будешь свободная, самостоятельная бизнес-леди. Найдешь порядочного мужчину.

РИТА (*обнимает Рауфа*). Что говоришь, а! Доброго и умного, порядочного... Красивого, как ты, больше не найду. Слишком высоко поднял планку настоящего мужчины. Останусь одна, возьму на воспитание малыша, или двух. Если примут, поеду к Павлу и Петру нянчиться с твоими внуками... Не желаешь понять! В общественном мнении я останусь любовницей олигарха, все годы транжирила его миллионы. Другое дело вдова... Женись, наконец, на мне.

РАУФ. Совет директоров, членом которого являешься, высоко ценит твою роль в успехах компании. В Российском союзе промышленников и предпринимателей, министерствах все знают: ты – моя жена, а не любовница.

РИТА. Может, и знают, а общество считает любовницей.

РАУФ. Пришла отвлекать меня от дел?

РИТА. Сердитый какой! (*Снова пытается обнять.*) Хочу побыть с тобой! Оторвать от бесконечных проблем. Врачи запретили тебе много работать.

РАУФ. Сколько еще проектов не успел завершить! Столько – на середине, и никто за меня не доделает. Потому и тороплюсь.

РИТА. Твое имя уже занесено в энциклопедию первых нефтяников Сибири.

РАУФ. Романтик писал ту статью. Не хочу остаться в памяти только романтиком, первооткрывателем.

РИТА. Как ни пугают врачи, подводить итоги рано. Поживем пока, рожу тебе еще одного сына.

РАУФ (*после паузы*). Считаешь, израильские врачи лучше американских и немецких знают, сколько мне осталось? Один Аллах знает, сколько человеку предназначено. Кстати, анекдот в тему. В Интернете прочёл. Больной спрашивает у врача: «А после операции я смогу быть папой?» «Сможете... Только Римским...»

Мне бы этого не хотелось. Жить – так полной жизнью. Просто существовать недостаточно, вот и колеблюсь.

РИТА. Римским папой? Не смешно. Иерусалимские светила обещают минимум две пятилетки, а может, и больше, если согласишься на операцию.

РАУФ. Какая операция на седьмом десятке! Метастазы не уменьшаются.

РИТА. Потому и соглашайся немедленно. Ты совсем не старый. Старость – когда женщины рядом только в белых халатах или из машины с красным крестом.

Рауф пересаживается в обычное кресло, сажает её себе на колени, целует.

РАУФ. Считаешь, стоит рискнуть?

РИТА. В бизнесе всю жизнь рискуешь, а тут...

РАУФ. На кону жизнь. А столько еще не сделано!.. Не родила мне наследника.

РИТА. У тебя есть сыновья и даже внуки. А родить – еще рожу.

РАУФ. Поклянись, что оставишь наследнику фамилию Кулиевых, за кого бы потом не вышла.

РИТА. Я же обещала. Клянусь. А замуж ни за кого, кроме тебя, не пойду. Так ты женишься на мне?

РАУФ. Зачем? Мечтаешь ухаживать за мной, когда стану больной развалиной? Приносить-уносить судно, убирать из-под меня?

РИТА (*перебивает*). Для этого найдутся санитарки и няньки, дело не в этом. Будем вместе до последней минуты.

РАУФ. Вот этого и опасуюсь! Когда слягу совсем, распорядюсь, чтобы охрана не пускала тебя ко мне. Хочу в памяти остаться не беспомощным инвалидом, а цветущим и энергичным, каким полюбила меня.

РИТА. Таким и буду помнить. Таким, как сейчас! (*Обнимает, целует. Стук в дверь.*) Входите!

Входит охранник Варя.

ВАРЯ. Рауф Гасанович, молодой человек кавказской наружности утверждает, что он ваш племянник, обязательно примете. (*Протягивает визитку.*)

РАУФ. Зови немедленно.

Варя выходит. Входит Фарид, сын двоюродной сестры Рауфа Соны, журналист. Он обнимается и целуется с Рауфом и Ритой.

ФАРИД. Салам, дядя Рафик, салам, Рита-ханым! Оба прекрасно выглядите, рад видеть. Я с делом приехал, точнее, с просьбой.

РАУФ (*перебивает*). Вай-вай! Родной племянник – и с делом. Без дела некогда?

ФАРИД. Извини, дядя! Правда, некогда, то из редакции не отпускают, то Мина не может поехать. Давно мечтает побывать в знаменитом московском предместье.

РАУФ. Взял бы с собой.

РИТА. Пусть приезжает в любое время. Одна, с сыном, если ты не можешь. Дом сыновей Рауфа стоит пустым, и наша квартира всегда в вашем распоряжении.

ФАРИД. Спасибо, Рита-ханым.

РИТА. Мы почти ровесники, обращайся на «ты», и без всяких «ханым». Говорила еще в Уренгое.

ФАРИД. Я приехал взять интервью. В Баку столько разговоров, дядя, о твоём скором визите. Прилетишь, набросятся журналисты. На правах родственника собираюсь опередить их. Наша газета первой опубликует интервью.

РИТА. Опоздал. Ваши журналисты уже приезжали. И в Москву, и в Уренгой.

РАУФ. Подожди о делах. Расскажи, как мама, отец?

ФАРИД. Мама всё молодится, выглядит на тридцать пять. По полдня проводит в фитнес-клубе и с подругами. Сама теперь водит «Роллс-ройс», что ты подарил. По-

други, да не только они, не перестают восторгаться её авто. Папа весь в работе. Компания выиграла тендер по возведению комплекса высотных зданий. Будут возвышаться над всем городом, видны из любого места. Недавно вернулся из Турции, заключил очередной контракт с коллегами на совместную работу. Мина по-прежнему преподаёт в Университете, Азиз перешел в третий класс. Учится нормально. Что тебе еще рассказать? В городе ждут твоего приезда и гадают о цели.

РАУФ. Чего гадать! Я же рассказывал журналистам. Перед операцией хочу увидеть друзей военного детства. *(Звонит по сотовому.)* Николай, пресс-релиз по визиту в Баку готов? Хорошо. Как отпечатаешь, сразу принеси. *(Фариду.)* Что будешь пить?

РИТА. Выбор богатый. Виски, водка, коньяк, мохито. Соки, минералка.

ФАРИД. Минералку. Дядя, скажи, чтобы никому пресс-релиз заранее не давали.

РАУФ *(улыбается)*. Кроме тебя – никому. В Баку в аэропорту представителям серьезной прессы, если будут встречать, вручим.

Рита придвигает к мужчинам небольшой столик, достает из бара бутылки, бокалы, стаканы-армуды, всё ставит на стол и садится. Фарид наливает себе сок.

ФАРИД. Обязательно встретят. И еще, повод для моего приезда. Я, дядя, задумал роман-эпопею об азербайджанских нефтяниках – освоителях сибирской нефти. Главный герой – собирательный образ, в основе факты из жизни известных людей: Фармана Салманова, Вахида Алекперова, страницы из вашей жизни, ваших учителей и кумиров прошлых лет, участвовавших в развитии азербайджанской нефтяной промышленности – Александра Серебровского и Михаила Баринава, Николая Байбакова...

РАУФ. Называешь имена революционеров, министров, я тут ни с какого боку-припеку не подхожу. В нашей семье только папа мой был нефтяник. Все наши предки религиозные деятели.

РИТА. Сыновья твои нефтяники. Жена... *(Помолчав.)* Любовница.

Фарид смущенно переводит взгляд с дяди на Риту.

РАУФ. Я не могу запретить, но прошу не приводить никаких имен и фактов из жизни нашей семьи, по которым легко узнать меня. В цивилизованных странах люди гордятся своими успехами, общество уважает тебя. Здесь же тех, кто чего-то достиг, винят во всех бедах, постигших страну после распада СССР. Пытаются уничтожить.

ФАРИД. В Азербайджане то же самое. Не любят богатых, хотя каждый стремится к богатству. Признайся, основания для такого отношения к людям, в короткое время сколотившим капитал из ничего, есть. Или налоги. Ты, к примеру, полностью их платил? Признайся.

РИТА. Фарид, ты прямо прокурор.

ФАРИД. Что вы, Рита-ханым! Если дядя и вправду нарушит закон, я никогда не пойду заявлять.

РИТА. Надеюсь. Время Павликов Морозовых ушло безвозвратно.

РАУФ. Всего я добился своим трудом. Ни у кого ничего не украл, не присвоил, не прибрал к рукам принадлежащее государству. Были, естественно, случаи неправильной уплаты налогов, были и суды. Схемы, которыми мы пользуемся до сих пор, вероятно, можно назвать слегка жульническими. Но закон не нарушается. Если правительство издает такие законы, кто же виноват? Систему ограбления России законодательно оформили во времена Ельцина. При Путине она осталась.

ФАРИД (*достаёт диктофон*). Не будем критиковать систему, примем, как есть. Дядя, напомни, когда ты впервые потрогал руками, увидел нефть?

РАУФ. Что за вопрос – когда увидел нефть? Да каждый бакинец в мое время видел нефть с рождения! В море, на улице. Детсадовцами нас возили на дачу в Маштаги. Дорога шла мимо качалок и буровых, бескрайних нефтяных озер на промыслах. Кто не бывал на пляжах в Загульбе, Бузовна? Забудешь разве дорогу на электричке мимо тех же вышек и озер? С тех пор, правда, озера осушили в значительной мере. Во времена моего детства слова «экология» не только нефтяники – горожане не знали. Я отвлекся. Спрашиваешь, как познакомился с нефтью по-настоящему, пощупал руками? В пятьдесят восьмом. После третьего курса перешел на вечернее отделение и летом устроился на промысла в Сабунчу. В трудовой книжке сохранилась запись: оператор по добыче нефти. Звучит интригующе? На самом деле слесарил, поднимал и опускал в скважины трубы, следил за работой компрессоров и насосов, ремонтировал их вместе с другими вахтовиками. Так всю жизнь и трубил бы в Сабунчу или Сураханы. В лучшем случае, выбился бы на работу в одно из управлений «Азнефти», не случись памятная встреча. В институт, встретиться с будущими нефтяниками, приехал Фарман Салманов – первооткрыватель сибирской нефти. В тот год, в марте 60-го, зафонтанировала первая скважина в Приобье, на севере Тюменской области. Салманов рассказывал о перспективах роста для молодых специалистов, необычных красотах природы, о людях. Я и загорелся: поеду в Сибирь к Салманову. На следующий год получил диплом и вот – сорок лет в Сибири.

ФАРИД. Когда я был у тебя, мы ездили к вахтовикам, на буровые. Ты тогда много интересного рассказал, и я написал серию репортажей. Что-то не вошло, многое забылось. Для будущей книги необходимо восстановить твою историю.

РИТА. Не хранишь свои записи, черновики?

ФАРИД. Черновики по глупости уничтожил. С кассетами была напряженка, и я редко сохранял старые записи. Теперь жалею. Часть сибирских плёнок, правда, сохранилась. В основном, беседы с приехавшими из Азербайджана. Мне интересны обычные будни, детали, чем конкретно занимался эти годы.

РАУФ. Рита даст тебе диск с газетными публикациями, радио-интервью за последние более чем десять лет. Там прочитаешь об авариях и пожарах, удачах и поражениях, новых открытиях и визитах больших гостей из Москвы. Собирать материалы начала еще Лена. Почитаешь, послушаешь, поймешь, чем я и окружающие жили всё это время. После продолжим разговор. Хорошо?

ФАРИД. О'кей! Спасибо! Эти записи окажут неоценимую помощь.

РАУФ. Что касается истории моей жизни и работы, Рита всё бережно хранит. (*Обнимает Риту.*) Как бы жил без неё, не представляю. (*Фариду.*) На закате жизни судьба второй раз улыбнулась, послала эту женщину. Как потерял Лену, долго не мог прийти в нормальное состояние, вернуться к обычной жизни. Тридцать счастливых лет прожили. (*Замолкает, думает, вспоминает.*) Вышла на пенсию, наслаждаться бы домашним уютом, развлекаться с рублевскими подругами, так нет, соскучилась по тундре. Звонит мне уже из Тюмени: жду – не дождусь, когда увижу. Через час самолет в Уренгой, если не встретишь, пришли вертолет до поселка.

ФАРИД. Не было вертолета, послал вездеход?

РАУФ. Не дождалась она вертолета, так спешила меня увидеть. Напросилась ехать с вахтой по зимнику. Пожелала вернуться в молодость, вспомнить нашу жизнь в тундре. Мы с ней тысячи километров прошли и проехали вместе! Вот и поехала...

Успей я в Уренгой, встретить её, разве позволил бы ехать в это время по зимнику?

ФАРИД. Летом не удалось найти и поднять вездеход?

РАУФ. Где его отыщешь в бескрайних болотах? Искать начали сразу же, в первые часы, как узнали о трагедии. Да разве найдешь, когда солнце с каждым часом греет все сильнее. Лед таял, болота становились непроходимыми.

РИТА. Давно не касался этой темы и вдруг разговорился.

РАУФ. Так и не похоронил жену по-человечески... Сколько там, в болотах, осталось не найденных братских могил! Какой ценой доставалась сибирская нефть!

ФАРИД. Извини, дядя, мою бестактность. Пристал с вопросами.

РАУФ. Ничего. Теперь всё тебе рассказал?

ФАРИД. Даже то, что никогда не хотел вспоминать. Спасибо. Ты отдохни, я поеду пока в город, встречу кое-с-кем. Можно взять вашу машину?

РАУФ. Рядом резиденция Президента. Увидят тебя за рулем, незнакомое лицо кавказской национальности, ФСО десять раз остановит. Возьми нашего водителя.

РИТА *(смотрит на часы)*. Прежде мы пообедаем.

ФАРИД. Я не голоден, можно не останусь на обед?

РАУФ. Как хочешь. *(Фарид целует Риту, обнимает дядю и выходит.)* Смирился, кажется, а временами вдруг найдет. Считается, время лечит. Не меня. Вспомню Лену, всё валится из рук. Другой бы снова запил... Оставь меня сейчас. Необходимо побыть одному. Разбредили старую рану.

РИТА. Сам начал. Не я, не Фарид. *(Обнимает его.)* Понимаю, Елену никогда не заменю, но жить надо. Продолжать дела, которые, никто за тебя не завершит.

РАУФ. Я сказал, оставь, пожалуйста, меня. *(Рита продолжает сидеть рядом.)* Мне позвать Варвару?..

Рита смотрит на него долгим взглядом и выходит.

Он продолжает молчать, уставившись в темный экран телевизора.

Занавес

Забрат – пригород Баку. Чайхана.

Несколько мужчин в возрасте пьют чай за одним из столов, сдвинув чайники и стаканы в сторону, играют в нарды. Их обступили болельщики. После каждого броска зар раздаются азартные выкрики играющих: «Шеш-беш – 6:5», «Ду-бара – 2:2», «Пянджи-сэ – 5:3, «Шеш-йек – 6:1». Фоном звучит мугам. Среди болельщиков Иван Соколов. Слышится шум подъезжающего автомобиля, головы большинства зрителей и игроков поворачиваются в его сторону. Молодые парни-болельщики комментируют: «Вот это машина!» «Мерседес!» «Какой тебе «Мерседес»! На такой сам Ильхам Алиев, Президент наш ездит». Комментирует самый молодой: «Это «Мальбах» последней модели. Может, «Бентли». «Смотрите, водитель выходит... Обходит машину. Открывает заднюю дверцу... Помогает выйти ханым... Красивая... Не очень молодая». «Роллс-ройс» машина». «Артистка. Разодета как! Посмотрите. Шофер ведет в нашу сторону. Она приказывает ему остаться». Сона-ханым подходит к чайхане.

СОНА *(по-азербайджански)*. Yaradanın rəhməti sizinlə olsun! Allahın rəhməti bizimlə olsun!¹

¹ Мир вам! Мир Всевышнего! Да прольет Аллах свою милость на всех нас!

МУЖЧИНЫ (*нестройно, хором*): Allahın rəhməti bizimlə.¹

СОНА. Мне сказали, я могу здесь найти Ивана русского. Соколов фамилия.

ГОЛОСА: Ванька! К тебе артистка-ханым! (*Головы игроков и болельщиков поворачиваются то к Ивану, то к Соне.*)

Появление красивой женщины, приехавшей на шикарной машине, – событие для обычной серой жизни рабочего поселка нефтяников.

Иван подходит, долго не узнает женщину.

ИВАН. Сона-ханым, вы?

СОНА (*пожимает ему руку, делает было попытку поцеловать, но не решается*).

Как ты оказался здесь?

ИВАН (*с улыбкой, насмешливо*). Забрат забрал меня. Долгая история. Как нашли меня?

СОНА. Отойдем в сторонку.

Отходят на авансцену, а посетители чайханы продолжают обсуждать происшествие. «Не жена Президента?» «Скажешь тоже! Жена Президента – без охраны в такую глушь». «Иван-бухарик, какие знакомства имеет!» «Интересно, кто эта ханым. Артистка?» «Похожа на артистку. Спросим потом Ивана».

СОНА. Переселили из Похлу Даре в Забрат? В Баку не нашлось квартиры?

ИВАН. О чем вы, Сона-ханым? Расселяли когда, дали комнату в микрорайоне, почти в Баладжаре. Понадобились деньги, и я поменял её на Забрат.

СОНА. Какой-никакой микрорайон – это Баку, город. Мы с Рустамом тоже начинали в Первом микрорайоне. Надо было остаться в городе. Работаешь здесь?

ИВАН. В магазине.

СОНА. У тебя свой магазин?

ИВАН. Ну, вы даете, Сона-ханым! Я похож на владельца магазина? Какой магазин! Грузчик я.

СОНА. Грузчик? И не обращай ко мне так официально... Какая я тебе Сона-ханым? Соня. Позабыл наш двор, песочницу, где голопузыми ушаглятами играли? Вспоминаешь? На асфальте расчерчены классы, мы, девчонки, прыгаем по квадратам, вы, мальчишки, играете в «Пажара» ...

ИВАН (*перебивает её и продолжает воспоминания*). Битой сбиваем столбик монет и пальцами измеряем, чья бита ближе к монетам, какой стороной рассыпались монеты. Ты стоишь за спиной и болеешь. Что вспоминать детство... Когда это было! В другой жизни.

СОНА. Помнишь, однажды тебе не везло в «Пажара», всё проиграл. Оставался последний бросок, и под возмущение пацанов ты разрешил мне кинуть биту за тебя. Кинула и выиграла целую горсть монет. Отдала тебе, чтобы продолжил игру. Пацаны кричат: джигалбасы, нечестно. Не хотели допускать до игры, ты полез в драку.

ИВАН (*улыбается*). Помню, в тот раз благодаря тебе отыгрался. (*Вдруг грустнеет.*) В памяти и последняя наша встреча на похоронах вашего папы Алекпер-муаллима. Ты была уже совсем другой. Не Соня, а Сона-ханым. Жена хозяина крупнейшей строительной компании Баку! Жена миллионера. Высоко поднялась! Как мне, работе, общаться с знатной дамой... Что привело тебя в наш поселок?

¹И вас храни Аллах.

СОНА. Не женат?

ИВАН. Что привело в наш поселок, спрашиваю. Захотели посмотреть, как живу?

СОНА. Поговорить хочу.

ИВАН. Спросили, женат ли? Разведен. Пил много. В тюрьме сидел.

СОНА (*удивленно*). Сидел? За что?

ИВАН. Не помнишь? Посчитали, я избил Аслан-агу, толкнул его будто.

СОНА. Что-то связано с собакой, вспоминаю.

ИВАН. Детишки притащили во двор щеночка, ухаживали за ним, кормили, играли, поселили за разваленной печью в углу двора. Никому не мешал, не лаял, а Аслан-аге не нравился. Он ко всей живности относился плохо. Из моего дрессированного кота Рыжика грозился сделать шапку.

СОНА. Вспомнила – миленький черненький, с белым пятном на лбу щеночек. Детвора устроила ему постельку, с утра до темноты все возились с ним, вытаскивали клещей, катали в детской колясочке. Я приносила ему молочка, мясо, когда удавалось незаметно стащить. Мне Пупсик очень нравился, уговаривала маму поселить его у нас на веранде. Мама не разрешила.

ИВАН. Несколько раз, когда во дворе никого не было, Аслан-ага выносил щенка за ворота и выбрасывал. Щенок прибежал обратно. А однажды я встретил Аслан-агу на улице, далеко от дома, в руках зембил, из сумки торчит голова нашего Пупсика. Собрался унести подальше, чтобы не вернулся. Я бросился отнимать, он вцепился в сумку. Рвем её друг у друга, и он вдруг упал, лежит, не встает. Собрались люди. Меня обвинили, что толкнул, ударил старого человека. Мне пятнадцать, Аслан-аге за семьдесят. Мог ли я поднять руку на человека, годившегося мне в дедушки?! Учитывая, что имел приводы в милицию, и мама не отличалась примерным поведением, дали мне первые два года. Позже за тунеядство посадили. В последний раз за драку.

СОНА. У тебя никакой профессии, устроился амбалом? Ты же шофером был, нас с Кариной катал по всей Похлу Даре. Оставлял машину на ночь во дворе, папа возмущался, а малышня счастлива, разрешал посидеть в кабине, покрутить руль.

ИВАН. Права давно отобрали. Слесарил, да и сварщиком могу. На нефтепромысле работал наладчиком. Везде выгоняли. Грузчиком пока держат. Работая в магазине, даже если не пил никогда, станешь бухариком. А я пью с детства.

СОНА. Не лечился?

ИВАН. Откуда деньги на лечение? Да и не пойду я лечиться. Бесполезно. Знаю я корешей, что вшивались, лечились в клиниках... Все потом вернулись к бутылке.

СОНА (*сочувственно*). Не повезло тебе в жизни... Все наши устроились. Чингиз в Америке владеет фирмой проката автомобилей, Рафик – нефтепромышленник-миллионер. У Сёмы с Фирой в Израиле компьютерная фирма. Гурген держит в Москве свой сапожный салон... Зина была завучем, сейчас преподает историю в гимназии... Муж мой устроит тебя в клинику.

ИВАН. Не лягу ни в какую клинику. Говори, зачем приехала?

СОНА. Рафик Кулиев, двоюродный брат мой, собирает в Баку всех, кого найдем, с нашего похлударинского двора. Устроит вечеринку, праздник. Я согласилась помочь, найти, кто в городе. С кем успели связаться, обещают прийти. Приехала пригласить тебя. Рауф всем оплатит поездку и гостиницу.

ИВАН (*перебивает*). Сбежал в Россию, стал миллионером, теперь кровь родная взыграла, решил вернуться. Не горю желанием видеть. Ему зачем эта встреча, похвастать перед нами своими миллионами?

СОНА. Пишет, жить осталось недолго. Болен неизлечимо. Собирается приобрести место на кладбище, чтобы похоронили на родине. Хочет увидеть друзей детства, проститься перед смертью. Отказываешь человеку в последней просьбе.

ИВАН. Передай, пусть извинит. Не приду я. Сама сказала, все чего-то достигли, выучились. Я, если помнишь, с трудом семилетку закончил. А достиг... Сама видишь.

СОНА. Не представляю, как помочь... Дать тебе денег?

ИВАН. Зачем? Пропью.

СОНА. Скажу Рустаму, встретится с тобой, что-нибудь придумает. Комнату твою поменяем обратно на Баку. Доплатим, и будет у тебя квартира в городе. Рафик придет, тоже поможет. В России он известный меценат. Да все друзья не оставят тебя.

ИВАН. Спасибо, Соня. *(Тронут, берет её за руку.)* Все это мечты. Пьяница я. Бухарик. Никто мне уже не поможет... Мне и прийти на встречу не в чем. Ни джинсов целых, ни туфель.

Сона открывает сумочку, протягивает несколько крупных купюр.

СОНА. Больше нет с собой наличных. Где у вас банкомат? Сниму с карточки.

Иван отводит ее руку.

ИВАН. Ты что! Понимаю, что опустился. Но не настолько, чтобы брать деньги у женщины. Нет, нет!

СОНА. Я не какая-то женщина. Подруга детства. Вместе выросли. И если у тебя сейчас нелегкие дни, мой долг помочь.

ИВАН. Нет, нет! И не думай, я ни копейки ни у кого не возьму.

СОНА. Встанешь на ноги, отдашь.

ИВАН. Я уже не встану. Не поднимусь. Сдохну, как собака, под забором.

Сона берет его за руку.

СОНА. Как с тобой еще разговаривать! Тебе хотят помочь... Придется силой отправить на лечение, а потом заберем отсюда. Женим. Ведь еще не стар.

ИВАН. Спасибо за заботу. Я пойду. *(Намеревается уйти, неожиданно останавливается.)* Раз такая добрая, дай два маната, куплю бутылку, отмечу с друзьями нашу встречу, вспомним молодость. *(Сона протягивает ему купюру в двадцать манатов. Он берет, рассматривает.)* Я просил два маната.

СОНА. Меньше нет.

ИВАН. Ладно, спасибо.

СОНА. Я буду не я, если не вытащу тебя, не привезу на встречу похлударинцев.

ИВАН. Не надо меня позорить, умоляю. Во имя нашего детства, оставь в покое и не приезжай больше. *(Берет ее за руку и ведет к машине, уходят.)*

Посетители чайханы продолжают обсуждать редкий автомобиль и приезд богатой дамы к Ивану.

Занавес

Москва. Квартира семьи Мелкумян. Хозяева – Гурген и его жена Элеонора тоже провели детство в Баку. Гурген – в Похлу Даре, Элеонора – недалеко от него, в Арменикенде. Комната, где происходит действие, похоже, столовая или гостиная. Хозяева не бедные. На стене огромный персидский ковер, модные портьеры на окнах, картины в дорогих рамах, в буфете богемское стекло. В центре комнаты модный овальный стол, дорогие стулья. Здесь же, в углу, свалена куча старой обуви. За старинной ножной швейной машиной «Зингер» хозяин зашивает дамский туфель, напевая что-то армянское. Входит жена.

ЭЛЕОНОРА. Когда наконец уберешь всё это из квартиры! Превратил в сапожную мастерскую! Мало тебе салона? Там торчишь весь день, дома еще работаешь. Телевизор смотреть не даешь. Машинка постоянно строчит, как пулемет. Нам что, кушать нечего? Дети не устроены? Слава Богу, Левон докторскую защитил, Армин из Германии и разной Европы не вылазит. Дочь преподает в Университете. А ты всё как твой папаша, холодный сапожник на Парапете. Стремись заработать лишнюю копейку. Друзей нельзя привести из-за этой свалки. *(Показывает на кучу обуви.)*

ГУРГЕН. Пока Армин защитит докторскую, денег еще потребуется, не представляешь сколько.

ЭЛЕОНОРА. Он и сегодня прилично получает. Где видано, чтобы владелец салона, работодатель, сам ремонтировал старье!

ГУРГЕН. Не могу без дела. *(Поднимает дамский туфель, показывает жене.)* Кто-нибудь из работников зашьет так аккуратно? Вот знакомые и просят самому заняться.

ЭЛЕОНОРА. А ты не можешь отказать. Для чего троих работников держишь?

ГУРГЕН. Заказов много. Радоваться надо, люди еще ремонтируют обувь в нашем районе, не выбрасывают, как богачи в центре.

ЭЛЕОНОРА. Живем ради твоего салона в непрестижном месте, давно в состоянии переехать в пригород. На Рижское шоссе или на Рублевку, кстати, дома там подешевели. Армин с иностранными компаньонами встречается в ресторанах и отелях, стесняется пригласить в дом, превращенный в сапожную мастерскую. Салон приносит доход. Сыновья и дочь устроены, пора наслаждаться жизнью, путешествовать, ездить по курортам, а ты всё стучишь своим молотком, колешь руки иглой. Не изживешь воспоминания бедного военного детства.

ГУРГЕН. После семьи имама Кулиева наша была самой богатой во дворе. Дедушка и папа хорошо зарабатывали, и мы не очень нуждались. В войну и первые послевоенные годы новую обувь покупали редко, бесконечно ремонтировали ту, что носили до тех пор, пока уже зашить или подковку подбить становилось невозможным. Дед с мамой в последние годы работали дома, отец – в будке на Парапете. А потом устроился у твоей фабрики, недалеко от дома. Днями, не разгибаясь, корпели над рваной обувью, возвращали её к носке. С трех лет и я помогал. Вначале – подай-принеси, убери мусор, потом и работу несложную передавали.

ЭЛЬВИРА. Мы и познакомились, помню, у будочки вашей. Вы с отцом выбрали доходное место. Рядом швейная фабрика, тысяча работниц в две смены туда-сюда, остановка двенадцатого трамвая. От заказов нет отбоя. Принесла в ремонт американские босоножки, что когда-то получили от собеса, как остро нуждающаяся семья. Ты осмотрел их и посоветовал выбросить, на Кубинке купить новые. Мы поспорили, поругались, и ты смилостивился, согласился постараться привести их в божеский вид. Когда пришла за ними, кроме металлической пряжки ничего не осталось от моих бо-

соножек. Лучше новых. Этими босоножками и охмурил наивную швею-мотористку.

ГУРГЕН. Так бы и согласилась выйти замуж за пару босоножек!

ЭЛЬВИРА. Понятно, не одними босоножками завоевал. С перерывами еще год встречались, прежде чем решила выйти за тебя. Мама до последнего возражала.

ГУРГЕН. Ударилась в воспоминания.... Если купить квартиру рядом с твоими подругами-бездельницами, лишимся клиентов.

ЭЛЕОНОРА. И бог с ними, с клиентами!

ГУРГЕН. На второй день умру без дела. Столько лет вместе и не понимаешь меня. Я что, не отпускаю тебя на курорты? Каждый месяц куда-то мотаешься. Живешь, как жена олигарха.

ЭЛЕОНОРА. У меня есть муж, хочу с тобой ездить, а не с подругами или внучками, словно разведенка несчастная. *(В прихожей звонок, она выходит. Возвращается с письмом в руках.)* Давно почтальон не поднимался на пятый этаж до квартиры. *(Показывает мужу.)* Официальное.

ГУРГЕН. Не пишут теперь письма, телефоном пользуются. Отблагодарила?

ЭЛЕОНОРА. Я что, маленькая? Или не в Баку выросла. Открывай, интересно, кто это из Тюмени нашел тебя.

ГУРГЕН *(прежде чем открыть конверт, рассматривает со всех сторон)*. Адрес тюменский, а отправлено из Москвы. 356-ое отделение.

ЭЛЕОНОРА. От кого? Кроме как из налоговой и Администрации никто не шлет в официальных конвертах. Из Тюмени, говоришь?

ГУРГЕН. На конверте штамп «Сибирские нефтегазопроводы».

ЭЛЕОНОРА. Так письмо для Армина или Левона!

ГУРГЕН. Сейчас узнаем. *(Открывает конверт, читает.)* Уважаемый Гурген Нерсесович! Ваш друг детства Рауф Кулиев приглашает вас с супругой в Баку встретиться с друзьями детства по похлударинскому двору... *(Вспоминает.)* Рауф Кулиев. Рауф... Рафик! Несколько лет назад, помнишь, в ГУМе встретили его двоюродную сестру – Соню. Она говорила, Рафик в нефтяном бизнесе стал миллионером. *(Продолжает читать.)* Встреча планируется на середину июля. В случае согласия вам с женой будет оплачен перелет в первом классе, двухнедельное проживание в пятизвездочном отеле «Хилтон» и переведена сумма на прочие расходы. Помощник президента... Закорючка. Друг детства, называется, не мог сам написать! На машинке, да еще на бланке, словно официальная бумага.

ЭЛЕОНОРА. Сказал, миллионер. Миллионеры сами не пишут, у них секретари и помощники. Зовет в Баку? Чего я там забыла... Нищенское детство?

ГУРГЕН. Когда познакомились, семья твоя не нищенствовала. Не сочиняй!

ЭЛЕОНОРА. К тому времени я третий год работала на Володарке, брат учился в ФЗО, на полном обеспечении. А когда еще не работала, у мамы младший брат на руках был, очень нуждались. До сих пор перед глазами, как делим кусочек хлеба на троих. Работала на двух ставках в нашем двести двадцать пятом квартале – в детской поликлинике, еще подряжалась мыть полы на почте и принимать утром газеты. В жуткой нужде жили. Сообщи власти, что отец погиб, какое-никакое пособие платили бы, а за пропавших без вести – никакой помощи... Вспоминать не хочется. Особенно после восемьдесят восьмого, когда старые знакомые перестали общаться, потому что армяне мы. Не осталось в памяти ничего приятного.

ГУРГЕН. Сегодня не восемьдесят восьмой год.

ЭЛЕОНОРА. На месте твоей Похлу Даре небоскребы выросли, – рассказывал

Нелин муж. И, слава богу! Было бы что вспоминать! Не забуду, какое впечатление произвела твоя Похлу Даре, когда показал издали. Представить не могла, что люди живут без ванной, без водопровода, с туалетом на улице.

ГУРГЕН. Жили и были счастливы.

ЭЛЕОНОРА. Получила удовольствие испытать такое счастье в вашем дворе. Приезд ассенизаторской машины за нечистотами, после отъезда которой еще неделю во дворе стоял запах – святых выносы. Спасибо маме, сжалась над нами, пустила к себе. Недолго пожили с твоими, но условия, с какими пришлось столкнуться, не забуду никогда.

ГУРГЕН (*перестал строчить на машине*). До большевистской революции у нашей семьи был двухэтажный дом. В приличном месте, недалеко от моря. Во время революции прадед нашел убежище в Похлу Даре. Потом власть захватили красные и наш дом экспроприировали. Возвращаться было некуда. Так и остались в Похлу Даре, вначале в семье Вартанянов, потом сняли комнату у Кулиевых. Тебе повезло, с детства жила в отдельной квартире, без соседей. Не знаешь радостей и несчастья жизни в коллективе. Круглые сутки одни и те же лица, хочешь-не хочешь, а вынужден общаться, подстраиваться под чужих людей. Все про всех всё знали. Привычки, пристрастия, любимые ругательства. У кого что есть из одежды, что носят, что едят. Случались и скандалы, мордобой, но когда у кого-то несчастье, забывались ссоры и обиды. В эти минуты на помощь приходило всё взрослое население двора. Теперь понимаю, взаимопомощь и терпение друг к другу в те годы были необходимым условием выживания в многонациональном коллективе. О соседях по двору, детстве и юности осталась лишь добрая память.

ЭЛЕОНОРА (*запевает «Когда мы были молодые, и чушь прекрасную несли...»*). Во времена детства и юности всё было прекрасно. И небо голубей, и климат приятнее. На самом деле мы были молоды.

ГУРГЕН (*опять включает швейную машину и сразу же останавливает*). И это... Страшно хочу увидеть пацанов со двора, Похлу Даре. Неужели уничтожили всю нашу махаллю? С домами, дворами, протянувшимися от Нижне-Бульварной до самого цирка? Наверняка что-то осталось. Голубая мечеть, где служили Кулиевы, Парк офицеров.

ЭЛЕОНОРА. Настроился ехать? Не пущу!

ГУРГЕН. Давно собираюсь, ты всё отговариваешь. Европу и Азию объездили, а в Баку, на родину, не можем решиться съездить. Встретимся с друзьями, кто еще живой, посетим могилы родных.

ЭЛЕОНОРА. Не пущу в Баку! И не думай!

ГУРГЕН. Поеду! Не хочешь – поеду один. Когда еще представится случай встретиться с друзьями детства.

ЭЛЕОНОРА. Если живой вернёшься, в дом не пущу.

ГУРГЕН (*насмешливо*). Серьезно считаешь, могу и не вернуться?

ЭЛЕОНОРА. И жалеть не буду. Сам полез на рожон. (*Телефонный звонок.*) Междугородка. (*Говорит по громкой связи.*) Армин! Сынок!.. Когда тебя ждать?

АРМИН (*по телефону*). Дела, мамочка! Думаю, к концу недели всё закончим. В субботу или воскресенье буду дома. Слышу, папа всё строчит на машинке.

ЭЛЕОНОРА. Никакого сладу с ним. Продолжает домой брать заказы.

АРМИН. Папа и часа без работы посидеть не может.

ГУРГЕН (*оставляет работу, отбирает у жены трубку*). Спасибо, Арик! Ты всегда

понимал меня. Левон уговаривает взяться за книги, которые не прочитал... На кой они мне! Неля каждую неделю приносит новые диски с фильмами. Скопилось десятка два непросмотренных. Для меня лучший отдых – поработать, не торопясь, над какой-нибудь хитрой заплаткой, сделать её незаметной для глаз...Послушай! Приятель детства с нашего двора приглашает нас с мамой в Баку. Предлагает билеты на самолет в первый класс, номер в гостинице «Хилтон». А мама боится ехать.

АРМИН. Не знаю, что посоветовать. Неизвестно, как встретят, мама права... Хотя, предложи мне «Хилтон» и самолет, не отказался бы.

ГУРГЕН. Тянет на родину. Похлу Даре увидеть, встретиться с пацанами. Сходить в Парк офицеров, на Набережную.

ЭЛЕОНОРА. Какие тебе пацаны! Как и ты, деды на седьмом десятке! Не пущу!

АРМИН. Решайте сами.

Трубку снова берет мать.

ЭЛЕОНОРА. Сынок, я не поеду в Баку. И отца не пущу... Мне жизнь не надоела. Левон придет и, надеюсь, убедит его. *(Продолжает телефонный разговор.)*

Занавес

Рауф и Рита дома. На экране включенного телевизора – военные кадры, звучит мелодия военных лет. Наши герои сидят, обнявшись, продолжают разговор, изредка бросают взгляд на экран телевизора.

РАУФ. Мама очень любила отца и тяжело переживала его гибель. Мне исполнилось четыре, когда пришла похоронка, а всё помню. Несколько дней пластом лежала. Рыдала, не вставая. Обо мне заботилась Лейла-ханым, увела к себе, постелила в комнате Сони. Там я и жил, пока женщины успокаивали маму. В память о муже она во всем следовала национальным обычаям, хотя была русской. Азербайджанским языком владела, как родным, соблюдала традиции, помогала старшим Кулиевым готовиться к Новрузу и Гурбан-байраму. Имела возможность выйти замуж. За ней ухаживал друг моего папы, но она не смогла предать мужа.

РИТА. Наша семья оказалась счастливее. Дед вернулся с войны живой, а папа уже не успел на фронт.

РАУФ. В нашем дворе не только у меня война унесла отца. У Зины Велиевой отец погиб на фронте, у Ивана. Почти до Победы дожил отец Чина, Энвер Самедов. Прошел всю Европу, после ранения приезжал домой. Мы, пацаны, восхищенно перебирали его медали и ордена, слушали рассказы о войне. Подлечившись, он снова уехал на фронт и погиб. Не было отца и у Сёмы. Его в нашем дворе не знали. Лифшицы были эвакуированными из Белоруссии. Из взрослых мужчин во дворе оставались лишь старики. Мой дядя, отец Сони Алекпер-ага, дед Гура Акоп и хромой Нерсес, его отец. Связь поколений прервалась. Долго еще в Похлу Даре не слышали детских голосов. Мое военное поколение отступило от традиции многодетной семьи. Имеют одного, в лучшем случае, двух ребятишек. Теперь жизнь в Азербайджане наладилась, пора восстанавливать семейные традиции.

РИТА. Обещаю тебе наследника. Постараемся, так и двух. Баку мне нравится. Особенно море. Поселиться там постоянно я не прочь. Если женишься.

Военная программа на ТВ завершается, начинается реклама, и Рауф выключает телевизор. Он поднимается, берет с письменного стола бумаги, просматривает.

РАУФ. О наследниках потом, скажи, сколько еще нашлось наших с Похлу Даре?

РИТА. Список ты смотрел, больше никого. Ничего не осталось от твоей Похлу Даре. Турецкое посольство на месте вашего двора, а овраг застроен современными домами. Ровесников судьба разбросала по миру. Кто в Иране, кто в Америке, кто-то в Израиле или в Москве. Никого в Баку не осталось. Одна твоя двоюродная сестра. И она с мужем уехала бы, не помоги ты им вовремя.

РАУФ. Муж Сони без меня развернулся со строительством. Я лишь помог расшириться, убрать конкурентов. Забыла? Сама изучала перспективы бакинского строительного рынка, прежде чем я инвестировал в его компанию.

РИТА (*находит бумагу, читает*). Нашли еще Зейнаб Велиеву – теперь она Ибрагимова. Учитель в гимназии.

РАУФ. Зинка-картинка все еще работает учителем! Ей ведь, как и мне, седьмой десяток пошел.

Стук в дверь, входит юрист Анна.

АННА. Рауф Гасанович, в бухгалтерии не совсем понимают, из какого расчета переводить деньги участникам встречи, самолет, гостиница, командировочные.

РАУФ. Какие командировочные, а! Сказал – предложить условия, чтобы от приглашения нельзя было отказаться. Компенсировать предполагаемые убытки. Не все мои друзья преуспели в жизни, а я отрываю их от дела.

АННА. Вместо того, чтоб поехать куда-то на курорт, подлечиться к операции, собираетесь в самую жару в Баку. (*Рите.*) Ты бы уговорила, если уж так приспичило увидеть друзей, перенести сроки на осень.

РАУФ. В сентябре операция, к ней следует еще подготовиться. Последний шанс окунуться в молодость и встретиться с друзьями. Посидеть за столом с теми, кто помнит меня пацаном, кто видел молодой мою маму. Проститься...

АННА. Всё, что радовало в детстве, казалось прекрасным, сегодня разочарует. Кого не видел сорок лет, лучше помнить мальчишками и девчонками, а не стариками и старухами.

РАУФ. Умом понимаю. Согласен. После всего, что довелось увидеть в мире, Похлу Даре покажется серым, скучным местом. А притягивает, остаётся дороже всех Лазурных берегов. Родился там, вырос. Вот и тянет.

АННА. Ваша сестра обещает устроить встречу достойнее, чем это сделала бы любая профессиональная фирма в Европе или Америке. Просит только не привозить с собой ансамбль красоток, обычно сопровождающих вас. В Баку не поймут.

РАУФ. Сколько у меня красоток? Ты да Маргарита. Ну, еще Варвара и Катя – мои секьюрити, как без них? Соня, очевидно, спутала меня с известным русским олигархом, героем давнего куршевельского скандала. Проверьте, пожалуйста, с Николаем, Семен из Израиля и Чингиз из Нью-Йорка ответили? Если нет, пошлите еще раз приглашение.

АННА. На деньги, что переводите им, я бы согласилась не только посетить родные места, но и смотаться в Антарктиду.

РАУФ. Ловлю на слове. Проведем в Баку встречу, отправлю в Антарктиду. Со-

бирай компанию. (Рите.) Не горишь желанием поехать с Анной в Антарктиду?

РИТА. Антарктида у нас дома, когда включаешь все кондиционеры. Лучше Ницца или Карибы.

РАУФ. Если всё же решусь, махнем перед операцией куда-нибудь на Карибы.

Занавес

Баку. Квартира Ибрагимовых. Зейнаб ходит по комнате, продолжает наводить порядок. Убирает со стола стопки тетрадей, ставит вазу с цветами, накрывает стол к чаю. Раздается долгожданный звонок, Зейнаб выходит встречать подругу и возвращается с Соней. Гостья с интересом рассматривает квартиру.

СОНА. Уютное гнездышко у тебя. Маловата только квартирка.

ЗЕЙНАБ. Было две комнаты. Когда сын женился, пришлось сделать обмен, и у них теперь отдельная квартира. Нам с Джавадом и здесь не тесно.

СОНА. Педагог престижной гимназии, а живешь в такой клетушке.

ЗЕЙНАБ. Взятки не беру, чтобы жить в хоромах. У мужа тоже нет левых доходов. Сын обещает переселить во дворец, как только преуспеет в бизнесе.

СОНА. Есть надежда?

ЗЕЙНАБ. Пока у него свое небольшое дело. Пекарню держит. Начинал один, мы с Лейлой понемногу помогали, теперь работает с женой и помощником.

СОНА. Давненько мы не виделись.

ЗЕЙНАБ. С похорон твоего папы.

СОНА. Сын, говоришь, пекарню держит. Помню, когда Мехти учился в школе, ты рассказывала, он увлекался археологией.

ЗЕЙНАБ. Серьезно увлекался. Каждую весну, как археологи открывали сезон в Крепости, всё свободное время проводил с ними на раскопках. Окончил, как и мечтал, исторический факультет университета, а работы, кроме школьного учителя, не нашел. Женился. Отец жены подсказал идею с пекарней в их районе.

СОНА. Дочка, слышала, лучше устроилась.

ЗЕЙНАБ. О ней сердце не болит. Лейла с отличием окончила Нефтяную Академию и преподает там, учится в аспирантуре. Муж уже кандидат. Родители у Сабира богатые и молодым помогают, а ко мне относятся свысока. Не могут понять, почему не пользуюсь положением, считают, ненормальная. Гимназия наша, правда, одна из лучших в городе. Принимаем по конкурсу. Кто-то из учителей, может, и пользуется положением, не знаю. Я не могу. Так воспитана... Бывала дома у нашей директрисы, не похоже, что берет взятки. Да и все наши учителя живут, не скажу, что богато. Слава нашей гимназии в любви педагогов к детям, уважении к профессии учителя.

Подруги садятся пить чай.

СОНА. Рустам тоже не брал никогда. Давать – давал. Встать на ноги помогла предпринимательская жилка, его энергия. Она и сегодня бьет через край. Если помнишь, мы тоже начинали жить не в хоромах. Вышла замуж, поселились у нас в Похлу Даре. Живы были папа и мама. Ухаживала за ними и продолжала работать. Жили в тесноте, с удобствами, к которым Рустам не привык. Лишь через два года СМУ ему выделило однокомнатную малогабаритку в Первом микрорайоне. Считаю, за городом.

Потом переехали поближе к его родителям, на Басина. Сейчас там Фарид с Миной и сыном живут. Рустаму повезло с выбранной профессией. Когда поступал в Строительный институт, никто не ожидал, что пройдут годы и случится строительный бум. В восемьдесят восьмом наконец перебрались в центр, в старинный дом на Бунията Сардарова. Квартиру Рустам получил в руинах. В полу дырки, несущая стена перекошена, вместо балкона две торчащие на улицу рельсины от узкоколейки. Полгода мы перестраивали нашу будущую квартиру. Передвинули стены, перенесли кухню и ванную. В итоге получилось четыре довольно просторных комнаты и широкий балкон.

ЗЕЙНАБ. Просторно для троих.

СОНА. Четверых. Мама Рустама была еще жива. Не успели насладиться простором, как на голову свалились родственники мужа из Ходжалы, пострадавшие от армянского вторжения. Их город превратили в развалины. Азербайджанцев, если не поубивали, то выгнали из своих домов. Кирпич из стен разрушенных домов увозили в Степанакерт на строительство зданий. Семья родственников Рустама оказалась без крыши, без вещей, без копейки денег. Кое-как добралась до Баку. Благодарили Аллаха и судьбу, что остались живы. Юсуф, жена его Алия, дети Заур и Эльдар. Пришлось выделить им две комнаты. В других осталась Адиля-ханым, мать Рустама, и наша дочь Катерина, ну, и в бывшем кабинете мы с Рустамом. Так и жили цыганским табором два года, пока у Рустама не появилась возможность купить им квартиру. Слава Богу, хоть на старости вздохнули свободно, можем теперь принимать гостей.

ЗЕЙНАБ. В детстве я больше дружила с Кариной, в одном классе учились. С тобой встречались нечасто, хоть и жили в одном дворе. Мама работала, я целыми днями была в детском саду. Только когда болела, ненадолго выпускали во двор. Ходила в сто пятьдесят первую школу, тебя возили в блатную двадцать третью.

СОНА. После школы мама вела еще в Дом пионеров... Как вспомню шестой троллейбус, и сейчас чувствую боль в боках, так давили. Мама ещё вместо «давка» говорила «basabas». Туда еще терпимо, я и мама сидели. Обрато в первые годы мне иногда уступали место, а чаще стояла, как и все. До школы росла во дворе, это правда. Настоящей хулиганкой. С мальчишками качалась на тарзанке, играла в альчики, чику, казаки-разбойники.

ЗЕЙНАБ. Ваша семья была самая богатая и удивительно добрая, гостеприимная. Сказывалась традиция религиозного воспитания. Помню, Алекпер-ага приносил продукты и делился с матерями всей детворы. До школы твоя мама часто приглашала всех детей к вам, угощала мацони и чуреком. И всё ешь, сколько хочешь. В нашей семье в те годы мацони не покупали, а по карточкам получали кирпичный хлеб. Мама строго его делила. Настоящий азербайджанский чурек попробовала в вашем доме.

СОНА. Мама со всей улицы приводила в дом голодных девчонок и мальчишек, с которыми я играла. Усаживала за стол и кормила всем, что ели сами. Повзрослев, я поняла, откуда в доме был достаток. Папа наизусть знал весь Коран. Тайком изредка исполнял требы, заменяя имама или моллу, часто муэдзина в какой-то дальней действующей мечети. За ним приезжали затемно на легковой машине. Люди знали, что он не совершил хаджа и формально не имел права отправлять службы. Шла война, времена были тяжелые, где найдешь настоящего моллу, тем более, имама. Всех пересажали, если не расстреляли, и папу звали служить. Многие, как могли, благодарили.

ЗЕЙНАБ. Мама всегда тепло отзывалась о твоих родителях. Очень уважала, хотя и была атеисткой. Жалела твою маму. Потерять взрослого сына! Не на войне –

в уличной драке.

СОНА. До самой смерти она разговаривала с ним, не могла смириться, что его давно нет. Когда я делала что-то не то, укоряя, всегда ссылалась на Мирзу, как поступил бы он. Мне четырнадцать исполнилось, когда Мирзу зарезали во дворе на моих глазах.

ЗЕЙНАБ. Нас с мамой в то лето не было в городе. Маму пригласили в пионерлагерь в Бузовны, и я с ней. Только вернувшись в город, узнали о страшной трагедии во дворе. Какой ужас! – помню, воскликнула. Соседи рассказывали разное. Гасановский сынок виноват. Если бы не Рафик, ничего бы не случилось. Другие говорили, что твой брат Мирза что-то не поделил с уголовником Сафаром.

СОНА. Мы с Рафиком стояли у нашей двери и обсуждали порядки в женской и мужской школах. Во двор зашел незнакомый парень, кого-то искал, потом подошел к нам и начал приставать ко мне. Рафик попытался урезонить его, а тот обнял меня, схватил за косу. Рафик стукнул его по руке. Слово за слово, и парень ударил Рафика в лицо, из носа пошла кровь. Рафик кинулся на обидчика. Незнакомец, намного выше, здоровее, как пушинку, бросил его на асфальт. На шум выскочил Мирза и накинулся на незнакомца. Завязалась драка и незнакомец ударил Мирзу ножом в грудь, брат упал. Не забуду никогда ту страшную картину. Рафик поднялся, схватил кусок кира, подскочил сзади, и изо всей силы ударил бандюгу по голове. Удар оказался сильным, и тот свалился. Мы с Рафиком склонились над братом, а бандюга тем временем зашевелился, попытался встать. Рафик еще раз стукнул пытавшегося встать бандита, на этот раз удар пришелся по виску. Следователи потом определили, удар в висок оказался смертельным. Незнакомец оказался известным бандитом Сафаром, только что освобожденным из тюрьмы. Набежал народ, кто-то побежал за скорой, телефона ни у кого не было. Приехала скорая. Бандюге уже нельзя было помочь, а Мирзу повезли в больницу имени Семашко. Мама с ним. У Рафика была разбита губа, синяк под глазом. Сима-ханым, мать Рафика мочила тряпку под краном, прикладывала к лицу сына. Папы дома не было, когда пришел, бабушка, истошно рыдая, несвязно принялась рассказывать о происшествии, и он поспешил в больницу. Слава Аллаху, папу моего в городе уважали, и племянника, потаскав по милициям и СИЗО, вскоре отпустили. За убийство в драке, хоть и бандита, Рафика могли посадить. Но мы живем в Баку.

ЗЕЙНАБ. После отъезда в Сибирь Рафика я видела в 89-м на похоронах твоего папы. Рафик уже был крупным специалистом в Сибири. На поминках было не до вопросов. Сима-ханым к тому времени переехала к Рафику в Россию нянчить его детей.

СОНА. Бедная там умерла и была похоронена. Он намерен купить место на кладбище для неё и себя. Перевезет в Баку. Надеется собрать в одно место и всех Кулиевых. наших дедушку и бабушку, моих родителей и брата, в советское время похороненных на разных кладбищах.

ЗЕЙНАБ. Родственники твои правоверные мусульмане. Следуя религиозным традициям, разве можно тревожить их прах?

СОНА. В наше время всё можно. К тому же, все мы выросли в атеизме, нет? Недавно стали считать себя правоверными мусульманками, не соблюдая сур Корана.

ЗЕЙНАБ. Есть примета, нельзя живому заранее копать могилу.

СОНА. Копать пока не собирается, да и устарели приметы. Нынче широко распространён обычай покупать место на кладбище для семьи. Рафик собирается пока только выбрать место. *(Помолчав.)* Не знаю, можно ли тебе сказать... А!.. Приедет,

всё равно объявит. Он безнадежно болен. Потому и придумал встречу друзей детства.

Открывается дверь и входит муж Зейнаб, Джавад.

ДЖАВАД. У нас гости? *(Целует руку Соне.)* Выглядишь прекрасно.

СОНА. Врачам спасибо. Зову жену твою ходить со мной в фитнес-клуб, встретиться с моим косметологом. Никак не уговорю.

ЗЕЙНАБ. Джавад меня и такую любит. *(Поднимается, делает несколько танцевальных движений.)* Скажи ей, разве плохо выгляжу?

ДЖАВАД *(целует жену)*. Превосходно. Лет сорок с небольшим, больше не дашь.

ЗЕЙНАБ. Ладно тебе! Сочиняй, да знай меру!

ДЖАВАД. Люблю, какая есть. *(Соне.)* Твой фитнес-клуб дорогой очень, а ходить в тот, что здесь, поблизости, не находит компаньонку. Да и времени нет на клуб. Вот оставит работу, уговорю тогда. *(Жене.)* Почему ничего серьезного на столе не вижу? Так встречают подругу детства?

ЗЕЙНАБ. Она фигуру блюдет. *(Соне.)* Джавад прав. В моем возрасте прийти одной в клуб, где мои ученицы... Ни коллеги, ни родители учеников не поймут.

СОНА. Я подарю тебе абонемент в наш клуб.

ЗЕЙНАБ. Спасибо, ни к чему. Все равно вряд ли найду время куда-то ездить.

СОНА. Как хочешь. Абонемент я все-таки пришлю.

ДЖАВАД. Как ваш русский миллионер, есть новости?

ЗЕЙНАБ. Такой же русский, как мы японцы.

СОНА. На днях по скайпу разговаривали. Спрашивал, согласны ли бакинцы встретиться в «Хилтоне» или есть место получше. Я предложила снять виллу и ресторан в Бильях, в центре «Амбуран-эстейт», там и море, и бассейны. Обещал, что помощницы свяжутся с центром, всё разузнают, и тогда решит.

ДЖАВАД. Прямо падишах какой! Интересно на него посмотреть. Секретарь его звонила, спросила у Зины номер ее карточки. Зина вчера расплачивалась в магазине и решила проверить в банкомате, сколько еще осталось. Взглянула и ахнула, увидев четырехзначную сумму, которую ей положили.

ЗЕЙНАБ. Волнуюсь, не перепутали ли его девицы адресата.

СОНА. Ничего не перепутали. Не волнуйся и трать спокойно... Я пойду, а ты корми Джавада.

ДЖАВАД. Не спеши, Соня! Рано обедать еще.

СОНЯ. Заговорили вы меня. Чуть не забыла главное, зачем пришла. У тебя каникулы. Хочу привлечь помощь нам с Рустамом в организации встречи в «Хилтоне» и в «Амбуране».

ЗЕЙНАБ. Что в моих силах, конечно. Можешь рассчитывать на меня.

СОНЯ. Я и рассчитывала. Кажется, всё, что хотела, сказала. Мне надо еще в одно место заехать. *(Целуется с Зейнаб, обнимается с Джавадом, и вместе с Зейнаб выходят. Джавад, оставшись один, подходит к окну, смотрит на улицу.)*

ДЖАВАД *(восхищенно)*. Bu avtomobilə söz ola bilməz!¹

Занавес

¹Вот это автомобиль!

Действие второе

Отель «Хилтон» в Баку. Люкс Рауфа и Риты.

*Из проигрывателя звучит голос Глеба Романова, что-то из его песен середины 50-х, «Домино», «Парижские бульвары», «Два сольди» и др.
Телефонный звонок. Рита поднимает трубку.*

РИТА. Слушаю, Николай. Что случилось?.. Сам не в состоянии решить? Тебя предупредили, никаких незапланированных встреч!.. Анна Илларионовна сказала... Хорошо, передай женщине трубку... Я слушаю... Да, мадам Романова.

ЛИЗА *(по телефону)*. Я хотела бы поговорить с Рауфом Гасановичем.

РИТА. Извините, по какому вопросу?

ЛИЗА. Я приятельница юности.

РИТА. Вы приглашены на встречу друзей?

ЛИЗА. Необходимо приглашение, чтобы пообщаться со старым другом?

РИТА. Вы из Похлу Даре, из его двора?

ЛИЗА. Нет, знакомая институтских лет. Лиза Панкратова. Соедините, пожалуйста, с Рауфом...

РИТА. Рауф Гасанович где-то в городе, встречается с однокурсниками. Назовите имя, отчество, координаты, я передам, что вы звонили.

ЛИЗА. Лиза Панкратова. Напомните: шестидесятый год, Первомайский вечер в Университете. Нас познакомил его приятель Сёма Лифшиц... Мой номер...

РИТА *(записывает номер телефона)*. Когда позвонит, не могу сказать. Не успел приехать, как атакуют со всех сторон. Деловые люди, объявляются старые и новые друзья. Все жаждут встретиться, а у него ни минуты свободной. Я передам ваш телефон и просьбу. Всего хорошего...

Стук в дверь и, не дождавись приглашения, Варвара приводит Соню.

ВАРЯ. Сестра Рауфа Гасановича. *(Выходит.)*

РИТА. Да, да, спасибо. Мы знакомы.

СОНА. Слушаешь музыку нашей юности?

РИТА *(уменьшает громкость)*. Рафик записал несколько дисков музыки 50-60 годов. Любит слушать. И мне нравится. Не современная эстрада, где в песне ни мелодии, ни содержания.

СОНА. Пока мужчин нет, хочу поговорить с тобой откровенно. Можно?

РИТА. Конечно, Сона-ханым. Догадываюсь, о чем. Обо мне и Рауфе.

СОНА. Догадливая. Ты ведь не только помощница у Рафика, но и ... В одном номере остановились...

РИТА. Договаривайте. Гражданская жена. Вы единственная, родной ему человек, сестра, и буду с вами откровенна. Рауф считает меня женой и самым близким другом. В глазах окружающих везде, где меня не знают, а мы появляемся вместе, я – бесстыжая хищница, что позарилась на его деньги. Слава Богу, сыновья его так не считают, наоборот, уговаривают жениться на мне.

СОНА. Так в чем дело? Не желает, или ты против?

РИТА. Давно прошу. Отвечает, жена у меня одна – Елена. Другой не будет. Вы, думаю, в курсе, если не согласится на операцию, врачи дают ему максимум полгода?

А женится если, я обязана буду быть с ним в последние, самые тяжелые дни. Этого он не хочет. Гордый. Предупредил друзей и охрану, чтобы не пускали меня к нему, когда будет совсем плохо. Желает остаться в моей памяти здоровым, энергичным, веселым. *(Сона с удивлением слушает, качает головой, изучает Риту.)* Теперь о моей алчности. Я предлагала в брачный контракт записать, что на его деньги и наследство не претендую. Всё остаётся детям, вам, всем, кому пожелает в своем завещании.

СОНА. Бедной не останешься в любом случае.

РИТА. Не останусь. Вижу, вы, Сона-ханым, тоже считаете, что мне нужны его деньги. Ошибаетесь. Я не бедная. Когда защитила кандидатскую, меня позвали в компанию консультантом. Тема моей диссертации нашла сторонников среди нефтяников, прежде всего в лице президента компании. Пригласили на хорошую зарплату. Лена, жена Рауфа Гасановича, очень тепло меня встретила и всегда хорошо ко мне относилась, мы подружились. Мне в голову никогда не приходила мысль, что служебные отношения с ним когда-то перейдут в личные. Он очень любил Лену. Потеря жены стала для него большим ударом. Рауф Гасанович впал в тяжелую депрессию, запил по-черному. Неделями не появлялся на оперативках. Коллеги тем временем принялись растаскивать компанию на куски. Только моя настойчивость, голос в Совете директоров, не позволили развалиться всему его делу. О деньгах говорить не принято. Но раз у нас зашел откровенный разговор, следует расставить все точки над «i». За годы работы лично я заработала больше двух миллионов. Долларов, естественно. Хватит на всю оставшуюся жизнь... Мы привязались друг к другу, я любила Рафика... Со мной он нашел утешение. *(Набегают слезы.)* Если, не дай Бог, случится непоправимое, потеряю его, хочу остаться вдовой, а не любовницей.

СОНА *(обнимает, целует)*. Прости, я не знала всего. Рафик в письмах и при встрече никогда не рассказывал о тебе. А у меня перед глазами масса примеров, когда молодые красотки охмуряют богатых папенок в надежде на наследство.

РИТА *(вытирает слезы)*. Когда познакомились, я уже была не молодая красотка. Сегодня мне тридцать восемь.

СОНА *(удивлена)*. Тридцать восемь? Я считала тридцать-тридцать два. Очень молодо выглядишь.

РИТА. Вы тоже отлично смотрите для ровесницы Рафика.

СОНА. Спасибо. Он на два года старше. Рафик обязан жениться на тебе. Поговорю с ним, хватит позорить свои седины и тебя.

РИТА. Ни в коем случае!

В номер входят Рауф с Рустамом и прерывают их откровенную беседу.

РУСТАМ *(Соне)*. Вот ты где! Потерял тебя. *(Продолжает разговор с Рауфом.)* В комплексе «Амбуран» устраивают приемы на самом высоком уровне. Никакой «Хилтон» не сравнится. Место тебе понравится. Современный европейский центр отдыха с азербайджанским колоритом. Искусственные водоемы, рестораны, рядом море.

РАУФ. Лишь бы всем нашим понравилось, чтобы могли расслабиться, почувствовать себя непринужденно. Не официальный прием с высокими гостями собираюсь устроить. Просто пообщаться с друзьями, вспомнить детство. Милый такой междусобойчик, как говорят в России. Без посторонних... Расстроили вы меня, Вани не будет. Компанейский, помню, парень, выдумщик, настоящий товарищ. В уличных потасовках самый надежный, держался до последнего. Жаль, не сложилось у него. На похо-

ронах дяди, виноват, не пообщался с ним, не поинтересовался, как живет.

СОНА. Все такой же гордый, принципиальный. Рустам обещает помочь ему поменять комнату в Забрате на квартиру в Баку, предлагаем деньги, Иван от всего отказывается.

РАУФ. Может, силой притащить? Надеюсь, он не постоянно пьяный. Пошлю Варвару, она справится. Понадобится, и в наручниках доставит. Поговорим с ним, может, образумим, уговорим лечиться.

СОНА. Предлагали. Считаешь, твоя Варвара справится? Пошлю с ней своего шофера, он помнит, как найти Ивана.

РУСТАМ. Машину скромнее возьмите. В прошлый раз надумала похвастать: поехала к нему в рабочий поселок на «Роллс-ройсе». Показала, как далека от Сони, что играла с ним в дворовой песочнице.

Телефонный звонок, Рита выключает проигрыватель и поднимает трубку.

РИТА. Слушаю... Да, Маргарита Романова. *(Смотрит бумаги.)* Семён Эдуардович? И супруга с вами?..

РАУФ. Из Тель-Авива звонит?

РИТА. Из соседнего номера, приехали с женой. *(В трубку.)* Семён Эдуардович, вы в каком номере остановились? *(Опускает трубку, встает.)* Пойду, посмотрю, как устроились, а вы тут посекретничаете. *(Выходит.)*

СОНА. Любопытно посмотреть на нашего Сёму.

РУСТАМ. Предпримем еще одну попытку образумить вашего Ивана.

СОНА *(Рауфу)*. Никого больше из наших в Баку не осталось. Только две женщины – я и Зина. *(Рауфу.)* Может, тебе лучше самому поехать, позвать его, а не посылать Варвару?

РАУФ. Подумаю.

Стук в дверь, входит Семён. Рауф поднимается, они обнимаются, целуются.

СОНА. Меня не узнаешь?

СЕМЁН. Соня? *(Она подходит, обнимает и целует, он внимательно смотрит ей в глаза.)* Сонька! Как выросла! По глазам узнал. Ты прямо со страниц журнала «ВОГ». Красавица! Сколько лет не виделись! Лет тридцать, наверное.

СОНА. Зачем считать года! Где твоя былая воспитанность! Журнал этот публикует лишь красоток до тридцати.

СЕМЁН. Давно не смотрел женские журналы. Ты остановилась на тридцати. Судя по внешнему виду, процветаешь. Муж миллионер?

СОНА. Миллион для Баку сегодня не так и много. Вот он, мой, Рустам. Должен вспомнить. Бывал в нашем дворе при тебе. Вы еще с пацанами отдубасили его, спровоцировали на драку.

Семён с Рустамом обмениваются рукопожатием.

СЕМЁН. Я, спровоцировал?

РУСТАМ. Я уж и не помню тех пацанов.

СЕМЁН. Да!.. *(Напевно.)* Были когда-то и мы пацанами... Никогда никого во

дворе мы не били. Толковища обычно на улице устраивали, не позорили кавалера перед барышней. Этикет соблюдался неукоснительно.

РАУФ. При девушке чужих парней не трогали, правда. Мордобой случался на обратном пути, уже за воротами. Рустам после объяснения не внял нашим пожеланиям. Пришлось поучить.

СЕМЕН. Помнится, в первый раз ты участвовал в потасовке, а потом мы без тебя проверяли Сониного кавалера на вшивость.

СОНА. Не рассказал тогда, я бы утихомирила забияк, поговорила. *(Рафику.)* И тебе Рустам не понравился?

РАУФ. Ты не объяснила, что у вас серьезно. Когда поняли, парень может постоять за себя, а ты похвасталась приличным мальчиком, больше его не трогали.

СОНА. Семья, как там, в Израиле, палестинцы и прочие арабы, не достают, не мешают жить?

СЕМЁН *(садится)*. Мешали бы, давно свалили бы в Америку или Европу. В Тель-Авиве спокойно. В Иерусалиме и на границе с их поселениями случаются иногда стычки. *(Рауфу.)* Кто эта очаровательная Маргарита Романова, что встретила нас?

РАУФ. Жена моя после гибели Елены. Аналитический мозг нашей компании. Экономист.

РУСТАМ. Могу засвидетельствовать. В понимании экономических и правовых проблем сто очков даст нашим аналитикам. Слушал её на международном семинаре в Москве. Очень продвинутая женщина.

СОНА. Что ж не поделился, что видел в Москве жену Рафика?

РУСТАМ. Я не знал, что она жена Рауфа. В своих примерах она ссылалась на опыт разных компаний.

СЕМЁН. Можно позавидовать Рафику, заполучил помощницу и красивую жену.

РАУФ. Продолжаешь компьютерный бизнес?

СЕМЁН. Громко сказано – компьютерный бизнес. Какой бизнес! Держу небольшую компьютерную фирму из трёх человек. Разрабатываем программы для некрупных заказчиков. Больниц, торговых центров, школ. Не твой масштаб. На хлеб с маслом и путешествия по миру хватает.

РАУФ. Жена всё та же, скрипачка и певица? Фира, кажется, её звали.

СЕМЁН. Эсфирь. Спрашиваешь, не развёлся ли? Нет. Евреи не разводятся, надо бы знать. Встречаются лишь вдовцы. Фира, кстати, тебя хорошо помнит. Читала мне в газетах про твои успехи в нефтяном бизнесе и подкалывала, школьные друзья добились вон каких высот, а я всё прозябаю в неизвестности, сломал ей артистическую карьеру. Её приглашали петь в оркестре Рауфа Гаджиева. Перед сеансами в кинотеатре «Низами» часто выступала или пела вместе со знаменитой Евгенией Дэвис. После четвертого курса мы поженились, и в свадебное путешествие Фира поехала со мной в Минск, где я проходил производственную практику на заводе счетных машин. Город понравился, завод начал выпуск первых советских ЭВМ. Мне было интересно, понял, что здесь прекрасные перспективы. Договорился, пришлют в Университет запрос – направление после получения диплома. Но вспомнили пятый пункт и направили в Пензу. К тому времени и там осваивали выпуск маломощных ЭВМ.

РАУФ. И Фира поехала в Пензу?

СЕМЁН. Не сразу. Продолжала работать в Театре оперетты, не хотела уезжать из Баку. Через год все-таки приехала. Кроме работы в музыкальном училище и концертмейстером в театре драмы других вакансий для нее не нашли. На заводе меня

ценили и после того, как я отработал положенные три года, не хотели отпускать. Но мы с Фирой рвались в Минск. И там у меня всё сложилось хорошо. Приняли на завод ЭВМ имени Орджоникидзе. С Фирой опять проблемы. Оперетты в городе нет, в Филармонию не брали. Пошла в Академический оперный концертмейстером. До отъезда в Израиль там и проработала.

РУСТАМ. Выходит, ты в компьютерной отрасли с самого её рождения.

СЕМЁН. Сразу после физмата занялся информационной техникой.

РАУФ. Можно сказать, стоял у истоков компьютеризации страны.

СЕМЁН. Про страну не скажу, но участвовал в непрерывном процессе совершенствования компьютерной техники. Это и помогло потом найти работу в Израиле.

СОНА (*Сёме.*) Дети чем занимаются?

СЕМЁН. Лев у Гейтса в Силиконовой долине работает, младший, Георгий – в Штутгарте, конструктор на «Мерседесе». Дети хорошо устроены, помогают нам.

РУСТАМ. От армии отмазал, конечно?

СЕМЁН. Почему, и еще конечно? Оба служили, Лев даже воевал, имеет правительственные награды. Жены их тоже служили. Вы не сравнивайте с Россией или Азербайджаном, где каждый так и норовит «отмазаться», как ты говоришь. У нас воинская служба по-настоящему почётный долг, и каждый охотно служит.

РАУФ. Хочу верить тебе. (*Звонит телефон, поднимает трубку.*) Приехали? Ну и хорошо. (*Ко всем.*) Американцы приехали. Чингиз и Джун. (*В трубку.*) Отлично. Пусть устраиваются пока. (*Соне и Рустаму.*) Что-нибудь слышали о Чингизе?

СЕМЁН. Преуспевает. Владеет компанией проката автомобилей в Нью-Йорке и еще в других городах. Мы с Фирой гостили у него, она без ума от жены Чингиза. У них большой дом в пригороде Нью-Йорка. Добился успеха, возможно, больше всех нас.

РАУФ. Как в Америке оказался, рассказывал?

СЕМЁН. Еще при советской власти. Призвали на переподготовку офицерского состава и отправили по ошибке в Африку, в школу подготовки сомалийских летчиков. Оттуда и слинял в Америку.

РУСТАМ. Коллега по строительному бизнесу случайно арендовал авто в его парке в Нью-Йорке. Разговорился с водителем, и тот, узнав, что гость из Баку, вывел его на босса. Самедов позвал к себе домой, и они двое суток не вставали из-за стола, вспоминали Баку. Коллега опоздал на свой рейс и Чингиз купил ему новый билет.

Первым поднимается Рустам, за ним Сона.

СОНА (*Рауфу.*) Так я звоню Зине, и завтра, часикам к одиннадцати, заезжаю за тобой? Берём Зину, и вы едете к Ивану. Будешь готов?

РАУФ. Конечно.

СЕМЁН. (*Поднимается.*) Я тоже пойду. Не терпится город посмотреть. Последний раз приезжал деда Фириноного хоронить. Сейчас прямо с самолета.

РАУФ. Что ж не перевез его в Израиль, с остальными родственниками Фиры?

СЕМЁН. Не захотел уезжать из Баку. Он при всякой власти процветал. Если помнишь, я рассказывал, он при Советах был известным кардиологом.

Рауф всех провожает и остается недолго один, входит Рита.

РИТА. Разговорилась с Фирой. Интересная женщина, оказывается, она про-

фессиональная актриса.

РАУФ. Я тебе рассказывал. *(Подходит к проигрывателю, включает. Негромко звучит Г.Романов или еще кто-то тех лет. Садится за компьютер, листает страницы.)*

РИТА *(через плечо смотрит на монитор)*. Говорила, не трогать алюминиевые акции... Упали на два пункта.

РАУФ. Зато по «Норильникелю» рост два пункта. В итоге при своих... Новые цифры по ценным бумагам. *(Рита не реагирует.)* По твоим личным бумагам. Растут.

РИТА. Вот и хорошо. Хватит о делах. И здесь никак не успокоишься. Без тебя есть, кому заняться. Отключаю телефон, отдохнем часика полтора от всех.

РАУФ. Сегодня ночью проснулся и вдруг понял ошибку в расчетах, хочу проверить. Надо ведь завершить незаконченный проект по переработке.

РИТА. Успеешь ещё. А если собрался умирать, тем более нет смысла. Сейчас лучше заняться более приятным, чего «там» *(показывает в потолок)* уже не будет. Иди ко мне! *(Рауф колеблется, и она сама бросается к нему, целует.)* Пошли в постельку! Так соскучилась! Горю желанием.

Занавес

Квартира Ибрагимовых. Зейнаб продолжает уборку, Джавад переставляет стулья, готовятся к визиту Рауфа с Соней.

ДЖАВАД. А Сона чего с ним едет? Взял бы жену, понятно.

ЗЕЙНАБ. Он давно не был в Баку, города не знает. Последний раз приезжал на похороны дяди Алекпера. На следующий год умерла Лейла-ханым... Когда в 43-м погиб на фронте Гасан Энверович, родители Соны опекали Рафика и мать его Симу-ханым. Одна бы она не подняла сына, не выучила.

ДЖАВАД. Помню, похороны были богатые. Народу пришло! Как только Рустам справился с такими расходами! Двое похорон, считай, подряд.

ЗЕЙНАБ. Его строительный бизнес процветает. После похорон дяди Рафик вложил деньги в компанию. А какие подарки Рафик делал Соне! Если бы она не сама рассказывала, не поверила. Встретились они в Москве, отвел её в автомобильный магазин и предложил: выбирай, что нравится. Соня говорит: «Я долго отказывалась, объясняла, у меня вполне приличный «Пежо». Рафик настаивал: жене главы компании не по статусу ездить на «Пежо». Не задумываясь, она в шутку показала на рядом стоящий автомобиль. Это был «Роллс-Ройс». Рауф сразу же подозвал менеджера.

ДЖАВАД. Бесятся с жиру богачи, не придумают, на что ещё можно потратить деньги. И миллионер Кулиев с твоего двора такой же. Заработал своим трудом, молодец. Но зачем тратить на баловство? Возвращайся на родину, посмотри, что ты можешь сделать для родного города, республики, вырастившей тебя, выучившей. Страна нуждается в инвестициях.

ЗЕЙНАБ. Богатство к богатству. Нам бы кто предложил поменять «Жигули» на что-нибудь более приличное.

ДЖАВАД. Ты не жена владельца компании. Нам «Жигуль» подходит по статусу.

Звонок в дверь. Зейнаб убирает тряпку, вытирает руки и торопится встречать гостей. Входят Сона и Рауф, за ними хозяйка.

РАУФ. Дай обнять тебя! *(Обнимает Зейнаб, целуются.)* Молодец, Зина, хорошо выглядишь. Я отметил, в Баку ровесники выглядят моложе, чем в России.

ДЖАВАД. Климат благоприятный. А мы жалуемся: ветры, зимой слякоть. У вас полгода зима и осень, а у нас плохая погода два-три месяца всего, остальное время – весна и лето. *(Рауф подходит к нему, они пожимают руки, обнимаются.)* Рад видеть. Тоже хорошо выглядишь, а Соня напугала нас с Зиной, умирать собрался, приехал могилу подыскивать.

РАУФ *(вопросительно смотрит на Соню)*. Я же предупреждал... *(Хозяевам.)* Сделаю операцию, обещают еще две пятилетки.

ЗЕЙНАБ *(перебивает)*. Постарайся не выполнить их досрочно, как призывали в советское время.

РАУФ. Буду стараться. Место на кладбище попутно. Главная цель – собрать всех Кулиевых в одно место, маму перевезти из Тюмени. После всех революций и перестроек, реконструкций кладбищ все родственники лежат в разных концах города.

ДЖАВАД. Будет о грустном. Жена, накрывай на стол! Соня, почему без Рустама?

СОНА. Только чай! Больше ничего. Спрашиваешь, почему Рустам не пришел?.. Его и в выходные не вытащишь никуда, а в будний день с утра до ночи на строительных площадках, в офисах своих смежников или поставщиков.

РАУФ. Меня тоже жена постоянно пилила, мол, много времени провожу на буровых, на вахтах, в заводских цехах. Приходил грязным, как оператор, а она требовала каждое утро надевать белую рубашку. Знаешь, сколько их у меня было! Пятьдесят или шестьдесят. Стиральные машины тогда считались диковинкой. Одежду в стирку время от времени отправляли тюками в Тюмень, позже в Сургут или Уренгой, какой населенный пункт оказывался ближе.

Зейнаб ставит на стол фрукты, разные сладости. Джавад – водку и коньяк.

ДЖАВАД. Не знаю, что в России привык потреблять.

РАУФ. Всё, что с градусами. *(Сожалея.)* Теперь в прошлом. Последние годы ничего не пью. Изредка, за компанию, когда никак не откажешься, капельку коньяка. Сейчас, извините, друзья, только чай. Дни очень насыщенные. Встречи, переговоры. Чай и ничего больше. *(Зейнаб продолжает накрывать на стол.)* Посидим, поговорим, вспомним наш двор. *(Джаваду.)* Получается, ты вытащил Зину из Похлу Даре? В прошлую встречу, на похоронах, познакомились и не поговорили толком. *(Пьют чай. Поднимает стакан армуды, рассматривает.)* Чем занимаешься?

ДЖАВАД. Пока здоровье позволяет, продолжаю работать. Как достиг пенсионного возраста, из руководителя бюро перевели в заместители. Объявится еще чей-то родственник, претендент на место пенсионера, переведут в рядовые конструкторы, а может, и совсем выпроводят. А до развала Союза был главным конструктором. С возвращением Алиева начали понемногу восстанавливаться, но главный конструктор уже не требовался. Оставили руководителем небольшого КБ.

ЗЕЙНАБ. Зарплата, естественно, упала. Тридцать лет на заводе, ветеран. Заслуженный машиностроитель, орденоседец, писали в титрах старых фильмов, а они – в заместители... Так относятся к старым кадрам.

ДЖАВАД. Старые заслуги не засчитываются. Законодатели еще предлагают отнять или сократить пенсию у работающих.

РАУФ *(Зине)*. А ты всё учительствуешь?

ЗЕЙНАБ. Уроков немного, а получаю неплохо. Не жалею. Что о нас? Живем, как средняя интеллигенция. Расскажи о себе. Как окончил институт и уехал, я ничего о тебе больше не слышала. На похоронах дяди Алекпера успел, правда, рассказать, что дети заканчивают институт. Пристроил их у себя в компании?

РАУФ. Как с женой уговаривали! Не пожелали. Оба с красными дипломами окончили нефтяной Губкина и получили приглашение в Венесуэлу. Там и работают. Паша в нефтеразведке, Петр на промыслах. После победы Уго Чавеса парни сделали головокружительную карьеру. Живут, как мне и не снилось в их годы. Построили на две семьи трехэтажный особняк на берегу Москвы-реки. А еще на паях со мной домик в Монако. Если соберетесь на Лазурный берег, милости просим, сэкономите на отеле.

ЗЕЙНАБ. Какой Лазурный берег! Наскрести бы на отдых в Набрани!

ДЖАВАД. А яхта есть?

РАУФ. Яхты покупают бездельники. Мы с Леной, а теперь с Ритой, пашем по двенадцать месяцев без отпусков. Зачем яхта, выгоднее арендовать.

ЗЕЙНАБ. Фотографии детей не покажешь?

Рауф открывает барсетку, вынимает несколько фотографий и протягивает ей.

СОНА. Держать при себе фотографии детей и жены для современного олигарха обязательный атрибут. И еще – на рабочем столе в офисе.

РАУФ. Ты была у меня в офисе?

СОНА. Одно из условий необходимого кода преуспевающего бизнесмена. А уж для олигарха уважение к семейным ценностям закон.

РАУФ. Я не олигарх и стараюсь держаться подальше от тех, кого считаешь олигархами. И в СМИ предпочитаю не светиться. Так спокойнее.

ЗЕЙНАБ (*рассматривает фотографии, показывает мужу*). Очень похожи.

ДЖАВАД. Близнецы должны быть похожи... Симпатичные парни. (*Передает фотографии Соне. Рауф объясняет, где Павел, где Петр.*)

ЗЕЙНАБ. Молодцы! И дети красивы, и жены красавицы. Гордишься, бабушка?

РАУФ (*кивает*). Уютная у вас квартирка, но очень уж маленькая. У тебя в Похлу Даре комната и то была больше.

ЗЕЙНАБ. Тогда нам казалось. На самом деле площадь комнаты была тринадцать с половиной метров. С тех пор столько комнат и квартир сменили! Начали жить с мамой и сестрой Джавада, в еще меньшей комнате. Позже от завода ему дали однокомнатную в восемнадцать метров, там была еще кухня около шести метров, коридор. В ней мы и вырастили детей. После смерти родителей Джавада они с сестрой разделили квартиру, и нам досталась еще комната-четыренадцатиметровка. Прибавили к нашей квартире и поменяли на двушку в микрорайоне. Когда женился Мехти, пришлось снова размениваться. Так всю жизнь меняем шило на мыло. Хорошо, с дочерью не возникла проблема с жильем. Мужу Лейлы родители подарили квартиру на свадьбу. Как сегодня живем, видишь. (*Жест руками.*) На двоих достаточно. Квартирка небольшая, но удобная, а главное – близко к центру, магазины рядом. Я довольна и больше никуда не поеду.

РАУФ. А помнишь, в детстве мечтала: вырасту, замуж пойду только за академиком или народного артиста. Чтобы окна квартиры выходили на бульвар и море.

ЗЕЙНАБ. Сегодня банкиры и политики видят в окно море.

ДЖАВАД. Мечты детства. (*Показывает в окно.*) Вместо моря – стена недавно по-

строенного дома, загородила даже скромный уличный пейзаж.

ЗЕЙНАБ. Встретила обаятельного инженера, запудрил мне мозги, и забыла про академика. А про море вспоминала, глядя в окно на грязный двор, когда, уложив детей спать на раскладушку и колченогий топчан, могла, наконец, передохнуть.

СОНА. Дети встанут на ноги и переселят вас в дом с видом на море.

ЗЕЙНАБ. Как же, дождемся... Пока сами продолжаем помогать им.

ДЖАВАД. Зина потому и не оставляет работу.

ЗЕЙНАБ. Зачем твои помощники прислали столько денег? Гостиница нам не нужна, самолет тоже. Не знаю, куда потратить такую сумму.

СОНА. Гостиница на случай, если засидимся в гостях.

РАУФ. Никогда не слышал подобных вопросов. На что тратить, всегда найдется.

СОНА. Не знаешь, как потратить? Да пару новых платьев закажи, Джаваду костюм новый, технику обнови. Да мало ли на что деньги в хозяйстве пригодятся.

ЗЕЙНАБ. Никогда не держала таких больших денег.

ДЖАВАД. Думаешь, платьев у неё мало? Или у меня нет выходного костюма?

РАУФ. Когда обсуждался план встречи в Баку, не знали, кто где живет, кому как добираться. Потому и запланировали для всех вариантов с «Хилтоном» и самолет. Я рад за вас, что живете в согласии, детей подняли. В России редко найдешь преуспевающую пару наших лет без семейных конфликтов, без молодых жён или юных любовников. У азербайджанцев в крови ответственность перед женщиной и общими детьми. Западная зараза на свободу отношений пока не докатилась до нашей страны.

СОНА. Сёма хорошо объяснил про евреев, они не разводятся. Всем бы следовать их примеру.

ЗЕЙНАБ. И азербайджанские семьи в последние годы часто рушатся.

СОНА. Женщины сами виноваты, если не могут спасти семью. Оставайся всегда любимой и желанной для мужа, и тогда никакая любовница не соблазнит.

ЗЕЙНАБ. Ой, Соня! Не слезь!

РАУФ. Рустам замечательный муж... (*Зейнаб.*) И у тебя Джавад отличный мужик. Все с нашего двора нашли место в жизни. У одного Вани не сложилось. А ведь рос заводилой, выдумщик был! Дворовая детвора обожала Ваню, он любил играть с малышами, показывал фокусы.

СОНА. Юрий Куклачёв еще не родился, а Ваня уже выдрессировал своего кота.

ЗЕЙНАБ. Вспомнила его, когда читала в рекламе, что Куклачёв первым в мире создал кошачий цирк. У Вани за много лет до Куклачёва кот Рыжик ходил на задних лапах, Ваня щёлкал пальцами и кот пел «Мяу», танцевал русскую барыню, раскачивался на тарзанке и возил в игрушечной коляске кукол.

СОНА. Помню, смотреть на представление сбегался весь двор. Восторг не описать. Найдись тогда кто-то заинтересованный, отвёл бы мальчишку в цирк, показал профессионалам, другая судьба ждала бы Ивана. Мать целый день на работе, а дома обычно пьяная, совсем не занималась им. Бабушка ворчала, развёл в тесной комнате зверинец. Морская свинка, черепаха и кот... Встретитесь с ним, постарайтесь уговорить лечиться и вернуться в город.

ЗЕЙНАБ. Боюсь, не послушает нас.

СОНА. Ванька, помнится, когда-то ухаживал за тобой.

ЗЕЙНАБ. Ну, ты скажешь! За Кариной какое-то время ухлёстывал. Она, помню, быстро отшила его. Меня может не послушать. Вся надежда на Рафика.

РАУФ. Я, думаешь, авторитет для него? Попытаемся вместе.

СОНА. Сейчас поезжай с Рафиком, а завтра, как договаривались, приходи в «Хилтон». Позвонишь, я машину пришлю.

ЗЕЙНАБ. Спасибо, у меня своя есть. Или пешком пройду, для здоровья полезнее. *(Соне.)* Не поняла, ты едешь с нами?

СОНА. Лучше без меня. Я уже говорила с Иваном. Теперь вы постарайтесь.

РАУФ *(поднимается, Зейнаб)*. Готова? Поехали! *(Джаваду.)* Спасибо за хлеб-соль, рад был повидаться, рад, что у вас всё хорошо. Нам пора. Ещё успеем наговориться. До встречи!

Сона обнимает Джавада, Рауф пожимает ему руку, и все выходят.

Занавес

После знакомства с городом в свой номер возвращаются Чингиз и Джун.

Она на ходу продолжает делиться впечатлениями.

ДЖУН. Баку, конечно, город великолепный. Европейский. Отдельные кварталы напоминают Турцию, Эмираты, а мусульманского очень мало. Шикарная набережная, лучше, чем в Неаполе... Но овраг, где ты жил! *(Качает головой. Пауза.)* ... В Мексике или на окраине Сан-Пауло такой грязи не найдешь.

ЧИНГИЗ. Не повезло нам с посещением похлударинки. Надо же такому случиться! Будто нас ждали. Коммунальная авария. Трубу водопроводную или канализационную прорвало. Бурлящий ручей, грязь.

ДЖУН. Сам перед поездкой читал мне, район называется «выгребная яма».

ЧИНГИЗ. Двести лет назад так назывался, когда овраг был пустырем с выжженной землей. До окраины города несколько верст. Мы называли свою махаллю или район, Похлударьёй, а официально, прочитал, он звался «квартал Похлу Даре». Эти исторические подробности я узнал из Интернета. В то время в городе не было канализации, туалеты с выгребными ямами находились прямо на улице. Когда яма переполнялась, приезжал ассенизатор, вычерпывал содержимое, вывозил за город, и с обрыва вываливал в овраг.

ДЖУН *(перебивает)*. В котором ты жил.

ЧИНГИЗ *(возмущённо)*. Перелёт подействовал на тебя. Перестала понимать по-русски. Я же сказал, было это так давно, даже мои прадед с прабабкой не помнили. В советское время здесь вырос посёлок, а название сохранилось.

ДЖУН. Начинаю понимать, почему ты сбежал в Америку. Если теперь и не вываливают дерьмо, всё равно не представляю, как можно жить там.

ЧИНГИЗ. Где тебе понять, с рождения избалована разными удобствами. Мы росли не такими требовательными. Жили, и считали, что так должно быть. Водопровод во дворе, туалет тоже. Дома специальное ведро. Сегодня видела новые дома-высотки, что выросли на месте нашей улицы? Там все удобства, как в Америке. Люди живут и счастливы. Еще при мне там, где овраг когда-то начинался, взяли за благоустройство, разбили детский парк, сегодня мы там видели прекрасное здание турецкого посольства. Что тебе объяснять! Ты из другого мира. *(У проигрывателя замечает стопку DVD-дисков, перебирает.)* Смотри, специально подобрали диски, модные в наше время. Элвис Пресли! *(Ставит диск в проигрыватель.)* Тогда только на рентгеновских плёнках на Кубинке можно было купить. *(Звучит рок-н-ролл. Чингиз*

хватает Джун, и они танцуют.)

ДЖУН (старается перекричать Элвиса). Надо было приехать в Россию, чтобы танцевать под Пресли!

ЧИНГИЗ. Что говоришь?

ДЖУН (оставляет мужа, уменьшает звук проигрывателя). Говорю, не разучился рок-н-ролл танцевать, а на вечеринках всё больше на медленные танцы приглашаешь. (Продолжают танцевать, пока Джун в изможении не валится на диван. Элвис продолжает петь, Чингиз тоже устал и падает рядом с женой.) Замучил!

ЧИНГИЗ. Я или Элвис?

ДЖУН. Оба! Выпить организуй.

Чингиз вынужден встать, открывает бар, перебирает бутылки.

ЧИНГИЗ. Богатый выбор! Чего тебе?

ДЖУН. Обычной кока-колы нет? (Чингиз достает бутылку колы, стакан, Джун приподнимается.) Открой, я из бутылки.

ЧИНГИЗ. Приличные люди пользуются бокалами или стаканами. При моих друзьях, пожалуйста, не показывай свои американские привычки. (Джун отбирает у мужа колу и пьёт из бутылки, снова вытягивается на диване. Чингиз открывает минералку и наливает себе в стакан. Телефонный звонок, Чингиз поднимает трубку.) Алло... Да, Самедов... Кто? Юсуфов... Мы только что приехали. (Смотрит на ручные часы.) Если ненадолго, заходи... (Джун.) Мой однокурсник сейчас придёт.

Стук в дверь и входит Юсуфов. Друзья обнимаются, целуются.

ЮСУФОВ. Салам, салам! С возвращением на родную землю! (Чингиз представляет Джун.) Рад увидеть, слышан о жене-красавице. (Поворачивается к нему.) Молодец! Прекрасную женщину выбрал!

ДЖУН. Спорный вопрос, кто кого выбрал.

ЮСУФОВ. Советская власть давно пала, почему столько лет не приезжал в Баку? О тебе здесь сложены легенды. Весь прокат автомобилей в Нью-Йорке и в половине стран мира контролирует выпускник нашего института Самедов.

ДЖУН (не понимает шутки.) В Нью-Йорке и половины не контролирует.

ЮСУФОВ. Так пишут в газетах. Стоит посмотреть на вас и на него, чтобы убедиться: газеты не врут. Процвetaете.

ЧИНГИЗ. Процвetaем... Смотри, с кем сравнивать. Не бедствуем.

ЮСУФОВ. Так ты миллионер?

ЧИНГИЗ. В Штатах каждый, имеющий собственный дом и работу, миллионер.

ДЖУН. Что будете пить?

ЮСУФОВ. Спасибо. Я за рулём. У нас с этим строго.

ЧИНГИЗ. Может, сок какой или колу?

ЮСУФОВ. Апельсиновый со льдом, если можно. (Джун наливает напитки, по-даёт.) Спрашиваешь, как живу? Терпимо. На пенсии. Жена тоже пенсионерка. Оба работали в управлении общественного транспорта, а там пенсионеров не держат, вышел срок и прощай.

ДЖУН. Дети с вами? Помогают?

ЮСУФОВ. Старший только недавно организовал свое дело. В гараже делает де-

шѐвую мебель на заказ. Прежде я ему помогал. Младший тоже закончил автомеханический факультет, работы по специальности не нашёл, работал слесарем в автомастерской, таксистом. Сейчас без работы, не женат.

ЧИНГИЗ. Сколько ему?

ЮСУФОВ. Тридцать скоро.

ЧИНГИЗ. Много! Не сумел устроить детей прилично?

ЮСУФОВ. На зарплату инженера, без связей?

ЧИНГИЗ. Помню, тебя родители пристроили на государственную службу, необходимую при любой власти. Меня тапшануть было некому, но приличную работу в Баку нашёл. Сам. *(Пауза.)* Однокурсников встречаешь, как они?

ЮСУФОВ. По-разному. У кого богатые родители – устроились в заграничные представительства, нашли работу в банках, кому-то помогли с открытием собственных автоцентров, теперь и дети их процветают. Зейналов – менеджер в автосервисе «Тойота», Багиров – в компании «Фольксваген». Лиля Мамедова работала в трамвайно-троллейбусном управлении. После того, как его ликвидировали, на пенсии, вероятно. Многих давно не встречал. Ты лучше всех сделал карьеру. Первое время, думаю, тоже нелегко пришлось.

ЧИНГИЗ. Я оказался в Штатах в 72-м, когда ещё не было наплыва русских, что наводнили Америку и Европу в начале 90-х. Меня приняли с помпой, как беженца из «коммунистического рая». Через несколько недель дали грин-карту, пособие, помогли с жильём и работой. Начал, как все русские, таксистом, потом взял кредит, купил три автомобиля и стал сдавать в прокат. Сам продолжал работать таксистом. Моя маленькая фирма давала небольшой доход. Рассчитался с первым кредитом и взял новый, купил еще три машины. Малым количеством машин выдерживать конкуренцию стало сложно. Продал свой бизнес и вдвоем с парнем из Эстонии купил маленькую забегаловку. Через два года превратили её в небольшой ресторанчик. Потом ресторанное дело надоело. Оставив ресторан Виктору, на отступные снова занялся прокатом автомобилей. Начал с сотни машин, сегодня у меня больше тысячи, филиалы компании ещё в девяти странах.

ДЖУН. Бог не обидел его инициативой и энергией.

ЮСУФОВ. Признаюсь, пришел разузнать, реально ли сыну сделать карьеру у вас и как?

ЧИНГИЗ. Карьеру сделать можно везде. Было бы желание и воля добиваться поставленной цели. У нас разрешение на работу можно получить по приглашению государственной или очень важной компании. Моя такими правами не обладает.

ДЖУН. Если сын рвётся в Штаты, путь один – жениться на американке.

ЧИНГИЗ. Американки не выходят за эмигрантов. Ты бы вышла за меня, не познакомься мы еще в Африке? Будь я безработный, без американского гражданства?

ДЖУН. Вряд ли.

ЧИНГИЗ. Вот тебе ответ.

ЮСУФОВ *(после паузы)*. Что, если сын приедет, станет помогать с ремонтом машин? Английским владеет. Поживёт какое-то время и поймёт, есть ли перспектива.

ЧИНГИЗ. Энвер, друг ты мой старый, о чём говоришь! Обратись сын твой, его ещё понял бы. Молодой, жизни не знает. Хотя тридцать лет. Но ты, умудрённый жизненным опытом!

ЮСУФОВ. Ты прав. Мой визит – идея сына. Я долго не соглашался, предлагал позвонить тебе, чтобы поговорил с ним, наставил на путь разума. Азиз с женой уго-

ворили. Прости, действительно, выгляжу глупым провинциалом.

ДЖУН. Приехать к нам и пожить какое-то время – пожалуйста. Будем рады. Дети выросли, разъехались, одним скучно. Но устроиться на работу нереально. У нас с этим строго, как ты сказал. Своих безработных хватает. Чин объяснил: нужно разрешение на работу. Он не может принять эмигранта. Где-нибудь в другой стране, где есть представительство компании, можно подумать.

ЧИНГИЗ. Не верю, что имея диплом автомобильного механика, нельзя найти работу в Баку. Даже в советское время во многих семьях имелся автомобиль. Сейчас их столько развелось... Мои машины на гарантии в специализированных автоцентрах. Сами ремонтом не занимаемся. *(Звонит телефон, поднимает трубку.)* Алло... Рауф? Заходи! Я пытался найти тебя, не соединили... Только что вернулись из города. Ездили смотреть нашу Похлу Даре... Тоже посетил?.. Заходи скорее! Жду не дожусь, когда увидимся. *(Опускает трубку.)*

ЮСУФОВ. К тебе следующий гость? *(Чингиз кивает.)* Я тогда пойду. *(Передаёт Чингизу визитную карточку.)* Надеюсь, найдёте время, придёте к нам с Джун. Познакомлю с женой. Если не против, приглашу и наших однокурсников, кого найду. Расскажешь про Америку, Нью-Йорк.

ЧИНГИЗ. Конечно. Выберем день, и позвоню предварительно.

ДЖУН. Обязательно придём. Мне любопытно посмотреть, как живет русский пенсионер, встретиться с однокурсниками Чина.

ЧИНГИЗ. Для неё все бывшие жители СССР русские.

ДЖУН. Я что-то не то сказала?

ЮСУФОВ. Всё правильно сказала. В Иране и Турции, где довелось побывать, нас, азербайджанцев, тоже называют русскими. *(Пожимает руки Джун, обнимается с Чингизом.)* Приходите обязательно. *(Чингиз и Джун провожают его до лифта.)*

ЧИНГИЗ *(возвратившись в номер)*. Рафик сейчас зайдёт.

ДЖУН. Мне как его называть – Рафик или Рауф? Всё-таки известный человек, не мальчик. Русский миллионер.

ЧИНГИЗ. Не знаю пока. Посмотрим. Для тебя, наверное, Рауф Гасанович. Можешь просто Рауфом называть, как у вас принято. Приведи себя в приличный вид.

ДЖУН *(обиженно)*. Неприлично выгляжу? Недостойна предстать перед русским другом? *(Подходит к зеркалу, прихорашивается.)*

ЧИНГИЗ. Он, как и я, азербайджанец. Сколько тебе объяснять, в России не все русские. К тому же, мы не в России, а в Республике Азербайджан! *(Стук в дверь, входят Рауф и Рита.)* Vuur, əzizim! Səni görməyə şadam!¹ Молодцом выглядишь!

РАУФ. Ты тоже. Неужели мы с тобой седьмой десяток разменяли?

Друзья бросаются друг другу в объятия, шуточно борются, обнимаются, целуются.

Джун и Рита молча наблюдают, ждут, когда мужчины вспомнят о них.

РИТА *(к Джун, по-английски)*. Our men have forgotten about us. Now we have to introduce ourselves to each other personally.²

ДЖУН *(по-английски)*. Oh, you speak English! Im June. The wife of Mr. Samedov.³ *(Протягивает обе руки навстречу Рите, они обнимаются.)*

¹ Заходи, дорогой! Рад видеть тебя!

² О нас мужчины забыли, придется представиться самим. (англ.)

³ О, ты говоришь по-английски! Я – Джун. Жена мистера Самедова. (англ.)

РИТА. Маргарита... Рита.

ЧИНГИЗ (Рите). Вы жена Рафика! Рад познакомиться, как же, наслышан. (Обнимает Риту.)

РАУФ. Дай и мне обнять Джун! (Они целуются, обнимаются.) Очень рад познакомиться с красивой женщиной. Вы азербайджанка? (Джун не поняла и вопросительно смотрит на мужа. Чингиз смеется.) Загорелая, решил – азербайджанка.

ДЖУН. Приняли за свою? Нет, я с западного побережья. Из Сан-Франциско. У нас солнца больше, чем в Нью-Йорке, вот и выросла не светлее Чина. А вы знаменитый русский олигарх, родом из Азербайджана. Когда прочитали приглашение, Чин не сразу поверил. Вдруг еще одно, в азербайджанский ресторан. Тогда открыли Интернет, почитали и узнали о вашей компании.

РАУФ. Мои помощники не сразу нашли адрес Чингиза. Послали вначале на ресторан, там уж обязательно появится. Как тебе Баку?

ЧИНГИЗ. Сказка! Ничего, кроме моря и парашютной вышки на бульваре, не узнал. За тридцать лет всё слишком изменилось. Улицы, площади – ничего не узнаю. Красивый город. Набережная теперь... Джун считает – лучше, чем в Неаполе. Я там не бывал. Были в Ницце, там набережная великолепная, но не для отдыха, не для ночных прогулок юных влюбленных.

РАУФ (продолжает в тоне Чингиза). Нет темных аллей, где в укромном местечке можно обниматься с девушкой. У меня с сыновьями там дом.

РИТА. Теперь обнимаются на людях в любом месте и при свете. На той же набережной в Ницце.

РАУФ. Вам, Джун, как наш Баку?

ДЖУН. Прекрасный город. Европейский. Напомнил Неаполь. Не только набережной вдоль залива и крепостной стеной у моря. Всё понравилось. Запомнилось живописно развешанное белье после стирки между домами, на высоте двенадцатого этажа. Не поняла только, почему многие балконы и окна высотных домов зарешечены. У вас что, воры – альпинисты?

РИТА. Традиция, наверное.

ЧИНГИЗ. Ездили посмотреть, что осталось от нашего двора. Как там всё изменилось! Повез жену показать ей Похлу Даре и опозорился. Давно был там?

РАУФ. Сразу, как приехали. Рите район показался симпатичным.

ЧИНГИЗ. Нам не повезло. Вышли из машины и остановились. Спуститься вниз, в овраг, оказалось невозможно. Перед нашим приездом прорвало водопроводную трубу, может, и канализационную. По всей ширине улицы kloкотал поток. Где находился наш двор, не сумел показать. От всей нашей мяхалля не осталось и следа. Джун, учуяв неприятный запах, поторопила скорее уехать.

РАУФ. В принципе, район стал симпатичным, современным. Многоэтажные дома... Но жить на первых пяти-шести этажах и чувствовать себя постоянно в яме... Не завидую. Я бы на месте властей, если слишком дорого засыпать овраг, разбил аквапарк, сад, построил торговое или увеселительное заведение.

ЧИНГИЗ. Слишком большой район.

РАУФ. Раз застроили, что теперь предлагать... Давай, рассказывай, как живешь, чем занимаешься?

ЧИНГИЗ. Держу компанию по прокату автомобилей.

РАУФ. Клиентов хватает? Считал, в Штатах у каждого автомобиль, неужели кто-то еще пользуется прокатным?

ДЖУН. Туристы, приезжие охотно берут авто в аренду. Одно плохо, много мелких прокатных фирм, конкуренция большая. Но гараж Чина пользуется известностью.

ЧИНГИЗ. Пытался в Москве и Петербурге открыть филиалы, но за два года не преодолел бюрократические барьеры и плюнул.

РАУФ. Правильно, что отказался. Кроме убытков, ничего не получил бы. *(Джун.)* Вы прилично говорите по-русски. Изучали язык на курсах или Чина научил?

ДЖУН. Он научит! На курсы ходила, педагога нанимала. С детьми и друзьями разговаривает по-азербайджански.

РАУФ. Чина, ты молодец, научил детей родному языку.

ЧИНГИЗ *(перебивает)*. Я с детьми по-азербайджански, она по-английски. В результате дети свободно говорят на обоих, а русским лишь на бытовом уровне владеют. Азербайджанский язык им всегда пригодится. Неизвестно, как сложится жизнь, вдруг проснется кровь предков, потянет на родину.

РАУФ. Сколько их у тебя, детей?

ДЖУН. Двое. Мы с Чином – бабушка и дедушка.

РАУФ. К стыду своему, плохо владею азербайджанским, а детей и не пробовал учить. Да и откуда хорошо знать язык. Отца в последний раз видел в четыре года, перед уходом на фронт. Я и помню его смутно. Мама русская, жена русская, всю сознательную жизнь работаю в России.

ЧИНГИЗ. Все мы, безотцовщина военных лет, в многонациональном дворе жили одной семьей и общались по-русски. Карина – армянка, Зина – азербайджанка, Сёма – еврей, Ваня – русский. Один армянин Гурген имел отца. Был он хромой и болел. Никто ни у кого не спрашивал, какой он национальности. Теперь вспомнили. Всем двором праздновали национальные праздники. Весной Новруз-байрам, потом – Пасху, перед Новым Годом – Хануку. Когда во двор приносили очередную похоронку, мужей и отцов поминали за одним длинным столом. Женщины, как могли, утешали бьющуюся в истерике еще одну вдову.

РАУФ. Я чуть младше тебя, но время то помню хорошо. Случались и скандалы, выяснение отношений. Плохого не помнили, помогали и выручали друг друга.

ДЖУН *(открывает бар, достает бокалы, фрукты)*. Кому чего? *(Чингизу.)* Так обрадовался другу, что забыл обо всём! Где хвалёное кавказское гостеприимство?

Чингиз ставит на стол бутылку коньяка.

ЧИНГИЗ. От азербайджанского коньяка Рауф не откажется. Да и Рита у себя в Сибири вряд ли пробовала.

Джун нарезает лимон, достает минералку

РИТА. Мы часто бываем в Москве и за границей. Коньяками нас не удивишь, а пьем изредка лишь вино. Больше соки. Врачи давно запретили ему крепкие напитки.

ЧИНГИЗ. Здоровье? *(Рауф кивает.)* Капельку за встречу. По маленькой, как в России говорят, не повредит. *(Наливает четыре рюмки, передает каждому.)* Каких только коньяков за всю жизнь не пробовал! А родной, азербайджанский, не помню, когда пил. Да и пил ли? В нашу юность он не пользовался славой, гонялись больше за армянским. Его, видите ли, Черчилль любил, Сталин пил. *(Показывает на бутылку.)* Азербайджанский, экспортный. В аэропорту купил. *(Поднимает рюмку.)* Будем!

РИТА. За встречу, за дружбу!.. Джун, как вы познакомились с Чингизом?

ДЖУН. О, это сюжет для кинобоевика.

ЧИНГИЗ. Скорее, для мелодрамы. Познакомились в Африке, а потом случайно встретились в Нью-Йорке.

РИТА. Обожаю реальные жизненные истории. Хотя бы вкратце, как вы, бакинец, оказались в Африке, а потом в Нью-Йорке?

РАУФ. Слышал, ты дезертировал из армии во время службы.

ДЖУН. Чин не дезертир.

ЧИНГИЗ. Моё решение квалифицировали, как дезертирство. И не из армии, если придерживаться фактов. Из-за ошибки военкоматовского клерка меня вместо рядового солдата – авиамеханика запаса, отправили в школу повышения мастерства сомалийских летчиков. До этого они уже обучались в СССР и летали. Руководили школой и преподавали наши военные в штатском.

РАУФ. Ты же, помнится, в институте учился. Из института в армию не брали.

ЧИНГИЗ. Не брали. Через несколько лет после диплома призвали на переподготовку офицерского состава, на три месяца. В институте получил звание лейтенанта. Обязали закрепить офицерское знание. Посадили в самолет, на вопрос куда, ответили: узнаете на месте. Летели долго, и когда при посадке в иллюминаторы увидели пальмы и море, подумали: Куба. «Африка!» – воскликнул кто-то. У трапа нас ждали несколько мужчин с военной выправкой в штатском. Привели в приличное общежитие, с комнатами на два человека. Выдали шорты, майки, сандалии, шляпы, предложили перед обедом немного поплавать в бассейне с голубой водой. После обеда собрались в зале с портретами Ленина и Брежнева. Один из встречавших нас представился полковником ВВС, поздравил пополнение солдат-авиамехаников. Спросил, все ли хорошо разбираются в миговских двигателях, не забыли со времен службы? После команды вольно я пробился к полковнику и говорю: я инженер-автомеханик по диплому. Авиационный двигатель не видел даже на картинке. И не рядовой я, а офицер. После института присвоили звание лейтенанта. В армии проходил лагерные сборы в автомобильном дивизионе. Людей не хватало, и меня, несмотря на мои протесты, оставили служить в Могадишо. Служба выпала нетяжелая – дежурить по части, как называли здесь контингент советских военных, требовать соблюдения дисциплины с солдат, контролировать работу кухни, заменять замполита на политинформациях и на еженедельных политзанятиях. На них сгоняли всех, кто служил, работал или жил при воинской части. И военных, и гражданских. Отменяли полеты и профилактику, задерживали обед. Проведение политзанятий оказались самой тяжелой обязанностью. Морально и физически. Приходилось читать кипы советских газет недельной давности. Разъяснять слушателям решения очередного Пленума ЦК КПСС, после которого химия, машиностроение или еще что-то в стране начнет развиваться семимильными шагами, и жить мы станем лучше. Эти занятия так достали, что стали одной из причин, почему решил не возвращаться в Союз. Общаясь с ветеранами базы, понял, кантоваться в Африке придется еще долго. По закону меня призвали на три месяца, я отслужил три с половиной, долг перед родиной выполнил. В ближайšie полгода вернуться домой перспектива не светила. Дома никто меня не ждал. Мама давно умерла. Тогда и пришла мысль послать всех на хрен и махнуть куда-нибудь в поисках лучшей жизни. Из иностранных языков на бытовом уровне немного освоил итальянский, чуть-чуть говорил по-английски. Поговорил со знакомыми итальянскими летчиками, регулярно летающими в Штаты, и они доставили меня в

Америку. В Нью-Йорке спросили, хочу ли я остаться в Америке и предложили попросить политического убежища. Дезертиром себя не считаю.

РИТА. Ты оставил не регулярную воинскую часть. Конечно, не дезертир. Полагающееся по закону отслужил. А откуда там взялись итальянцы?

ЧИНГИЗ. Сомали – бывшая итальянская колония. Сомалийцы и сегодня предпочитают не английский, а итальянский язык. Итальянцев там полно. На одном с нами аэродроме базировались гражданские самолеты из Италии, Франции, Китая. На пляже и в ресторане мы часто общались с их летчиками. Однообразие скучной жизни скрашивала долгожданная суббота. Мне, как офицеру, позволяли посещать местный ресторан с варьете и танцами. Вместе с аборигенами там постоянно паслись европейцы. На танцполе я и познакомился с симпатичной девчонкой из экспедиции Юнеско. Она только что вернулась в город из глухой провинции и теперь наслаждалась цивилизацией. Это была Джун. Пригласил несколько раз на танец, девчонка понравилась. Похвастал перед ней и сослуживцами, как бакинцы умеют танцевать буги-вуги и рок-н-ролл. Наш с ней рок зрители отметили бурными аплодисментами. Английский тогда знал слабо, и развить знакомство не удалось.

ДЖУН (*останавливает*). Э! Всё не то говоришь! Кому интересна твоя служба? Расскажи, как спас меня от людоедов.

ЧИНГИЗ. Никакие они не людоеды были! Следующая встреча – еще один эпизод приключенческого фильма. Возвращаюсь с дежурства по аэродрому, иду мимо домов аборигенов и вдруг слышу женский крик. Два черных верзилы пытаются заткнуть в фермерский автомобиль типа «Мицубиси L-200» белую женщину. Она что-то кричит, не разберешь. Понял, засунуть в машину пытаются против её воли. Женщина вырывалась, брыкалась ногами и руками. Я вдруг узнал девушку, с которой танцевал.

ДЖУН. Испугалась! На улице никого, кричи – не кричи, не услышат. Лица свирепые, что-то говорят, жестикулируют. Мысли в голове одна страшней другой, они людоеды или людоеду продать собираются. В экспедиции я встречала их братьев. И вдруг, откуда не возьмись, появляется Чина, бросается на них.

ЧИНГИЗ. Я крикнул первое, что смог вспомнить по-английски: «Stop! Give back the woman!»¹. Они остановились, но жертву не отпускали. Один из туземцев попытался что-то объяснить на своем языке, второй жестикулировал и наступал на меня. Честно, я струхнул. С черными великанами мне не справиться. «Макарова» после дежурства еще не сдал. Достая пистолет, направляю на второго и стреляю в землю. Чернокожие великаны оставили женщину и бросились бежать. Девушка кинулась ко мне с благодарностью. Проводил её до отеля, на прощание она поцеловала меня.

ДЖУН. Сколько лет прошло, а вспомню, дрожу от страха!

ЧИНГИЗ. Местная полиция обвинила меня, заявила, что аборигены не собирались никому причинить зла. Видели, как Джун, работая в экспедиции, помогала врачам. Не в силах объяснить, что необходима её помощь, решили силой отвезти к больному ребенку. Так ли на самом деле, или это лишь версия полиции, не проверить. Командир части за стрельбу запретил месяц посещать ресторан. Больше Джун я не видел. Прошло три года. Мы с Виктором уже держали ресторанчик на 33-й улице в Нью-Йорке. Однажды среди посетителей вдруг оказывается Джун. Она бросилась ко мне с объятиями и поцелуями. К тому времени я уже прилично объяснялся по-английски, разговорились. Она вспомнила, как три года назад читала в газетах об оче-

¹ *Стой! Верни женщину! (англ.)*.

редном беженце из-за «железного занавеса» и по фотографиям узнала своего спасителя в Могодишо. В ресторан зашла случайно. Я пригласил её встретиться, она согласилась. Стали встречаться. В четвертый вечер оставила у себя. Продолжали видеться, пока в компании друзей не назвала презрительно советским экспонатом, что-то еще нелицеприятное прибавила. Не помню.

ДЖУН (*перебивает*). Ты не понял мои слова.

ЧИНГИЗ. Хорошо понял! Обиделся, и мы не виделись пару месяцев, а потом нашла меня. Опять встречались, часто оставался у неё. Водила меня на вечеринки друзей, в бродвейские театры. Однажды призналась, что не прочь выйти за меня замуж. Девчонка мне нравилась, я уже твердо стоял на ногах и только что стал владельцем небольшой фирмы по прокату автомобилей. С радостью согласился.

ДЖУН. Вынуждена была проявить инициативу. Видела, не прочь сделать предложение, но не решается. Боится, откажусь. Человек гордый, поняла.

РАУФ. Бакинцы – мужчины гордые. Вчера с Зиной с одним гордецом встречались, трудный вели разговор.

РИТА. Сколько же лет вы уже вместе?

ЧИНГИЗ (*считает про себя*). Двадцать четыре.

ДЖУН. Неправильно считаешь. Двадцать шесть.

РИТА. В любом случае молодцы.

РАУФ (*поднимается*). Действительно, история для книги и кино... Мы еще продолжим разговор, может, даже сегодня вечером, а сейчас извините, мне пора ехать в мэрию. Решается мой вопрос, должен присутствовать. Не терпелось увидеть вас, посмотреть на Джун. Вечером еще поговорим.

ДЖУН. В Баку собираешься открыть бизнес?

РАУФ. Не знаю пока. Предложения есть. Повод печальнее. Хочу приобрести место на кладбище и заодно всех Кулиевых перенести.

ДЖУН. «Мemento мори»?

РАУФ. С моими болячками каждую минуту «Мemento мори». Следуя традициям, семейному кладбищу место на родине предков. Дедушка и прадедушка родом из небольшого селения, в двадцати километрах от Гянджи, не уверен, сохранилось ли оно. Там, скажете, следует построить склеп и мечеть? Но кто реально будет туда ездить в день поминовения из Баку? Мои сыновья, если и приедут раз, будет хорошо. Дети Сони тоже не часто смогут посещать могилы предков. Выбрать место для семейного захоронения Кулиевых хочу здесь. Если не в городе, то недалеко.

ЧИНГИЗ. Бабушка, когда болела, часто повторяла: пора на Чемберекенд. Там лежать считалось престижно.

РАУФ. Там покоятся мои дед Энвер Кулиев, бабушка Сурея. Мирза, правда, в другом конце. Часть Чемберекендского кладбище снесли, проложили через него шоссе, еще что-то уничтожат. Предварительно предлагают место на Гурд гапысы – на Волчьих воротах. Если бывал когда-то, это ниже Чемберекенда. Дают разрешение на строительство мечети.

ЧИНГИЗ. Позволили перезахоронение и нашли место в благодарность за обещание построить мечеть?

РАУФ. Окончательное решение еще не получил. Мечеть – дополнительный довод в решении моего вопроса.

ЧИНГИЗ. Кто из наших уже приехал?

РАУФ. Семён с Фирой, Соня и Зина – бакинцы, уже объявлялись, должен при-

ехать Гурген с женой. Иван, надеюсь, будет.

ЧИНГИЗ. Виделся с ним?

РАУФ. Вчера с Зиной общались. Ездили к нему на окраину Забрата. Вид у него еще тот, но трезвый. До нас приезжала Соня, уговаривала начать лечиться. Он послал её, а вчера жалел. Сказал, если муж устроит на лечение, пойдет. Все вместе будем ему помогать. Сегодня или завтра обещал приехать. Помощники заказали достаточное число номеров в отеле, поселим.

ЧИНГИЗ. Может, я могу что-то сделать для него, скажи.

РАУФ. Будем думать. Следует решить, как вернуть его в город, найти жилье. *(Обнимается с Чингизом и Джун.)* Спасибо, ребята, за приём! Рад был увидеться. Молодец, Чина, такую красавицу отхватил!

ЧИНГИЗ. Ты тоже. *(Пожимает руку Рите.)*

РАУФ. Надеюсь, вы не на три дня приехали, а задержитесь. Так что мы ещё не раз увидимся и наговоримся, а сейчас поспешу.

РИТА *(Джун)*. Мужчины пусть вспоминают свой двор и детские проделки, а ты приходи ко мне в любую минуту. С удовольствием пообщаемся, я поупражняюсь в английском. *(Они целуются, и Рита вслед за Рауфом выходит.)*

Занавес

Номер отеля, входят Элеонора и Гурген, за ними носильщик вносит их сумки.

Элеонора рассматривает гостиную, переходит в спальню, ванную.

ЭЛЕОНОРА. Какое богатство! А красотища! Ни во Франции с Италией, ни в Бангкоке не селил меня в «Хилтон»!

ГУРГЕН. Я и здесь выбрал бы отель скромнее. Но раз Рауф пригласил сюда... *(Переодевается в белые брюки, открывает сумку, достает фотоаппарат.)*

ЭЛЕОНОРА *(подходит к столику с телефоном, рассматривает папки)*. О, здесь указаны номера и телефоны твоих друзей. Чингиз и Джун Самедовы, Зейнаб и Джавад Ибрагимовы... И мы есть. Номер 401. Гурген и Элеонора Мелкумяны... Рауф Кулиев над нами – в 501-м. Кто это – Ибрагимовы?

Гурген берет у неё папку с телефонами, изучает.

ГУРГЕН. Зейнаб... Это же Зинка-картинка! С мужем. Его не знаю. Зачем им отель, если живут в Баку. Сняла номер и Соня, хотя сама живет во дворце.

ЭЛЕОНОРА. Ты откуда знаешь? Был у неё дома?

ГУРГЕН. Читал про её мужа.

ЭЛЕОНОРА. Наверное, захотела отдохнуть от домашних дел на халяву. Соню я помню, лет пять назад встречались в Москве в ГУМе. Еще одного вашего помню. Иван Соколов. На своем грузовике на вокзал отвозил.

Стук в дверь, входит Варя.

ВАРЯ. Добрый день! Элеонора и Гурген Мелкумяны?

ЭЛЕОНОРА. Они самые.

ВАРЯ. Меня зовут Варвара, можно просто Варя. Возникнут вопросы, проблемы,

звоните мне или Кате. Телефоны все в папке.

ГУРГЕН. Рафик... Рауф Гасанович уже в Баку?

ВАРЯ. Давно приехал. Он в пятьсот первом номере, а сейчас в городе.

ГУРГЕН. Многие уже приехали?

ВАРЯ. Чета Самедовых из Нью-Йорка, Лифшицы из Тель-Авива. Сегодня устроила Соколова, он бакинец. С утра была Сона-ханым, тоже бакинка. Не знаю, в отеле еще или уехала. Она тоже занимается организацией встречи.

ЭЛЕОНОРА. Вы из компании Рауфа Гасановича, из Сибири?

ВАРЯ. Из Москвы. Работаю на него. Если вопросов нет, пойду?

ГУРГЕН. Какие вопросы? Идите, конечно. *(Варя выходит, он подходит к окну.)*

Бульвар, парашютная вышка, море... Красотища! Подойди, посмотри.

ЭЛЕОНОРА. Из спальни есть выход на балкон, оттуда еще лучше вид.

ГУРГЕН. А не хотела лететь, грозилась на развод подать, если я поеду.

ЭЛЕОНОРА. С самолета голова гудит, душ приму. *(Выходит.)*

Гурген просматривает в папке списки гостей Рауфа. Стук в дверь.

ГУРГЕН. Входите!

Входит Чингиз. Они обнимаются, целуются, восхищаются друг другом.

ГУРГЕН. Чина! Сразу тебя узнал! Хотя ты изменился. Типичный преуспевающий американец, каких показывают в кино.

ЧИНГИЗ *(обнимает)*. Не представляешь, Гур, как рад видеть тебя! Постарели оба, но акцент, выражение лица, глаза выдают старого бакинца.

ГУРГЕН. В Москве едешь в метро, или в театре, поговору узнаешь бакинца.

ЧИНГИЗ. В Нью-Йорке еще в зале регистрации, услышав русскую речь с бакинским акцентом, мысленно перенесся в Баку. Почувствовал волнение, какого давно не испытывал. Джун что-то говорит, дергает за руку, а я не могу слова сказать. А в Баку! Едва самолет приземлился и открыли дверь в переход, услышал родной запах. Смесь нефти и моря. Не забытый за тридцать лет запах аэропорта Бина. Сердце забилось, чуть не выскочило из груди.

ГУРГЕН. Меня тоже в аэропорту поразил незабываемый запах нефти и Каспийского моря. Мы с женой часто летаем, бывали в разных приморских городах, там тоже пахнет морем, керосином, но бакинский запах неповторим. Спасибо Рафику, заставил забросить все дела и вырваться.

ЧИНГИЗ. Рафика еще не видел?

ГУРГЕН. Нет. Мы приехали час назад всего.

*Входит в халате и с тюрбаном на голове Элеонора.
Увидев незнакомца, скрывается в соседней комнате.*

ЭЛЕОНОРА. У нас гости? Скажи, я через пять минут выйду.

ГУРГЕН. Эля, жена, решила с дороги ванну принять. Сейчас познакомлю.

ЧИНГИЗ *(вспоминает)*. Я не видел её?

ГУРГЕН. Вряд ли. Ты к тому времени сбежал в Америку, скорее всего. Несколько месяцев жили у нас, потом переехали к ней, в Арменикенд.

Стук в дверь.

ГУРГЕН. Заходите!

Входит Семён и сразу же бросается к друзьям, они обнимаются, целуются.

СЕМЁН. Думал ли когда, что увидимся! Разбросала жизнь нас по свету.

ЧИНГИЗ. В прошлом году обещали приехать с Фирой, Джун так ждала...

СЕМЁН. Работа не позволила, извини. В этом году, в октябре, жди!

ГУРГЕН. Вы встречаетесь? Молодцы. А мы как в восемьдесят девятом уехали из Баку, ни о ком ничего не слышали. Несколько лет назад, в Москве, встретили Сою, она и рассказала, что вы процветаете.

Входит Элеонора.

ЭЛЕОНОРА. Ай, вай-вай! Сколько гостей! Извините, муж не предупредил, я не встретила! Гур, знакомь!

СЕМЁН. Эля? Не узнаешь? *(Обнимает, целует.)* Семён. Сёма. Вспомни, когда Гур поселил тебя у нас во дворе, ты всё бегала к моей маме жаловаться на жизнь.

ЧИНГИЗ. Меня ты, конечно, не помнишь. *(Пожимает ей обе руки.)* Вы с Гуром начали встречаться, и как-то в парке офицеров на танцах нас познакомили. Позже жили в нашем дворе?

ЭЛЕОНОРА. Довелось. Но вас совсем не помню.

*Мелкумяны открывают бар, холодильник, принимаются накрывать на стол.
Семён с Чингизом тем временем ударились в воспоминания.*

СЕМЁН *(Чингизу)*. А помнишь, с какими шикарными чувихами, студентками консерватории познакомились на вечере в клубе МВД!

ЧИНГИЗ. Люда и Валя, до сих пор помню имена и лица. Такие маменькины дочки, симпатичные двоюродные сестры-пианистки. Жили за кинотеатром «Баккоммуна», напротив Банка. Жаль из-за тебя знакомство так некрасиво закончилось.

СЕМЕН. Шляпа Мирзы спровоцировала.

ЧИНГИЗ. В субботу познакомились и на воскресенье назначили свиданку, недалеко от их хаты. Встретились и пошли в кафе-мороженое, тут же, на Большой Морской, рядом с издательством «Бакрабочий». Сидим, разговариваем о кино, о высоких материях. Всё хорошо, и вдруг входит Мирза, двоюродный брат Рафика, в огромных темных очках и шляпе. Где он их взял? Ни очков, ни тем более шляп никто из наших не носил. Вместе с каким-то фраером он проходит мимо, делает вид, что не знает нас, а сам зырит на девчонок. Ты возмутился и громко сказал:

– Вот ху*..., надел шляпу и своих не узнает.

Девочки, как теперь говорят, были в отпаде. Матерных выражений от интеллигентных студентов не ожидали. Встали, бросил на стол трешку и ринулись к выходу. Я за ними, извиняться за твой язык, а они уже переходили улицу, торопились в сторону своего дома. Обидно. Такие чувихи!

СЕМЁН. Знакомство с Консерваторией на этом закончилось.

ЧИНГИЗ. Для тебя позже продолжилось. Но уже с другим кадром.

СЕМЁН. Я бы сказал, с заменой музыкального инструмента.

Стук в дверь.

ГУРГЕН. Входите!

Дверь открывается и входит Иван. Он в приличных белых брюках, светлой тенниске и модных туфлях. Оглядывает компанию, не сразу врубается, кто есть кто.

ИВАН. Я попал к похлударинцам? Позвольте представиться, Иван Соколов.

Мужчины бросаются к нему, общие объятия.

ГУРГЕН. Не сразу узнал. Мы с Чином не изменились, а ты совсем не похож на знакомого Ваню.

ЭЛЕОНОРА. А я вас помню. Помогали грузить наши вещи и на грузовике отвезли на Тифлисский вокзал. На площади еще орудовец пристал, помните? Это был наш последний день в Баку, перед расставанием с городом детства навсегда.

ИВАН. Точно! Помню, вы еще плакали. *(Мужчинам.)* Счастлив увидеться! Все так изменились, поседели, Сёмка совсем полысел... Чина, ты красишь усы? Волосы седые. Узнать можно. Один Гур мало изменился.

ЭЛЕОНОРА. Долго будете стоять на середине комнаты? Давайте все за стол! Рауф Гасанович и Сона-ханым позаботились наполнить холодильник и бар.

Гурген с Чингизом, пока Семён разговаривает с Иваном, передвигают стол, собирают стулья, приносят еще из соседней комнаты. Элеонора достает из бара и ставит на стол бутылки. Общие восклицания, шум, смех.

СЕМЁН. Часто вспоминаю наши проделки.

ИВАН. Помнишь, как по Торговой, уже тогда Низами, идем толпой. Остановимся, выберем окно или балкон на четвертом-пятом этаже, и, задрвав головы, смотрит наверх, время от времени восклицая: О-о, а! Ара, ты подобное видел, а? Вай-вай! Собирается толпа, все тоже смотрят, спрашивают друг у друга, что случилось, а мы тем временем пройдем дальше и смотрим издали на собравшуюся толпу, хохочем.

СЕМЁН. Хохмы откалывали еще те!

Включаются в воспоминания и Чингиз с Гургеном.

ЧИНГИЗ. На Торговой чего только не вытворяли! То к девчонкам пристанем, то какого-нибудь фраера подразним.

СЕМЁН. Еще одну фирменную хохму вспомнил. Выберем дяденьку приличного вида, желательного в шляпе, с портфелем, и выстроимся цепочкой ему в затылок. Помните? Так и идем. Встречные улыбаются, показывают на него. Он недоумевает, но обернуться назад не догадывается, а за ним в ногу шагает цепочка уже человек в тридцать, постоянно присоединяются всё новые чуваки и чувихи. Ржачка на всю улицу.

ИВАН. Пока кто-нибудь из сердобольных не покажет знаками дяденьке, чтоб обернулся. Цепочка рассыпается в стороны. *(Обращает внимание на часы Чингиза.)*

Часы у тебя! Целое состояние, наверное, стоят.

ЧИНГИЗ (*снимает их с руки, протягивает Ивану*). Гурбанды.¹

ИВАН (*отодвигает его руку*). Спасибо, тронут твоей щедростью. Ни к чему мне такие часы. Да и меня кореша убьют за них.

ЧИНГИЗ. Зря отказываешься. Подумай, будет память обо мне. (*Надевает браслет с часами себе на руку*). Надумаешь, скажи. У меня еще есть.

ЭЛЕОНОРА. Ну, чуваки, давайте за стол. Отметим встречу.

СЕМЁН. Это кто, мы чуваки?

ЭЛЕОНОРА. Слышу, у вас что ни слово: чувак, чувиха. Думаю, а мне как вас называть, господа?

Все садятся за стол. Гурген на правах хозяина достает коньяк.

ГУРГЕН. Коньяк, виски, шампанское, всё, что хотите.

ИВАН. Я колу, извините. Дал слово, ни грамма алкоголя. Да и кто днем в такую жару пьет.

ЧИНГИЗ. Я тоже только колу. Мы с Рауфом уже попробовали азербайджанского коньяка.

СЕМЁН. Могу засвидетельствовать, у себя в Америке он совсем не пьёт. Я выпью минералки.

ГУРГЕН. Выходит, я один горький пьяница и должен пить за всех?

ЭЛЕОНОРА. Как положено сапожнику.

Стук в дверь, входят Рита и Фира.

РИТА. Привет честной компании!

ФИРА. Уже приложились? Вижу коньяк на столе, бокалы.

ГУРГЕН. Кто вы, красавицы? Вместо того, чтобы представиться, сразу с нотациями. Коньяк еще не открыли. Желающих пить нету.

РИТА (*Гургену*). Кроме вас и жены вашей, со всеми знакома уже. (*Представляется*). Маргарита Романова. Жена Рауфа.

ГУРГЕН (*целует ей руку*). Рад, очень рад познакомиться с женой Рауфа.

Подходит Элеонора, обнимается с Ритой.

ЭЛЕОНОРА (*представляется*). Элеонора, лучше просто – Эля. Нам следовало в первую очередь встретиться с Рауфом и вами, а тут, не успели с самолета в номер войти, как друзья Гура завалились. Пришлось стол накрывать. Рауфа Гасановича, сказали, нет в отеле.

ФИРА (*Гургену*). Меня не узнал, не представляешься.

ГУРГЕН (*целует ей обе руки*). Как тебя, Фирочка, не узнать! В Парке офицеров Семя знакомил. Танцевали даже.

ЭЛЕОНОРА (*обнимается с Фирой*). А однажды Семён принес нам контрамарки на «Морской узел», с твоим участием. К сожалению, это всего один спектакль, который мы видели в оперетте.

ГУРГЕН. Зато в «Низами» перед кино слушали часто.

¹ Дарю!

ЭЛЕОНОРА. Запомнились «Бакинские огни», как ты пела. Гур потом долго подпевал: *(Напевает.)*

*Как хорошо с тобою рядом, когда, родная, мы одни,
Когда, любви в награду, нам светили у ограды бакинские огни.*

ФИРА. Помните? В Тель-Авиве бакинцы часто просили меня спеть. *(Поёт.)*

*Ты вернешься, милый, скоро, может, раннею весной.
Буду я встречать у моря твой корабль боевой.
И грустить нам не придется, не придется больше ждать,
И в Баку огонь зажжется, мы споем вдвоем опять.
Как хорошо с тобою рядом, когда, родная, мы одни,
Когда, любви в награду, нам светили у ограды бакинские огни.*

Все аплодируют.

ГУРГЕН *(целует руки Фире)*. Спасибо. Твоя песня – как бальзам на душу.

РИТА. Прекрасно сохранился голос.

ЧИНГИЗ. Хоть сегодня на эстраду.

ИВАН. Поешь в тысячу раз лучше певичек, что мелькают в телевизоре.

*Элеонора уводит женщин на балкон посекретничать.
Мужчины, оставшись одни, продолжают разговоры.*

ГУРГЕН *(Семёну)*. Как умудряешься держаться в компьютерном бизнесе в Израиле? Там же половина приехавших – русские программисты из Союза! Конкуренция страшная, рассказывал младший сын.

СЕМЁН. Держусь пока. Важно начать, создать свою фирму. Спасибо дедушке Фиры – известному за пределами Азербайджана кардиологу. Его коллеги помогли. К тому же, я в компьютерной отрасли с её зарождения. После физмата, когда я начал, только создавались первые ЭВМ, будущие компьютеры.

ИВАН. Рафик – открыватель сибирской нефти, Сёма – прародитель сегодняшней компьютеризации. Гур из холодного сапожника на трамвайной остановке вырос до владельца обувного салона в первопрестольной. Все мои друзья с забытой Аллахом «помойки» чего-то добились в жизни. Один я пока...

ЧИНГИЗ. Рустам с Рафиком помогут тебе с квартирой и работой. И на мою помощь можешь рассчитывать.

Возвращается Элеонора.

СЕМЁН. Соня найдет невесту.

ИВАН. Вашими бы устами...

ГУРГЕН *(продолжает уговаривать)*. Так выпьем за встречу! За будущее нашего верного товарища юности – Ваню Соколова! Столько лет не виделись. Попробуем, что нам предлагают организаторы встречи.

ЧИНГИЗ. В нашем номере тоже бар и холодильник загружены под завязку.

ГУРГЕН. У себя в Америке не забыл советские выражения.

СЕМЁН. Вечером вся наша мяхалля собирается у Рафика, тогда и отметим, а сейчас не насилуй.

ЭЛЕОНОРА. Хорошо. Пойдем навстречу пожеланиям гостей. Как хотите, но если вы ничего не попробуете, я из-за стола вас не выпущу. *(Включает электрический чайник, Гурген ставит стаканы армуды.)*

ИВАН. Забыли в своих заграницах, из чего пьют настоящие мужчины? *(Поднимает и показывает стакан армуды. Эльвира ставит плетеный поднос с пахлавой, курабье, кятой, вазу с рахат-лукумом, шакер-чуреком, козинаки.)*

ЧИНГИЗ. У меня дома целая дюжина армуды, но, признаюсь, пьем обычно из чашек. А вот кяту, шакер-чурек не пробовал лет сорок, наверное. Даже в азербайджанском ресторане в Нью-Йорке не подают.

ГУРГЕН. Меня жена балует. Покупает или сама готовит. Армяне больше любят гату, назук.

СЕМЁН *(пробует шакер-чурек)*. Жена постоянно пилит, а я люблю всё сладкое.

ЭЛЕОНОРА *(ставит на стол электрочайник)*. Извините, каждому по чайнику, как принято в Азербайджане, поставить не могу. Приедете к нам в Москву, дома найду, а здесь, в номере, кроме электрического еще один маленький заварной.

Гурген на правах хозяина разливает чай в армуды.

ИВАН. Чай мы и сами разольем. Скажи, а в Москве армянские анекдоты продолжают рассказывать?

ГУРГЕН. Новые редко. Из новых.

Армянское радио спрашивают: Когда будет лучше? Отвечаем: уже было!

ИВАН. С глубоким смыслом.

ГУРГЕН Старый анекдот для нашего возраста.

Армянское радио спрашивают: что предпочтительнее выбрать на старости: ма-разм или склероз? Ответ: Конечно же, склероз. Если у вас склероз, вы забываете, что у вас ма-разм...

Чина, а в Америке анекдоты рассказывают?

ЧИНГИЗ. Больше про блондинок. Армянского радио не знают. Вот один.

– Чем умная блондинка отличается от НЛО?

– НЛО видели!

СЕМЁН. Жестоко. Хорошо, у всех нас жены не блондинки. Тост у меня родился! Жаль, за чаем не произносят тостов. А может, все-таки дернем по рюмочке за встречу, чтобы была она не последней? Кто за?

ЧИНГИЗ *(поднимает руку)*. Я!

ИВАН. Если по малюсенькой, символично.

Гурген снова ставит на стол бутылку коньяка.

Занавес

*Номер Рауфа в отеле. Ему нездоровится, он лежит.
Рита прикладывает ко лбу мокрый платок.*

РИТА. Встреча за встречей, любой здоровый человек устанет. Ну, и поднялось давление.

РАУФ. Будет ворчать. На день больше, на день меньше проживу, стоит ли из-за этого отказывать друзьям.

РИТА. Друзья или просители? Раз плохо себя почувствовал, следовало перенести встречу, не принимать всех просителей.

РАУФ. Не обижай моих друзей. Однокурсники Сергей и Самед не просили ничего, предлагали на равных поучаствовать в их бизнесе. Реши я бросить якорь в Баку, наверняка присоединился бы.

Звонит внутренний телефон, Рита включает громкую связь.

ГОЛОС ВАРВАРЫ. Какая-то настырная женщина пытается прорваться к шефу.

РАУФ. Скажи Николаю, пусть поговорит.

Снова звонит внутренний телефон, включена громкая связь.

РИТА. Слушаю.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Извините, мы вынуждены вызвать охрану, чтобы справиться с гостьей. Рвется к Рауфу Гасановичу.

РИТА. Вы с Варварой не справляетесь? С женщиной не в силах разобраться. *(Выходит, а в номер врывается Лиза – женщина со следами былой красоты, в возрасте за 50, за ней Варвара и Рита.)*

ЛИЗА. Рафик, можно поговорить? Секьюрити твои едва руки не сломали.

Рауф изучает её, пытается вспомнить, кто это.

РИТА. Человеку плохо, вам сказали. Не видите? Ворвались.

Варвара пытается оттащить гостью от Рауфа, он делает знак остановиться.

РАУФ *(поднимается, Рите)*. Полегчало немного, встану. *(Лизе.)* Садитесь, слушаю вас.

ЛИЗА. Не узнал!.. Лиза Панкратова, подруга Елены.

РАУФ. Лиза... Лиза Панкратова. *(Так и не узнал.)* Ты так изменилась!

ЛИЗА. Вспомни шестидесятый год, Первое мая, Университет... Сёма Лифшиц знакомит нас. Потом мы встречались какое-то время, и я уехала на практику в Кировабад. Без меня ты приударил за Ленкой. Она и женила на себе.

РИТА *(саркастически)*. Неизвестные страницы из жизни героя будущего романа Фариды Кулиева.

ЛИЗА. Ты тоже очень изменился. Первые годы следила за твоей судьбой, читала газеты, не пропускала ни одной публикации... Сегодня тоже не узнала бы, встретив на улице. В газете прочитала: неизлечимо больной российский олигарх, азербайджанец, родом из Баку, приехал в родной город попрощаться с друзьями детства по похлударинскому двору. Когда-то ты упоминал Похлу Даре, вот и вспомнила. Позвонила, соединили с секретарем. Она направила к помощнику, тот после долгих уговоров соединил с твоей подругой, как поняла. Дала ей номер, чтобы позвонил.

РАУФ (*вопросительно смотрит на Риту*). Она моя жена.

РИТА. Я передала тебе. Сказал, не помнишь такой фамилии.

ЛИЗА. Фамилию он не знал. Виновата, не объяснила толком. А с Ленкой мы десять лет учились в одном классе. Она поступила в Индустриальный, а я в Университет. Дружить продолжали.

РАУФ. Извини, Лиза, что так получилось. Искренне рад видеть. Как живешь, замужем, дети? Рассказывай.

Варя выходит, Рита садится и слушает.

ЛИЗА. Что про меня? Живу как все. Мужа нет, сын балбес, не работает. Живем на мою пенсию, хотя он имеет профессию журналиста. Про Елену пришла узнать, как она, в газетах ничего о ней. Пишут, привез с собой подругу.

РАУФ. Не читай желтую прессу. Маргарита моя официальная жена.

РИТА. Елена шесть лет назад погибла.

ЛИЗА. Да вы что! (*Рауфу.*) Прости, пожалуйста. Не знала. Прими запоздалое соболезнование. Какая жалость, я всё надеялась увидимся.

РАУФ (*показывает вверх*). Все там увидимся.

ЛИЗА. Вы жена Рауфа... Не знаю, верить ли теперь газетам про твою болезнь. Выглядишь превосходно.

РИТА. Болезнь серьезная, а он никак не решится на операцию.

ЛИЗА. Есть альтернатива?

РИТА. Несколько месяцев, или лет десять – в случае успешной операции.

РАУФ. Успех гарантируют пятьдесят на пятьдесят, вот и колеблюсь.

ЛИЗА. Не знаю, что и посоветовать... Долго задерживать не буду, объясню, зачем рвалась встретиться. (*Смотрит на Риту, ей.*) Не волнуйтесь, на Рафика не претендую, давно смирилась, простила и Ленку. Где в моем возрасте конкурировать с вами. (*Рауфу.*) Предупредить пришла. Как-то похвастала, что дружила с тобой в студенческие годы. Так мой непутевый сын вбил себе в голову, что он твой сын, а я скрываю. Надумал шантажировать тебя, обратиться в прессу.

РАУФ. Сколько ему?

ЛИЗА. Родился 23 марта шестьдесят второго. Не можешь быть ему отцом.

РИТА (*считает*). Если взять стандартный срок девять месяцев от зачатия, оно должно было произойти 23-25 июля 61-го года, когда ты уже с Леной встречался.

РАУФ. Еще в июне я прилетел в Тюмень, есть запись в трудовой книжке.

ЛИЗА. Я и объясняю, а он убежден, что родился недоношенным. Такое бывает.

РАУФ. Что вы занялись глупостями! (*Лизе.*) Мы разбежались после твоего возвращения с практики. Больше не общались. С новогоднего вечера у нас в АЗИИ начал встречаться с Еленой. С шестидесятого на шестьдесят первый год. Так?

ЛИЗА. Совершенно верно.

РАУФ. Наконец, выяснили.

РИТА. Так что вы хотите от Рауфа Гасановича?

ЛИЗА. Вдруг какая-нибудь желтая газетенка прислушается к бредням сына и примется трепать наши имена. Не хочу, чтобы сложилось превратное мнение обо мне. К проискам сына не имею отношения.

РИТА. Что-то я не врублюсь. Какой смысл что-то печатать, не попытавшись шантажировать Рауфа Гасановича?

РАУФ. За сенсации хорошо платят.

ЛИЗА. Я и сама не понимаю. Он грозитя.

РИТА. Собирается опубликовать, что Рауф его отец, и не желает его признать?

ЛИЗА. Не знаю. Смысл, вероятно, такой.

РАУФ. Почему не пришел поговорить? Надеется, что газета заплатит?

ЛИЗА. Само собой.

РИТА. Ради сенсации опубликуют.

РАУФ. Отец его где?

ЛИЗА. Умер.

РАУФ. Сказала, он журналист. Сейчас журналисты хорошо зарабатывают.

ЛИЗА. Не работает он. В русскоязычных изданиях везде успел отметиться. А писать умеет только по-русски.

РИТА. Азербайджанский язык не изучали в университете?

ЛИЗА. Как не изучали! Не стал он учить. Но разговорным с детства владеет.

РАУФ. Поговори с сыном серьезно. Пусть оставит глупости и зайдёт. Подумаем вместе, как ему помочь.

РИТА (*Рауфу*). Фарид в русской газете работает, может, его привлечь?

ЛИЗА. Спасибо. Буду бесконечно благодарна, если сумеешь вразумить его. Поверь, я пришла не за помощью. Если непутевый сын все же напечатает эту галиматю, знай, я всеми силами старалась остановить его. (*Поднимается.*) Извините, что заняла ваше время.

РАУФ. Ну что ты, Лиза! Рад увидеть тебя. На следующей неделе в «Амбуране» я устраиваю небольшое торжество, встречу с друзьями детства. Приглашаю.

ЛИЗА. Спасибо. Отравлять кислой физиономией гостей и скучать среди незнакомых людей? Я ведь никого не знаю.

РАУФ. Семён Лифшиц с женой будут, мы с Ритой.

ЛИЗА. Тронута. Ты теперь знаменит. Нет, нет! Я не приду. (*Поднялась и направилась к выходу. Рауф провожает её до дверей, останавливается.*) У Риты есть твой телефон, я позвоню. Встретимся, посидим, вспомним студенческую юность. Расскажешь про Елену, как дружили в школе, кто из мальчиков нравился.

Проводив Лизу, возвращается и снова ложится. Рита присаживается рядом.

РИТА. Слушай, не кажется тебе, что про сына всё она выдумала? Пришла посмотреть на тебя.

РАУФ. Что на меня смотреть?

РИТА. Богатый, холостой, в молодости любил... Вспыхнут чувства ностальгии.

РАУФ (*притягивает Риту, целует*). Ревнуешь! Раньше не замечал.

РИТА. Повода не было... «Посидим, вспомним студенческую юность».

РАУФ (*снова притягивает её, целует*). Если в молодости выбрал не Лизавету, неужели теперь, когда жить осталось всего-ничего, променяю любящую меня молодую красавицу на старую тетку?

РИТА. Никакая не тетка, а твоя ровесница, может, и младше. (*Долгая пауза.*) Не женишься на мне, оставлю компанию. Приглашают экспертом в Союз промышленников. Твой конкурент уговаривает перейти в его корпорацию. Займусь докторской... Лизе следовало предложить денег. Отказалась от вечеринки, может, пойти не в чем.

РАУФ. Подумал об этом. Не возьмет она денег.

РИТА. Если через Семёна, он ведь вас познакомил? *(Стук в дверь.)* Проходной двор какой-то. Чем там Николай с Варварой занимаются? Не дадут передохнуть больному человеку.

Входят Гурген с Элеонорой.

РАУФ. Ва! Кого вижу! Сам Гур с женой. *(Поднимается, хватая в объятия Гургена, целует. Оставляет его и протягивает обе руки Элеоноре, обнимаются.)* Эля! Помню, как Гур приводил тебя к нам знакомить.

ЭЛЕОНОРА. Извините, ввалились без звонка.

ГУРГЕН. Напугали нас, сказали тебе плохо, лежишь. А ты неплохо выглядишь.

РАУФ. Спасибо. Отпустило.

ГУРГЕН. Не похож ты на олигарха. На Чина посмотришь, сразу понятно – перед тобой американский миллионер, а ты не изменился. Возмужал, поседел, а так всё тот же Рафик. Повзрослевший только.

ЭЛЕОНОРА. Как у вас холодно! Кондиционер на полную включили?

РАУФ. Наверное. Вы оба тоже хорошо выглядите. *(Элеоноре.)* Слышал, после моего отъезда поселились у нас во дворе, у Мелкумянов.

ЭЛЕОНОРА. Через год после того, как вы уехали в Сибирь.

РИТА. Вы не из Похлу Даре?

ЭЛЕОНОРА. Нет, из Арменикенда. Гур у нашей фабрики сапожничал, мы и познакомились. Я принесла ремонтировать босоножки, разговорились...

ГУРГЕН *(перебивает жену)*. Стыдить меня начала. Молодой мужчина, а стучит молотком, латает старую обувь.

ЭЛЕОНОРА. Мама не сразу смирилась, когда стала встречаться с сапожником.

ГУРГЕН. Сама-то кто? Швея-мотористка. На швейной машине строчила.

РАУФ. Семья Мелкумян – потомственные сапожники. В своем деле аристократы. Любая заплатка, сделанная руками Нерсеса или Гура, превращалась в декоративный элемент, будто так и было задумано модельером. Вся Похлу Даре ремонтировала и шила обувь у них. И в Гургене воспитали усидчивость, кропотливость. Часто мы носимся по двору, играем в прятки, «пажара», еще какие-то игры, а Гурик сидит рядом с отцом во дворе, наждачкой орудует или ножом.

ГУРГЕН. В те годы обувь была в большом дефиците. Многие заказывали у нас ботинки или сапожки, дамские лодочки.

ЭЛЕОНОРА. Теперь люди не шьют на заказ.

РИТА. Магазины завалены обувью на все случаи жизни. Слышала, ваши дети не продолжили семейную традицию, а пошли в науку, стали учеными, докторские защитили. Как ни ругаем советскую власть, а учиться способным она помогала. Дорога в науку была широко открыта.

ЭЛЕОНОРА. Про докторские информация не совсем верная. И не все доктора. Один Левон. Он поступил в Московский университет, остался в аспирантуре. Защитил кандидатскую, а затем и докторскую по биологии. Армин выбрал технический институт и сейчас пока готовит докторскую. Его увлекла техника.

РИТА. На обувном предприятии?

ЭЛЕОНОРА. Смеетесь? Обувь сыновьям с детства осточертела. Диссертация Армина связана с металлургическим производством.

РИТА *(перебивает)*. Извините, в мыслях не держала обидеть.

ГУРГЕН. Неля – филолог, специалист по корням армянского языка, её муж – по армянскому фольклору.

РАУФ. Забавляет анекдотами армянского радио?

ГУРГЕН. Что ты! Не терпит. Считает, сочиняют их евреи. Профессионально его интересуют армянские народные песни, музыка, одежда.

РАУФ. Когда расселяли Похлу Даре, вам дали квартиру?

ЭЛЕОНОРА. Что вы говорите! Дали... Мы жили в маминой квартире в Арменикенде, в двести двадцать пятом квартале. Там еще почта и магазин двадцать пятый, если помните. Как вышла замуж, мама долго не принимала нас, Гура не пускала на порог. На шестом месяце я была, когда сжалилась и пустила к себе. Не то родить Левона пришлось бы в Похлу Даре.

РАУФ. Гур наверняка оставался прописанным. Положено было дать квартиру.

ГУРГЕН. К тому времени я схоронил и отца, и маму, Эля не прописана. В лучшем случае дали бы, как Ване Соколову, комнату в дальнем микрорайоне. Может, и не дали бы. Ты был далеко и не знаешь, что творилось с осени 88-го в Баку! Националисты в Нагорном Карабахе объявили о выходе из состава Азербайджана. В Баку хлынул поток беженцев-азербайджанцев. Отношение к бакинским армянам резко изменилось. Хорошо, у Левона в Москве уже был угол, и он забрал нас.

ЭЛЕОНОРА. Так мы стали москвичами. Гурген занялся своим ремеслом, дети помогли, и мы купили квартиру.

ГУРГЕН. Мы с Элей едва вошли в номер, как ввалился Чина. Не поговорили с ним, входит Семён, за ним Иван.

РАУФ. Как Иван выглядит? *(Снова ложится.)* Извините, я лягу.

ЭЛЕОНОРА. Вам нездоровится?

РАУФ. Устал просто. Вечерняя встреча не отменяется.

ГУРГЕН. Иван? Очень прилично, а что? Как все, постарел, конечно, а так смотрится молодцом, модно одет. Ты не видел его еще?

РАУФ. Видел. Встречу отметили?

ГУРГЕН. А как же! Правда, в основном, по азербайджанской традиции – чаем и бакинскими сладостями.

ЭЛЕОНОРА. Соскучились ребята. А тут на столе пахлава, халва шекинская, кята, нуга, шакер-чурек... Это вы распорядились в номер подать все эти деликатесы, которых не найдешь ни в Израиле, ни в Америке?

ГУРГЕН. Да что в Америке, в Москве в ресторане «Баку» не всегда застанешь этот ассортимент. Спасибо, Рафик. Не представляешь, какой это подарок бывшим бакинцам.

РИТА. Консультировался с друзьями, с менеджерами «Хилтона».

ЭЛЕОНОРА. Хозяину нездоровится, а мы тут о мелочах. Успеем еще наговориться, надеюсь. Мы пойдем?

РАУФ. Не спешите. Я лучше чувствую себя. Устал просто.

ЭЛЕОНОРА. Мы еще города не видели.

ГУРГЕН. Пойдем. До вечера! На минутку забежали, проведать больного.

РИТА *(провожает в коридор.)* Очень рада была познакомиться.

Занавес

Ресторан «Амбуран-эстейт». Длинный стол, составленный из сдвинутых вместе столиков, за ним сидят близкие друзья Рауфа, их жены. За отдельными столиками, тоже сдвинутыми по несколько вместе, бывшие соседи из других похлударинских дворов. Занавес открывается под мелодию мугама, когда вечер встречи в разгаре. Участники застолья пропустили не по одной рюмке и теперь продолжают делиться воспоминаниями, незнакомые знакомятся, ведутся и обычные задушевные беседы, когда люди успели поддержать уже не один тост. Играет объединенный азербайджанский национальный оркестр и ансамбль современной музыки.

РАУФ (за столом, Соне). Когда слышу мугам, вспоминаю детство, наш двор. Черную бумажную тарелку репродуктора. У мелодий, порой кажущихся похожими одна на другую, необъяснимое свойство волшебной музыки, спирического сеанса. Бывает, устану, хочу отвлечься от всего, или голова болит – поставлю диск, и, веришь, боль проходит. Для Елены, теперь для Риты, непривычные мелодии тоже стали расслабляющей успокаивающей музыкой.

СОНА. В мугаме – дух азербайджанского народа. Передается от поколения к поколению.

Музыкальный номер заканчивается, гости аплодируют. Танцевальную часть вечера начинает ансамбль современной музыки. Часть гостей выходит на танцпол. Звучат популярные мелодии 50-х годов. Когда начинают играть «Севгилим», Фира встает из-за стола, поднимается на символическую эстраду и поет. Песня звучит русскими и азербайджанскими куплетами. Часть гостей подхватывает слова.

СОНА (поворачивается к Семёну). В Израиле жена поёт?

СЕМЁН. Пела. В нескольких антрепризах недолго работала. Больше в ресторанах подрабатывала. Потом дети родились, я нашел приличную работу. Ее заработок не имеет решающего значения.

СОНА. Винит тебя, что оставила театр... Выбор был. Могла не поехать за тобой в Пензу, потом в Минск. Бакинский зритель её любил, хорошо помню. Мы с Рустамом не пропускали ни одной премьеры в оперетте. Выбрала судьбу декабристки.

РАУФ. Пенза и Минск – не рудники Нерчинские.

РИТА. Победила любовь. К тому же, Семён уверяет, евреи не разводятся.

СЕМЁН. Если говорить всю правду, не разводятся ортодоксальные евреи.

РИТА. Дома, для души, Фира поет?

СЕМЁН. Поет. В последние годы всё реже, а в молодости – ванну ли принимала, на кухне ли что-то стряпала – пела. На домашних вечеринках, у друзей, когда уговорят, и сегодня поет. Романсы, песни советских лет.

СОНА (Семёну). Подумала вдруг, а мы ведь с тобой никогда не танцевали.

СЕМЁН. Правда. Можно исправить, пошли! (Рустаму.) Ты не против?

Сона танцует с Семёном, Рустам приглашает Риту. Танцуют и незнакомые зрителю пары. Когда оркестр смолкает, танцующие аплодируют, просят оркестр и Фиру повторить.

ФИРА (возвращается за стол). Спасибо! Похвастаю. Не знаю, помните ли. Я – одна из первых исполнителей «Севгилим»! В 58-м году ее написал знаменитый тогда

Рауф Гаджиев для своего ансамбля. Его оркестр играл перед сеансами в кинотеатре «Низами». «Севгилим» первой спела Женя Дэвис. Порой я заменяла её. Зрители требовали «Севгилим», и я пела. Приходилось часто петь и еще одну из её песен – «Бакинские огни».

СЕМЁН (*Рите*). В кинотеатре у Фиры был приработок. Настоящим успехом она пользовалась в театре оперетты.

ЧИНГИЗ (*Семёну*). Мы с Джун вспоминаем ваш приезд к нам. Джун всё рвется слетать к вам, да время никак не выберем. Помню, вы собирались в Баку, побывали?

ФИРА. Нет. У него, как и у тебя, постоянно напряженка со временем. Да и не к кому ехать. У меня никого не осталось. Мама Сёмы умерла в Тель-Авиве. У кого можно было остановиться, разъехались, а в трехзвездной гостинице за пятьсот баксов в сутки – извините.

СЕМЁН. Дешевле отдохнуть где-нибудь в Южной Америке, где еще не были.

ДЖУН. Молодцы, путешествуете, а Чин больше любит полежать на теплом пачке.

ЧИНГИЗ. Ты тоже в последние годы не очень охотно ходишь по музеям.

ДЖУН. Перенимаю твои привычки. Возраст.

Джавад с Гургеном обсуждают женщин Рауфа.

ГУРГЕН. Не могу понять Рафика. Окружил себя женщинами... С собой привез, за стол посадил.

ДЖАВАД. Сона рассказывала, они его охрана. Имеют и другие обязанности. Анна – семейный юрист. Варвара – компьютерщик, Рита специалист в экономике, его жена, знаешь.

Заканчивается очередной танец, кто-то возвращается к столу, другие продолжают танцевать.

ЧИНГИЗ (*поднимается с бокалом в руке*). Раз нет тамады, будем сами вести вечер.

ЗЕЙНАБ (*перебивает*). Не свадьба. Зачем тамада, когда каждый что-то скажет, предложит тост. Все свои, скучать не придется.

ДЖАВАД. Женщина! Если посадили за стол с мужчинами, не значит, что можешь перебивать.

СОНА (*Джаваду*). Свои ханские замашки оставь, а!

ЗЕЙНАБ. Он шутит.

ЧИНГИЗ. Так дадите произнести тост?

РАУФ. Давай, Чина, руби!

ЧИНГИЗ. Друзья мои! Простите, начну издалека. Ручей бежал, бежал, добежал до моря, смешался и полностью растворился в морской воде. Но люди помнят, бег ручья начался далеко от моря, высоко в горах. Так выпьем же за то, чтобы и мы никогда не забывали своих истоков! Предлагаю выпить за нашу махаллю, за Похлу Даре, откуда все мы родом. Если бы не она, не было бы никого из собравшихся здесь!

Гости поднимают бокалы, отдельные возгласы: За нашу Похлу Даре!

Иван сидит рядом с Анной и активно ухаживает за ней. К ним пересаживается Гурген и рассказывает московский анекдот.

ГУРГЕН. Армянин приехал на своей машине в Кутаиси. Останавливает его гаишник: – Вы нарушили правила движения. Вот бумага, пишите объяснение. На грузинском языке! Водитель пытается объяснить, что правил не нарушал, а писать по-грузински вообще не умеет. Но инспектор ничего не желает слушать. Наконец, водитель вложил в бумажку двадцать долларов и протянул инспектору. – Видишь, – говорит гаишник, – а уверял, по-грузински не умеешь. Половину уже написал!

Так выпьем за то, чтобы у нас всегда были деньги! При наличии их без труда объяснимся на любом языке!

У Анны звонит сотовый телефон, она извиняется перед мужчинами и отходит в сторону. Поговорив, подходит к Рауфу.

АННА (*наклонилась к нему*). Все формальности с кладбищем решены. Перезахоронение тоже разрешено. Из Администрации Президента позвонили.

РАУФ. Завтра же займись оформлением. Не забудь место для меня.

АННА. Завтра суббота.

РАУФ. Ну и что?

АННА. Всё сделаем, только официальное распоряжение на счет себя напиши. (*Рустаму.*) Рустам Ильясович, завтра с утра ваш юрист и нотариус понадобятся.

РУСТАМ. Хорошо, я распоряжусь.

СОНА (*возмущенно*). Другого времени и места не нашли поговорить.

РУСТАМ. Не представляешь, на каком высоком уровне решалось.

Анна возвращается на свое место и продолжает разговор с Иваном, а Гурген вернулся к жене и Зейнаб.

ЗЕЙНАБ (*Элеоноре*). Когда ты переехала к Гуру, видела тебя во дворе. Познакомиться так и не успели. Училась в институте, подрабатывала в своей школе, не до новых общений было. Потом вы с Гуrom переехали к твоим родителям, и мы больше не встречались.

ГУРГЕН (*наливает жене и Зейнаб, себе, всем, кто рядом*). Один веселый человек сказал: «Ничто так не сокращает нашу жизнь... как расстояние между тостами!» Так выпьем же за то, чтобы жили мы как можно дольше! (*Чокаются и пьют. К ним пересаживается Семён.*)

СЕМЁН. Всё анекдоты армянского радио рассказываешь?

ЗЕЙНАБ. Тостами забавляет, а сам уже перебрал.

ГУРГЕН. Ничего не перебрал. Трезв, как стеклышко. Анекдоты армянского радио давно не слышал, не от кого. Зять – специалист по армянскому фольклору, а анекдоты категорически не признает.

СЕМЁН. И правильно. Жизнь остроумнее армянских анекдотов. Вот что рассказывал один заезжий еврей из Одессы. У них на международном почтамте в телефонных кабинках среди разных объявлений есть такое: «Прежде чем звонить, присядьте и успокойтесь». Мне призыв понравился. Давайте и мы выпьем за то, чтобы никуда не спешить! (*Поднимают рюмки, пьют.*)

ГУРГЕН (*явно перепил и не контролирует себя*). Волноваться петкачи, говорят в таких случаях армяне. (*Он склоняет голову, заплетающимся голосом.*) В школе я стеснялся признаться, что живу в Похлу Даре. Наш район, если помнишь, считали помойной ямой, где живут одни неудачники и бандиты. (*Все больше распаляется.*) Увидели бы родители пацанов, что не позволяли дружить с сыном сапожника, чего добились дети сапожника, и чего их дети. (*Наливает себе водки.*)

СЕМЁН (*отодвигает от него рюмку*). Гур, хватит! Перебрал уже.

ГУРГЕН. Мои дети известные ученые...

СЕМЁН (*не даёт договорить*). Все уже знают, сыновья у тебя профессора, а дочь пока доцент, тоже ученая дама.

ГУРГЕН (*говорит медленно*). Тоже не принимаешь всерьёз. Армин еще не профессор. Он в Германии на заводе Круппа внедряет своё ноу-хау. Запустит, и защитит докторскую диссертацию.

ЗЕЙНАБ (*на ухо Семёну*). Выведи его на свежий воздух.

Семён поднимает Гургена и выводит из зала. Гурген покорно идет с ним под руку. Оркестр заиграл «Вагзалы». Какое-то время участники вечеринки слушают, не решаются танцевать.

СОНА. Видимо, молодежь не знает, как танцуют наш национальный танец.

ЧИНГИЗ (*поднимается, направляется на танцпол*). Нашему поколению не у кого было учиться танцам. Больше поминали, чем праздновали. Но попробую показать, на что мы способны. (*Танцует что-то непонятное, лезгинка – не лезгинка... Продолжая танец, подходит к Рауфу, тащит его, тот отказывается, пытается поднять других гостей, но все отнекиваются.*)

СОНА. Фарид, что сидишь?

РУСТАМ (*сыну*). А ну, вспомни, как с Миной на свадьбе показывали класс.

СОНА (*невестке*). Мужчины такие стеснительные, поддержи общество.

Мина поднимает мужа, толкает в центр. Он несколько секунд колеблется, потом начинает танец, как настоящий джигит. Идет в круг и Мина. Чингиз возвращается за стол, Джун высказывает ему восхищение. Сидящие за столом аплодисментами поддерживают Мину и Фариду, танцующих классический свадебный танец «Вагзалы».

К танцующим присоединяются и другие осмелевшие гости.

Часть гостей во время танца встали из-за стола и группами стоят вдоль стены.

Рауф, Рита и Анна продолжают разговор.

АННА. Давайте решим.

РИТА. Не торопись. У нас с Рафиком еще много дел в Баку.

РАУФ. Закончим, решим. Позволим себе отдохнуть, оттянуться на полную. В Сибири без нас всё отлично вертится, весь персонал на месте. (*Анне.*) Пока полистай атлас, выбери на Карибах приличный, тихий островок.

АННА. Мы же в Ниццу собирались.

РАУФ. В другой раз. На Карибах столько еще неисследованных островов осталось! Возможно, Петя и Паша с домочадцами подъедут.

АННА. Рита, как ты? Я больше за Ниццу.

Танец «Вагзалы» продолжается с массовым участием гостей. К оставшемуся за столом Ивану подсаживаются Зейнаб и Сона. Разговаривая, показывают на танцующих Лизу и Семёна. Лиза сегодня хорошо выглядит, модно одета и не скучает.

СОНА. Не заинтриговала Елизавета?

ИВАН. Я не заинтересовал её.

СОНА. Постарайся.

ИВАН. Что ты мне её сватаешь! Считаешь, не найду женщину моложе?

ЗЕЙНАБ (*Соне*). Правда, давишь на него, как аршин-мал-аланская сваха!

Анна оставляет Риту и Рауфа, подходит к Зейнаб.

АННА. Зина, мне надо поговорить с вами. Отойдите, где не так шумно. Может, на воздухе, в парке, на скамеечке посидим?

ЗЕЙНАБ (*удивлена*). С организацией вечера связано? Пойдемте. (*Выходят на авансцену, садятся на скамейку.*)

АННА. Сложную миссию поручил мне Рауф Гасанович. Не знаю, как начать... Сам не решился.

ЗЕЙНАБ. Мы с Соней что-то не так сделали?

АННА. Нет-нет! Организовано всё великолепно. (*Пауза.*) Обещайте выслушать и не перебивать.

ЗЕЙНАБ. Заинтриговали.

АННА. Рауф Гасанович принял решение сделать вашей семье подарок.

ЗЕЙНАБ (*перебивает*). Что за подарок, сам не решается объявить?

АННА. Исполнить вашу мечту детства. Помочь поменять квартиру на большую, и обязательно с видом на бакинский залив.

ЗЕЙНАБ. Он Дед-Мороз, делать подарки? До нового года еще пять месяцев.

АННА. Всё совершенно серьезно.

ЗЕЙНАБ. Почему ж тогда не предложил сам, поручил вам?

АННА. Посчитал, у меня лучше получится. Женщине легче понять женщину. К тому же, всеми юридическими вопросами занимаюсь я. Так, повторю. Не перебивайте и слушайте. Возьмите мужа, дочку, уговорите еще Соню с собой, и сходите в приличную риэлторскую контору, посмотрите, что могут предложить. В новом ли доме, или на рынке вторичного жилья. Свою квартиру выставите на продажу.

ЗЕЙНАБ. Рафик представляет, сколько стоит квартира с видом на море, если менять даже на меньшую, чем у нас, площадь? Посоветуйте заглянуть в компьютер.

АННА. Не на меньшую, а на современную квартиру, метров в сто-сто двадцать, чтобы детей могли приглашать, с внуками играть. Сумма не должна волновать. Лишь бы квартира понравилось. Выберете самую-самую, какая подойдет.

ЗЕЙНАБ (*нерешительно*). Вы меня просто ошаршили. Что скажут люди? Джавад не в состоянии создать условия, достойные его жены. За него это делает чужой человек. Нет! Нам это не подходит. Поговорю с мужем. Уверена, не станет и слушать.

АННА. Вы знаете, у Рауфа Гасановича неизлечимая болезнь, впереди сложная операция. Не исключено, день операции станет его последним. Сыновья хорошо обеспечены, в завещании не забудет никого из своего окружения. Вполне объяснимо его стремление помочь осуществить мечту друзьям бедного послевоенного детства. Вы

не одна, кому Рауф Гасанович делает подарки. К примеру, Ивану тоже намерен купить квартиру в городе.

ЗЕЙНАБ. Ивану – правильно. Следует вернуть его в город. Прежде необходимо вылечить. Не уверена, что и он примет такой подарок. *(Долгая пауза, Зейнаб думает, колеблется.)* Мы живем не в Забрате, у нас приличная квартира. Что ж, что маленькая. *(Пауза.)* Как мы с Джавадом будем выглядеть в глазах друзей и знакомых?

АННА. Выигравшими по лотерейному билету. Деньги эти не шальные, Рауф Гасанович заработал честным сорокалетним трудом в Сибири. Кстати, позаботьтесь и о современной обстановке квартиры, разной бытовой технике, мебели. Выберите всё, на чём глаз остановится.

ЗЕЙНАБ. Вы русская, выросли в России, не знаете наших обычаев. Бакинцы – народ гордый, поймите. Принять такой подарок от чужого человека... Я, конечно, передам Джаваду, но уверена, он не примет подарка.

АННА. Вас связывает общее детство, выросли в одном дворе. Как кто-то из ваших сказал, играли в одной песочнице. Посоветуйтесь с мужем, детьми, и завтра же займитесь поисками квартиры. Дней через десять мы с Рауфом Гасановичем намерены уехать. Еще раз повторю, никакая сумма не должна вас остановить.

ЗЕЙНАБ. Передайте Рафику... Большое спасибо за заботу, но, к сожалению, мы не можем принять такой подарок. *(Собирается вернуться в зал.)*

АННА *(останавливает её)*. Перед операцией он подпишет завещание, где обязательно будет этот пункт. Если вы категорически отказались принять подарок от здравствующего друга детства, получится, вы желали скорой смерти Рауфу Гасановичу.

ЗЕЙНАБ. Что вы говорите! Вы не баинка, не поймете меня.

АННА *(в отчаянии)*. Я передам Рауфу Гасановичу, пусть сам с вами разговаривает. *(Зейнаб молчит в нерешительности.)* Пойдемте за стол. *(Оставляет Зейнаб и присоединяется к Джун и Фире.)*

Фарид подходит к Джун и приглашает её на медленный танец. Семён, следуя их примеру, приглашает жену. К оставшейся одной Анне подходит Иван, гремит оркестр, и зритель не слышит, о чем они говорят. Она берет его за локоть и ведет на авансцену.

АННА. Ваня, выведите меня на свежий возраст. Голова кружится.

ИВАН. Рафик что скажет?

АННА. Рауф Гасанович?

ИВАН. Для меня по-прежнему Рафик. Правда, что у него одни бабы работают в окружении?.. Извини, женщины.

АННА. Ты прав, одни бабы.

ИВАН. Ты у Рафика секьюрити?

АННА. Если вдруг возникнет необходимость. Я юрист компании. *(Уходят.)*

Зейнаб выводит Джавада на авансцену.

ДЖАВАД. Что за срочное дело? Нельзя потом или дома сказать?

ЗЕЙНАБ. Как ты относишься к мнению окружающих? Соседей, приятелей по рыбалке или покеру?

ДЖАВАД. За этим вывела из зала, прервала мужскую беседу?

ЗЕЙНАБ. Начну тогда без предисловий. Что скажешь на то, что Рафик предлагает нам поменять квартиру на большую, с видом на море?

ДЖАВАД (*вопросительно смотрит на жену*). Не понял. Как поменять?.. У него есть квартира, и он отказывается?

ЗЕЙНАБ. Только что разговаривала с юристом его компании. Она сказала, что Рафик предлагает поменять нашу квартиру на большую и доплатить разницу.

ДЖАВАД. После визита к нам с сестрой решил? Или сейчас, за столом, после нескольких тостов, от которых не мог отказаться?

ЗЕЙНАБ. Помнит, что когда-то я мечтала видеть в окно бульвар, море.

ДЖАВАД. Он знает, какие деньги потребует такой обмен?

ЗЕЙНАБ. Его юрист сказала, что сумма не имеет значения, лишь бы квартира нам понравилась. Посоветовала завтра взять детей, идти к риэлторам выбирать. И не только квартиру. Еще обстановку, технику, мебель.

ДЖАВАД (*он так и не понял серьезности предложения*). От меня чего хочешь?

ЗЕЙНАБ. Я ответила, как бы ни было заманчиво предложение, муж мой не согласится. Для него это укор, оскорбление, не исполнил мечту жены.

ДЖАВАД (*обнял жену*). Ты у меня умница, правильно мыслишь.

ЗЕЙНАБ (*помолчав*). А если объяснить друзьям и знакомым, что выиграла по лотерейному билету?

ДЖАВАД (*качает головой*). Сомневаюсь, что поверят. Даже если обманем кого-то, ты-то будешь знать правду. Мечту исполнил приятель детства.

ЗЕЙНАБ. Ты прав... (*Колелется, после паузы вздыхает.*) Если бы не предрасудки, на старости лет пожили бы в просторной квартире, вместе с внуками.

ДЖАВАД. Ой, задали нам задачку! Ситуацию оцениваешь правильно, а сама, вижу, ждешь от меня другого ответа.

ЗЕЙНАБ. Можно еще посоветоваться с детьми, хотя их мнение знаю заранее. Лейла заплашет от радости, нечего и думать, скажет. Скорее ищите новую квартиру. Мехти ответит: не позорьтесь, у вас и так приличная квартира.

ДЖАВАД. Давай не будем торопить события... Ночь подумаем, а завтра, по трезвости, поговорим еще с Рауфом. (*Поднимаются и возвращаются в зал.*)

Рауф и Рустам, стоя у стены, продолжают говорить об Иване Соколове.

РУСТАМ. Мы с Соней поможем.

РАУФ. Квартира останется в собственности нашего банка, без права продажи.

Подходят Сона и Рита.

СОНА. Про Ивана разговор?

РУСТАМ. Как Вольф Мессинг мысли на расстоянии читаешь.

РИТА. Конечно, нельзя бросить друга детства в беде. В российских газетах много объявлений частных лекарей типа «Вывожу из запоя», «Лечу от алкоголизма». Не все шарлатаны, некоторые успешно лечивают. В Баку есть такие?

СОНА. Полно.

РУСТАМ (*перебивает*). Мне уже рекомендовали специалиста, берётся за две недели навсегда отбить охоту к алкоголю и наркоте. Только бы Иван не передумал.

РИТА. Я его второй раз вижу, впечатление произвел здравомыслящего мужика.
РАУФ. Будет квартира, Рустам поможет найти работу по силам. Можно будет заняться поисками невесты. Это по Сониной части.

СОНА. Я что тебе, сваха, да?

РАУФ. Не Рустаму же ходить по брачным агентствам. Вы с Зиной и займетесь.

РИТА. Слушайте! Надо Ивана познакомить с Лизой!

СОНА. Мы с Зиной уже пытались.

РАУФ. Я говорил, филиал нашего банка все организует. В будущем, когда всё устанется, если меня уже не будет, Маргарита оформит окончательно.

СОНА (*обнимает Рауфа.*) Что ты говоришь! Как не будет? Сделаешь операцию и приедешь еще на свадьбу к Ивану.

РИТА (*Рауфу*). Я с Варей схожу, окунусь в бассейне. Звала Соню, не хочет.

СОНА. В заключение вечера, если гости не перепьют, пойдём на море.

РАУФ. Жаль, я не запасся купальными принадлежностями.

РИТА. Здесь всё можно купить, большой выбор. Мы с Варей отличные купальники приобрели. Я пошла. (*Уходит.*)

Иван с Анной в противоположной стороне авансцены. Он пытается обнять Анну, она болевым приемом валит его, потом подает руку и помогает подняться.

АННА. Больно? Принял за потаскушку, наложницу Рауфа? Ошибся!

ИВАН. Извини, Аня!

АННА. Пойдем к морю, только, пожалуйста, без всяких вольностей. (*Уходят.*)

Большинство гостей продолжают танцевать, беседовать за столом, а главные герои-мужчины – Джавад, Рауф, Рустам, Чингиз и Семён – в стороне ведут серьезный разговор. Нетвёрдой походкой к ним присоединяется Гурген, позже Иван.

ДЖАВАД. Азербайджан освобождается от советского наследия. Стране нужны опытные инициативные люди, чтобы возродить страну, вывести в число самых благополучных в социальном и экономическом плане. Посмотрите на Кувейт, Эмираты, на Иран, извините, даже на тот же Израиль, что у них, не такие же люди, как у нас? Вы же, мужики, работаете на экономику чужих стран. А родина сегодня нуждается в опытных менеджерах, коммерсантах, финансистах, всевозможных специалистах, которые могут передать опыт, полученный за рубежом, молодым национальным кадрам.

СЕМЁН. «Всему свое время... Время разбрасывать камни, и время собирать камни», – сказал когда-то по этому поводу великий Экклезиаст.

РУСТАМ. Согласен, Семён, с тобой. Я мусульманин и живу далеко от Святой Земли, но согласен с христианским пророком. Пришло время собирать камни. Возвращаться на родину тем, кто своими знаниями и энергией укрепляет экономику других стран. Родная страна переживает второе рождение. Государство ждет инвестиций в экономику, социальную сферу, культуру прежде всего от своих сыновей. Опыт, что получили где-то, очень пригодится стране, где родились, делали первые шаги в жизни, получили образование. Пришла пора отдавать долги.

РАУФ. Мы с Ритой давно подумываем. Её даже уже успели пригласить в один Университет. Мне тоже, думаю, дело найдется по душе. Пока для меня главное, как пройдет операция.

СЕМЁН. Будь я моложе, обязательно вернулся бы в Баку. Жизнь здесь намного интереснее, приятнее. Люди лучше, понятнее, честнее.

РАУФ (*поддевает*). Нет такого количества евреев, как в Тель-Авиве.

СЕМЁН. Конечно. Мне уже шестьдесят шесть, скоро пенсия. В Баку кто мне её даст? Родился в Белоруссии, в Баку учился... Фира постоянно мечтает вернуться в Баку! К сожалению, обратной дороги нам нет.

РУСТАМ. Дети будут помогать.

РАУФ. Чингиза Джун не пустит.

ЧИНГИЗ. Сына я привезу. Теперь, когда увидел, что здесь можно жить не хуже, чем в Америке, иметь дело, пусть возвращается на землю отцов... Для нас с Джун всё очень сложно. В Америке её родители, родственники. (*Рауфу.*) Ты застолбил себе постоянное место. Я даже таким образом не могу вернуться. Отец где-то в России, в общей воинской могиле, мать похоронили на Монтинском кладбище, его снесли, где её бедные кости, никто не знает.

ГУРГЕН. Меня, армянина, здесь пока не ждут. Пока моё место там, где семью мою приютили.

ИВАН (*Джаваду*). Грустный разговор ты завёл, праздник испортил. Вернёмся лучше за стол!

Садятся за стол, не на свои места, а все вместе, рядом. Дождавшись, когда музыка смолкнет, Иван с полной рюмкой поднимается на эстраду и произносит длинную речь по-азербайджански.

ИВАН. Əzizim Rafik! Çox sağol ki, bizi topladın bir yerə. Bizim əksəriyyətimiz dünyanın müxtəlif istigamətlərində yaşayır, illərlə, bəlkədə on illərlə bir birimizi görmürük. Sən dünyanın müxtəlif yerlərinə, Amerikadan tutmuş İsrailə kimi səpələnmiş insanları bir yerdə səmlədin. Burada toplaşan insanlar müxtəlif təbəğənin nümayəndələridir. Amma biz Bakılıyıq. Əksəriyyətimiz də bir məhlədən – Poxludərədənik.¹

РАУФ (*синхронно переводит вернувшейся Рите*). Прямо штатный оратор! И откуда такие слова!

СОНА (*переводит Джун*). Не ожидала подобного красноречия от Ивана.

ИВАН (*продолжает по-русски*). Мы все за одним столом, русские и азербайджанцы, армяне и евреи, все бывшие жители Похлу Даре. Жители Баку, бакинцы. Бывших бакинцев не бывает. Так выпьем за нашу махаллю, за нашу маленькую родину, за её второе рождение!

Аплодисменты, оркестр играет что-то бравурное, затем танцевальную мелодию. Участники застолья перемещаются на танцпол.

Занавес

¹ Друг наш, Рафик! Спасибо тебе, что собрал нас. Большинство из нас живут в разных концах Баку, не видим друг друга годами, кого-то и десятилетиями. А ты собрал, пригласил всех, кого судьба раскинула по свету от Америки до Израиля. Собравшиеся здесь – люди разного социального положения. Но все они бакинцы. Большинство с одной махалли – из Похлу Даре.

МЕНЗЕР НИЯРЛЫ

«Я ВЫБИРАЮ НЕ СЧАСТЬЕ, А КРАСОТУ»

Сару Огуз всегда отличал особый талант, проявляющийся как в ее оригинальных художественных, так и в публицистических произведениях.

Она родилась 29 декабря 1944 года в Огузе. В 1965 году окончила Азербайджанский государственный педагогический институт, а в 1975 году – аспирантуру Института философии и экономики Академии наук Азербайджана. Поступила работать в Музей Искусств, где от простой смотрительницы дослужилась до должности заведующего отделом. В это же время появляются ее первые художественные и публицистические произведения.

Писательскую деятельность С.Огуз начала с небольших по объему произведений, вперые опубликованных в журнале «Азербайджан». Позже, составив сборник, она представила его в издательство. Книга пролежала там несколько лет, а потом была отдана на рецензию профессору Акифу Гусейнли. «Кем бы ни была эта писательница, она обладает широкими познаниями в различных областях искусства. Чувствуется, что она любит слово и прекрасно знает изобразительное искусство», – писал в своей восторженной рецензии критик. «Не могу не радоваться, когда встречаюсь с произведениями, отмеченными чертами истинного искусства. Уверен, что Сара Назирова отмечена подлинным талантом», – писал Гусейнли далее. «Любой человек, чувствующий искусство, не сможет не признать высокого писательского мастерства её произведений. Язык автора достигает поразительных высот. Словарный запас необычайно богат. Каждый из героев говорит на присущем только ему языке. И поэтому характеры предстают как живые. Чтобы понять это, достаточно прочитав рассказ «Горе мертвого».

Начав творчество с маленьких рассказов, Сара Огуз создала после этого множество интереснейших повестей: «Печать судьбы», «Звезда надежды», «Плач баяты», «Колесо судьбы», «Жизнь бабочки». Эти произведения запоминаются тем, что в них рассказывается о реальных событиях, свидетелем которых стал автор, о знакомых ей людях. Ее произведения можно отнести и к жанру автобиографической прозы. В повести «Звезда надежды», рассказывающей о трудной жизни людей, переживших вторую мировую войну, автор точными, содержательными эпизодами показывает твердый, сдержанный характер людей, использует лаконичные фразы и выражения для создания галереи этих портретов. Персонажи всех ее произведений – и больших повестей, и маленьких рассказов – всегда показаны во внутреннем развитии. Сохраняя свою внутреннюю стойкость и оставаясь верными себе, в различных ситуациях они извлекают поучительный урок для себя и при любых неудачах не теряют надежды.

Самым большим достижением Сары Огуз было умение создавать характеры.

Герой рассказа «Мужчины былых времен» Мамы-киши ни от кого не зависит, не зарится на чужое имущество. О жизни героя автор рассказывает постепенно, медленно, больше говоря не столько о Мамы-киши, сколько о его окружении, о его саде. И читателю поначалу кажется, что автора интересует не столько герой, сколько то, что его окружает. Но все, что описывается в рассказе, служит раскрытию характера героя.

Описывая сад, дом героя, автор описывает образ жизни Мамы-киши, его недовольство делами лезгинки Гюльсум, на которой он женился после смерти своей первой жены. Гюльсум шила в их доме одеяла, и он женился на ней под предлогом, что некому в саду собирать каштаны, – все это автор описывает с мастерской убедительностью. Дом Мамы-киши стар, как и он сам. Увидев во сне строительство нового дома, Мамы-киши думает, что новый дом нужен и ему. Но скоро отказывается от этой мысли. Односельчане уважают его за степенную задумчивость. Боясь потерять уважение людей, он никогда ни к кому не обратится за помощью, не

пойдет на поклон – ни к взяточнику председателю колхоза, ни к леснику.

В другом рассказе «Невестка» привлекает внимание характер Зюльхадже. Автор с тонким сарказмом рисует образ своего персонажа, а в конце рассказа прибегает к резким мазкам, раскрывая внутренний мир старой Зюльхадже.

Устроив на свадьбе скандал, вызванный мелким недопониманием, обманув молодых, эта старуха показывает свое истинное лицо лишь в сцене в бане. Именно здесь мы видим будущие желания сватья... «Быть тетушкой Зюльхаджей, самой прийти в баню, самой искупаться, самой вымыться – такое нельзя было представить себе. Ведь мы еще не говорили вам, что у тетушки Зюльхадже было свое особое место среди деревенских жителей. У нее была уважаемая, почетная профессия. Сватья из рода Гаджи Кадымали. А этот род был настолько большим, что сосчитать их можно было, только если собрать всех вместе. Без приказа тетушки Зюльхадже ни одна собака ни тявкнуть не смела, ни залаять. За год ее приглашали быть сватьей на нескольких свадьбах. То со стороны жениха, то со стороны невесты. К ней приходили с просьбами и из других мехелле: «Кроме тебя, никто с этим делом не справится». И тетушка Зюльхадже, оценивая, достойны ли эти люди ее снисхождения, с одолжением принимала такие предложения. Если же просители не заслуживали уважения в ее глазах, она спроваживала их с презрительным словом «дудук». Если в роду кто-то заговаривал о женитбе, то первым делом вспоминали о тетушке Зюльхадже. Кто себе невесту не мог найти, у кого дочь осталась незамужней – всем тетушка Зюльхадже приходила на помощь. Если какая-то девушка отказывалась выходить замуж, тетушка Зюльхадже тут же появлялась со старшим сыном. А тот, выставив вперед огромный живот, выпучив налитые кровью глаза, говорил хриплым голосом: «С кровью тебя смешаю, кто ты такая, чтобы противиться?..»

Ни одно из дел, которые устраивала тетушка Зюльхадже, не оставалось без результата. Она была женщиной умной и всегда добивалась своего.

Автор с большим мастерством создал образ женщины, то устраивающей раздоры между людьми, то заставляющей их враждовать друг с другом, и при этом сохраняющей ангельский лик. Верим ли мы в то, что она творит в семьях? Вот что пишет об этом критик Басти Алибейли: «Убедительность является основным признаком, определяющим ценность любого художественного произведения, а для рассказа – это главнейшее условие. Потому что в отличие от крупномасштабных произведений – романов, повестей – в однолинейном, сжатом рассказе, а особенно в новелле читателя трудно запутать. Для того, чтобы удержать его внимание, нужна убедительность... Например, в рассказе «Сваха» старая Зюльхадже, мстящая жене своего деверя и ее капризной дочери, произносит только одну фразу: «Я не могу быть свахой у опозорившей себя девушки», в результате брат у ног старухи задушил сестру, выходящую замуж. Поверит ли в такой конец читатель? Мы решительно говорим «да», потому что после долгих размышлений мы видим здесь очень тонкую ситуацию».

Богат и ярок язык произведений Сары Огуз Назировой. У нее свой оригинальный стиль письма, далекий от искусственности, и даже описания серьезных событий приправлены юмором. Говоря о языке, известный ученый-языковед Т.Гаджиев отмечал: «Каждый писатель является отражением своего время и формируется на основе общественно-эстетических требований, идей и размышлений, жанров и поэтики, языка и стиля». Или: «Язык является важнейшим средством передачи художественного содержания. Если не единственным, то самым важным. Эстетическое общение писателя с читателем происходит посредством языка, писатель живет языком».

В рассказе «Страдания покойника» особое внимание уделено юмору героя – камнетеса. «Бывает камень, его ничем не возьмешь, не поддается. Но это еще что! Бывает, втаскивают в мастерскую гранит. Достают фотографию и говорят: «Видишь эту женщину, высеки ее на надгробии говорящей по телефону». Спрашиваю, а какую должность она занимала при жизни? Говорят: «Домохозяйка». Видишь ли, она завещала, чтобы на ее надгробии сделали именно такой портрет, с «телефоном под ухом». «Дядя Имамали, выбей портрет, чтобы она как живая была, будто сейчас заговорит по телефону». Я думаю про себя: «Да чтоб твоего дядю Имамали, и твою маму, любительницу потрепаться по телефону... Как мне все это поместить на этом камне?»

В повести «Профессия» рассказывается о среде художников, о существующих противоречиях между ними и обществом, о важной роли, которую нарисованная реальность играет в жизни людей. Если творец переходит к украшательству природы, это может сбить с пути даже талантливого художника, тот, кто гоняется за материальной выгодой, растрчивает талант и превращается в колесо пропагандистской машины. Повесть написана сложно. То мы читаем сцены, написанные схематично, как фрагменты плаката, а потом они сменяются покоряющими эмоциональной силой трагическими сценами. Порой кажется, что это смешение стилей вот-вот разрушит архитектуру произведения. Складывается ощущение, что писатель с трудом удерживает кирпичики, составляющие фундамент повести.

Большинство персонажей произведений Сары Огуз – это женщины с несложившейся судьбой, предпочитающие красоту счастью, оберегающие свою внутреннюю чистоту, мечтающие дарить и получать любовь. У героини повести «Перст судьбы» прекрасной Шамхатун судьба также не сложилась – это тетя автора. Она выросла, тоскуя по своим отцу и братьям, сосланным в Сибирь, но ее увозит нелюбимый ею Шамхал. Хотя она поначалу и противится этому браку, однако потом под давлением обстоятельств смиряется, у нее рождается ребенок. Так всю жизнь она и прожила с человеком, которого так и не смогла полюбить.

Преподаватель Венского университета Сена Деган, занимающаяся исследованием азербайджанской литературы, приехав в Баку в 1994 году, познакомилась с произведениями С.Огуз. Вот как она описывает свои впечатления от повести «Перст судьбы». «Героини Сары Огуз не думают о том, чтобы принести себя в жертву, судьба складывается так, что они постоянно ищут собственную свободу. Например, в «Персте судьбы» героиня, окруженная теплом и любовью, патриархальным образом жизни бабушки, мамы, тети, в первую очередь стремится к собственной внутренней свободе. И речь идет не только о патриархальности. Здесь нет каких-либо социальных препятствий. Здесь женская истина».

Повесть «Плач баяты» посвящена жизни беженки Шариф и жестокой трагедией, обрушившейся на ее семью. Героиня простым диалектным языком рассказывает о том, через что ей пришлось пройти, чтобы спастись самой и спасти семью своей сестры. Обратим внимание на язык бабушки: «Да омоются в своей крови кровопийцы, деточке моей Шариф пришлось покинуть свой дом. Да окрасится кровью твоей саван твой, кровопийца, свет жизни моей, опора дома моего внучек мой бежал из дома, чтобы спастись. Без помощи и защиты остались мы перед жестоким врагом...»

Колоритный язык, образы, вызывающие доверие своей естественностью, сюжеты, основанные на хорошо продуманной композиции – вот основные достоинства замечательных повестей Сары Огуз. Автор прекрасно знает обычаи, традиции народа; фольклорная интонация придает ее произведениям необычайное настроение. Ее персонажи – люди, протестующие против существующей реальности, они терпеливы и настойчивы в своей борьбе. Героини повести «Жизнь бабочки» интеллигентные женщины, вынужденные торговать на «толкучке», в переходах метро, чтобы прокормить своих детей. Большинство этих женщин заработала деньги от такой «работы» в непроветриваемых помещениях, жары, холода, но, тем не менее, они не отказываются от такого заработка, потому что это их единственный способ выжить. Зарплату, которую они получают в институтах, на предприятиях, в школах, не хватает даже на самый скромный уровень жизни. В повести представлены три подруги. Нужда приводит их в один из дачных поселков на Абшероне, где они собирают травы для довги. Однако теперь вся территория захвачена незаконными собственниками, которые не позволяют и шагу ступить за огороженные ими участки. Эти три женщины – научный работник, бухгалтер и заведующий лабораторией – все еще не могут привыкнуть к новым жестким законам рыночной экономики и приватизации. Им, не умеющим находить иных способов заработка, кроме честного, было предложено работать поденщиками – каждые два дня пропалывать посаженные на этом участке помидоры. Они сначала радуются этому предложению. В их душах пробуждаются мечты: бухгалтер хочет потратить эти деньги на покупку лекарств для больного мужа, заведующая лаборатории мечтает собрать денег и навсегда уехать из страны, третья думает о том, чтобы потратить эти деньги на свою научную работу. Они соглашаются на предложенную работу, но проработав два дня на солнцепёке, понимают, что радовались напрасно. Появившийся

в конце второго дня хозяин заплатил им стоимость одной буханки хлеба и оскорбительным тоном заявил, что, если они недовольны оплатой, то могут уходить, он всегда найдет других работников. Ведь вокруг полно молодых и здоровых парней, которые будут рады найти такую работу. «На рынке рабов они стоят рядами. А вам красная цена пятьсот манатов (то есть, нынешними деньгами сорок копеек). С этими словами он прогоняет их.

Грубость неграмотного человека, который и имени своего написать не может, оскорбляет потрясенных женщин, которые на своей работе пользовались уважением. И душевное потрясение от такого отношения неизмеримо больше чувства униженности от переживаемых ими финансовых трудностей.

Желавшая уехать за границу женщина говорит подругам: «У меня, кроме работы, ничего больше не было. И дело даже не в том, что жить трудно. Голодный или сытый – не имеет значения. В крайнем случае, можно и таким способом зарабатывать на хлеб. Но я теряю свою квалификацию. Все, чему я посвятила свою жизнь, исчезает на глазах. Лаборатории больше нет. Мы просто так ходим на работу, это все равно что пытаться продлить покойнику жизнь».

И кажется, что героини повести «Жизнь бабочки», не выдержав негативных явлений, невыносимого поведения людей, противоречий, охвативших все области жизни, проживут короткий, как у бабочки век. Ведь бабочки живут всего один день. Но в том-то и состоит мастерство Сары Огуз, в последней фразе она разрывает этот замкнутый черный круг, давая луч надежды в этой безвыходной ситуации. «Я с трудом заставила себя встать, пусть жизнь не заканчивается здесь», – в этой короткой фразе заключена большая внутренняя энергия. Автор принимает решение выпустить на волю руками своей героини бабочку – символ свободы и всей существующей в мире красоты. Писательница словно зарядившись силой дэвов, упершись в землю ногами, поднимает своих героинь и читателей на новый просторный уровень.

Анализируя творчество Сары Огуз, доктор филологических наук, критик Вагиф Юсифли пишет: «Ее героини не принимают удушающей атмосферы, не вмещаются в предлагаемые рамки. Дух противоречия, стремление к личной свободе и в то же время преклонение перед красотой, стремление и призыв к самопостижению определяют жизненный идеал этих героинь».

Героиня повести «Колесо фортуны» Хадидже ищет в жизни красоту, чистую, беззаветную любовь. Но эти желания сталкиваются с препятствиями. Мать ее избранника Алекпера заявляет, что рядом с ними нет места девушке без рода и племени. «Я знаю этих районских. Они живут целым табором. К тому же эти районские девушки как телки Моллы Насреддина. Только дай им волю, они на все горазды. И никакие запреты их не остановят». Молодые люди расходятся, но ни один из них счастья не находит. Прожившая жизнь в одиночестве Хадидже тонет в море, и Алекпер, тоже оказавшийся на пляже, соглашается до утра посторожить ее тело. Когда он узнает в покойнице Хадидже, он словно сходит с ума, и чтобы смыть свой грех, наказывает себя. «Я убил Хадидже», – говорит он, сдаваясь полиции. Критик Басти Алибейли, анализируя повесть, пишет, что Алекпера постигла кара Господня: «Это означает, что не все вопросы решаются на месте. Если совершенно преступление, то преступник не сможет избежать наказания на небесах, и за тяжкое преступление, совершенное тридцать лет назад, Алекпер вынужден летней ночью до самого утра караулить труп погибшей Хадидже».

Сарой Огуз издала всего восемь книг. Произведения ее публиковались на русском, украинском, английском, испанском, китайском языках. Повесть «Знак судьбы» без ведома автора была напечатана в журнале «Ikarus». Редактор журнала С.Шерри Севистиades был потрясен творческим уровнем и назвал ее писательницей экстремального уровня. Особое место в творчестве Сары Огуз занимала публицистика. Ее перу принадлежат произведения «Ода красоте», «Ценность наших очагов», «Китайские украшения», «Наше прошлое и культура», «Древний Нахчыван», «Искусство, зародившееся в Гобустане», «У колыбели», «Тоска по Родине», «Туркменская сторона» и пр. И каждое из них свидетельствует о глубоком знании материала, является цельным, поэтическим произведением.

В публицистическом очерке «Ода красоте» автор рассказывает о платьях из парчи, об одежде из генуэзского атласа, об ожерельях, об украшениях, надеваемых на шею, о коробочках для Корана, о бутагарма – мелком узоре на платьях, о платьях с сорока пуговицами, о се-

режках в форме корзиночек. Она с любовью рассказывала об украшениях наших бабушек, молодых девушек. Очерк «Туркменская сторона» посвящен этнографии, традициям и обычаям туркменского народа, и через эту призму автор раскрывает все тонкости национального менталитета и психологии. Это прекрасное произведение, написанное в жанре эссе, вобрало в себя всю полноту авторских эмоций. Драматург и писатель Али Амирли, давая высокую оценку творчеству С.Огуз, писал: «Любая тема, за которую бралась Сара-ханым, была наполнена красотой, добротой и уважением. Так что она, не создавая картины, все же была художником. Она обладает даром передавать все увиденное, услышанное, прочувствованное с большим художественным вкусом, она получает наслаждение от слова и умеет это наслаждение передать своим читателям; она с таким искусством описывает конкретную историю или художественное полотно, что зачастую сам объект рассказа остается в тени».

В творчестве Сары Огуз можно ощутить эпическую законченность дастана, ведь всё эпическое таит в себе целый океан мощи и силы, уходящих корнями в мифы. Обратите внимание на интонацию повествования в очерке «Ода красоте». «А вершиной подарков является головной платок. Молодой невестке, девушке посылали шелковые, жене брата мужа – белый келагаи, крепдешинный платок, женщинам среднего возраста – шекинские келагаи лукового цвета или баскальские. А баскальские келагаи – это нечто особенное!.. Они украшены узором бута. Бута, располагаемые «спина к спине», назывались «обиженные» бута, а лицом друг к другу – «целующиеся бута» – символ любви. Если между ними выглядывали мелкие бута, получались бута с детьми. Это намекало на семью, детей... Если парень находил себе невесту, говорили, что он дал ей бута».

Профессор и критик Техран Алишаноглу так писал об очередной книге Сары Огуз: «...Я еще не говорю о повестях, вошедших в эту книгу. Хочу сказать об очерках, посвященных вопросам искусства, вошедших в ее вторую часть. Не то чтобы они просветили меня, хорошо известно, насколько богато азербайджанское искусство! И не удивили, но я застыл перед нашим изобразительным искусством, отслеженным на протяжении последних семидесяти лет на примерах картин некоторых художников. Краски, изображения, даже музыка, трепещущая в красках, вылилась в слова, они, оживая перед моими глазами, в полном смысле слова поразили и потрясли меня».

Сара Огуз повсюду, и в Азербайджане, и за его пределами, старалась пропагандировать азербайджанское искусство. Ее пьесы «Создай свою сказку», «Вернись», «Пост храбрцов» были поставлены в азербайджанских театрах; киностудией «Азербайджанфильм» по ее сценариям сняты фильмы «Искусство утонувшего города», «Сказка граната», «Покушение», «Бани Ичеришехер», «Друг всегда поделится с другом», «Опережающие зарю», «Таинственная фиалка», «Дети войны». В 2012 году фильм «Опережающие зарю» был удостоен медали ЮНЕСКО за вклад в искусство.

Все произведения, вышедшие из-под ее пера, напоминают ласковый шелест бегущей воды. В нашей литературе нет другого писателя, который разговаривал бы с читателем таким нежным шепотом. И не было в этом шепоте ни наставлений, ни политических лозунгов, ни гнева. В этом шепоте было только почтение ко всему, что создано народом и безоговорочная любовь.

И сама эта тонкая писательница, по словам Солмаз Амирли, была национальным достоянием.

Эта талантливая женщина предпочла красоту счастью. Она говорила: «Я выбираю не счастье, а красоту. Народ являет свой лик в красоте».

Покинувшая этот мир в 2014 году Сара Огуз, хоть и не выбрала в жизни счастье, была счастливой писательницей. Потому что произведения, оставленные ею, навсегда останутся любимы читателями.

Перевод Мирза Ага МАМЕД МЕХТИ ОГЛУ

ПРОБА КРЫЛА

НИГЯР МИРАЛАЙ

Первая публикация

Подборка стихов Нигяр Миралай продолжает рубрику «Проба крыла». (Напомним, что в предыдущем номере в рамках этой рубрики читателю были представлены сразу два молодых автора – Сабина Велибекова и Тимур Алибалаев.)

Первое свое стихотворение Нигяр написала в 6 лет, обравив его затейливой художественной вязью... Любовь к рисунку и слову она унаследовала, возможно, на генетическом уровне – в семье были художники, архитекторы, литераторы, педагоги-словесники...

Сегодня, в преддверии своего 30-летия, у нее за плечами – учеба на режиссерском факультете Института искусств, опыт работы на ТВ, поиск себя в таких далеких от искусства сферах, как менеджмент и страховое дело. Но та, уходящая корнями в раннее детство, любовь к творчеству, в том числе и поэтическому, продолжает идти с ней по жизни рука об руку.

В 2015 году вышла в свет первая небольшая книжка Нигяр под «математическим» названием «21», где собраны избранные стихотворения с авторскими иллюстрациями. Вряд ли возможно полностью оценить профессиональные перспективы молодого автора по одному, тем более, «тематическому» сборнику (в нем собраны стихи на все ту же древнюю и вечно новую тему любви), но ее безусловные достоинства – искренность и открытость интонации, неожиданные, но оправданные образы, умение живописать страсть без надрыва и быть лиричной, не впадая в сентиментальность. Представляется, что все эти «бонусы» стоят того, чтобы развивать их и дальше...

По ее словам, Нигяр не планирует заниматься творчеством профессионально, но и не мыслит своей жизни без стихов и красок – это важная часть ее внутреннего мира. Сегодня у нас с вами есть шанс посетить эту наполненную личностную вселенную, чтобы, возможно, открыть для себя нечто новое – ведь, как правильно заметил когда-то поэт,

*«Людей неинтересных в мире нет,
Их судьбы, как истории планет –
У каждой лишь особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...» (Е.Евтушенко)*

* * *

**Счастье – когда тебе не нужно одежды –
Всю жизнь бы ходить в его рубашке...
Рано вставать на работу, как прежде,
Но заваривать чая не одну, а две чашки.**

**Счастье – когда после Самой Лучшей работы
Спешешь домой, чтобы залезть в его тапочки.
Когда ваши совершенно разные зубные щетки,
Стоят в ванной рядом в одном стаканчике...**

* * *

О тебе мне очень много пишется,
О тебе не думать не дается,
Без тебя почти уже не дышится,
Без тебя – прости – мне не живется...

За тобой последую по картам,
Глобусам, обваленным дорогам,
Снежным январям, дождливым мартам.
По твоим желаньям и тревогам.

О тебе лишь мне ночами снится,
О тебе лишь нам с душой поется,
По твоим глазам и по ресницам
Мне теперь и спится, и встается...

* * *

Я сказать никогда не сумею
Тебе то, что приходит во снах,
Все, что в мыслях отчаянно тлеет...
И огонь тот, что душу не греет,
Не смогу передать на устах.

А ночами пытаться стихами,
Рассказать, что же ноет в груди –
Бестолковыми, может, словами
Попытаться унять это пламя,
Чтоб оставить золу позади...

Я хочу, чтоб ты знал и запомнил:
Я тебя не забуду вовек –
Самый-самый бесценный подарок,
Самый-самый родной человек.

* * *

Что означает «созданы друг для друга»?..
Что может значить – «мы вместе и на века»?..
Я с ходом лет соображать начинаю туго,
Зачем в ладонь твою просится моя рука,
Зачем так странно нас сводили боги,
Затем покинули нас на полпути –
У нас теперь разные (совершенно) дороги,
На которых друг друга уже не найти.

...Я sny люблю с тобою в главной роли,
Лишь в этих снах свободно я дышу,
И наши неизменные пароли
Тихонько не забыть тебя прошу...

* * *

Он глядел не в глаза, а в душу.
(Нет, не знал, но – предвидел боль.)
Ее прочную жизнь руша,
Он смеялся: «Один – ноль!..»

Она стала для него раем,
И тот рай стал – необходим.
Его осень сменяя маем,
Улыбалась: «Один – один...»

Не заметили, заигрались,
Не почували, что беда,
В диалогах тех отражаясь,
Разлучила их навсегда.

* * *

Осень крадется за мной по этим серым улицам,
То промежуточное чувство мной никогда не забудется..
Я знаю, все мысли и планы, связанные с тобой – не сбудутся,
НЕ ТЫ будешь рядом... ничего... стерпится, слюбится...

Отбросив все тени сомнений, начну с нуля,
Жизнь по кривой выпрямится, в конце концов, бла-бла-бла...
Ожидания несбыточных мечт обретут очертанья,
На правильный образ жизни направлю свое внимание...

Кем ты мне был, кем станешь и кем являешься?..
ТОТ, сверху, все видит – я покаюсь, и ты покаешься.
Это, в принципе, неважно в данных обстоятельствах,
Но ОН, по-любому, простит нас за все предательства.

Я этот финал давно себе предсказала,
Прощанье наше из глины лепила, на холстах рисовала.
Вот он – момент давно загаданного отчаяния...
Как на перемотке жизнь – от сегодня до первого свидания.

Мысли уводят далеко за Каспийское,
Состояние к удовлетворительному близкое,
Естественно, справлюсь: рисовать буду, писать стихи,
Облекая в строки наши непорочные грехи.

Ты ли уйдешь, мне ли надоест этот бред...
Но на всем этом определенно поставлен запрет.
Не поминай лихом, то, что было – неповторимо.
Жаль – не тобой, но буду снова любима...

* * *

Союз наш был хрупок и недолговечен,
И ревность цеплялась за нервные клетки.
Фрагментами ты был со мной бессердечен,
Ломая к весне только взрослые ветки.

У тебя что ни день – то новая ссора,
У меня что ни ночь – то слезы-паскуды...
Схватить не успевши сердечного вора,
Я молча на кухне ломала посуду.

Все было некстати, все было не к месту,
Не вовремя, плохо, совсем невпопад.
Но я ни мгновения не променяю
На без тебя сотню жизней подряд.

* * *

На пламя твое летела,
Безвольно тебе хотела
Отдаться душой и телом,
На ощупь и невпопад.

Забыв о себе всецело,
Я, видимо, не успела,
Вернее, я не хотела
Понять, что пора – назад.

Но если бы все пророки
И всевозможные боги
Сказали, что: «Нет дороги,
Там плохо и душно – ад.

С тебя этих чувств довольно,
Тебе же самой будет больно...»
Я б в сотый раз поневоле
Взлетела к тебе наугад.

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

РАССКАЗЫ

Игра без правил

Новенький белый «Джип-Крайслер», плавно покачиваясь изящным корпусом, резко тормознул у светофора. Двое худеньких черноглазых мальчуганов с тряпками в руках стремглав бросились к нему и как по команде начали энергично и сноровисто драить лобовое стекло. Они, безусловно, рассчитывали на щедрость важно восседавшего за рулём хозяина шикарной иномарки, но жестоко обманулись. Вместо благодарности тот, грубо обругав их, неожиданно нажал на газ, да так, что уличные чистильщики автомобильных стекол чуть не оказались под колесами. Тот, который был пониже ростом, расплакался от обиды и испуга, а его дружок, вытянув длинную худую шею, молча провожал машину обидчика глазами, полными слез.

Хозяин «Джипа» – Ровшан Керимов, узкоплечий, плешивый мужчина лет сорока с правильными, но несколько мелкими и оплывшими чертами лица удовлетворенно хмыкнул, насладившись неподдельным испугом на лицах мальчишек.

– Голодрань, – презрительно процедил он, сплюнув в окно. «Растут без призора, ходят полуголодные, явно будущие преступники. Работаешь, работаешь, себя не жалея, правдами и неправдами составляешь капитал, а вот такие крутятся вокруг, готовые ринуться на тебя и твоих близких, норовят всё забрать. Куда ни помотришь, везде завистливые глаза», – раздражённо думал он, состроив недовольную гримасу. – Голодрань, – злобно произнес Ровшан немного погодя еще раз. Но теперь это уже относилось не к мальчишкам, оставшимся далеко позади у светофора, а к его однокашнику Ильгару, нежданно-негаданно появившемуся сегодня в офисе. Вид у него был довольно жалкий, как, впрочем, у любого просителя. Бывший отличник и, как говорили, способный инженер после пятнадцати лет вкальвания на машиностроительном заводе остался без работы. Попал под сокращение. И вот, поди ж ты, заявился с просьбой дать хоть какое-то место. Да, видимо сильно припекло, раз пришел на поклон! Раньше меня в упор не замечал, считая тапшеванным и недоучкой. Ну, что ж, теперь мы квиты, посчитались.

Ровшан с удовольствием смаковал момент, когда, неторопливо усаживаясь в машину, он снисходительно бросил через плечо:

– Какое-нибудь место я тебе так сразу дать не могу. У меня не госучреждение, а собственная торгово-посредническая фирма. Здесь недостаточно быть примером для подражания для сослуживцев, как любили раньше писать в производственных характеристиках, – язвительно сострил он и, довольно хихикнув, покачал головой. Затем, видимо, вдоволь насладившись моментом, многозначительно поморщился: – Подумаю, как тебе помочь, хотя уверен, предпринимательским талантом ты вряд ли наделен, иначе не остался бы с пустыми руками на обочине.

Отъезжая, он доставил себе удовольствие посмотреть в зеркальце заднего об-

зора на расстроенное лицо Ильгара. Оставшись довольным увиденным, удовлетворенно хмыкнул, пусть наведается еще, если до него не дошло, как я его отхлестал.

Плавный, бесшумный ход новой машины успокаивал. Восхищенные взгляды прохожих и водителей тешили самолюбие, и к дому Фидан он подъехал уже порядком остыв. Их связь длилась с полгода. Обоих устраивали сложившиеся отношения. Он даже снял для нее квартиру неподалеку от комиссионного магазина приятеля, где она работала продавцом. Фидан была вдвое моложе его, но смотрела на жизнь не по летам практично. Охотно давая ему то, что он хотел, подруга без сантиментов, по деловому требовала свое и регулярно наносила ощутимые удары по бюджету любовника. Неизменно встречая его в прекрасном настроении, она откровенно радовалась подаркам и деньгам, не лезла с вопросами. Словом, не выходила за отведенные ей рамки. Вот и сейчас они весело провели время, отужинали за бутылкой «Наполеона», и спустя три с небольшим часа Ровшан в отличном расположении духа усаживался в свою машину, собираясь ехать домой. Фидан умела снимать напряжение, и он ею очень дорожил. Включив магнитофон, Ровшан пощелкал пальцами в такт музыки и, вырулив на дорогу, помчался в сторону дома.

Быструю езду он любил, но водил автомобиль из рук вон плохо. Вырвавшись из узеньких улочек на широкий проспект, не задумываясь, пошел на обгон длинного «Икаруса» и, не рассчитав расстояние, едва не врезался во встречный грузовик. Резко нажав на тормоза, вывернул руль вправо и, чудом избежав, казалось, неминуемого столкновения, вернул машину в свой ряд, игнорируя яростную жестикуляцию и сигналы возмущенных его лихачеством водителей. Он презрительно сплюнул в окно, готовясь повторить попытку, но в этот момент буквально в сантиметрах от него мимо пронеслась красная «девятка» с люком на крыше.

– Черт возьми, это опять она, – досадливо поморщился Ровшан, сбавив ход. Настроение сразу испортилось, дальше он ехал не торопясь, внимательно оглядываясь по сторонам, искал красные «Жигули», но они, показавшись, исчезли, в который уже за эти дни раз.

Жена встретила его по своему обыкновению саркастической усмешкой. Уловив исходивший от него легкий запах спиртного, недовольно сморщилась и молча удалилась в спальню. С нескрываемой неприязнью посмотрев вслед ее приземистой, без талии и шеи фигуре в ярком китайском халате, он пошел в гостиную. После очередного скандала и устроенной ему сцены ревности жена не разговаривала с ним около месяца, впрочем, его это мало заботило.

Он не уходил от нее, понимая, что развод, сопряженный с разделом квартиры, дачи, машины, всего нажитого имущества будет разорительным и предпочитал худой мир доброй ссоре. Он женился на ней, своей дальней родственнице, по расчету и, в общем, не прогадал. Капитал тестя, известного в семидесятые годы в Баку цеховика, как тогда называли деловых людей, дал ему возможность безбедно жить, менять машины, любовниц, месяцами отдыхать на курортах и в конце концов, при подвернувшемся случае, начать свое дело.

Огорчало, что в последнее время его недалекая и чванливая супруга, мнившая себя красавицей и бесконечно эрудированной женщиной, вдруг стала проявлять не присущую ей ранее прыть, выясняя отношения, что не могло не раздражать. Но он сдерживался, давая ей возможность, что называется, выпустить пар и угомониться. За этими обычными размышлениями о превратностях судьбы Ровшан так и заснул прямо в кресле.

Утром красная «девятка», как неприятный сюрприз, пристроилась за ним у самого дома. Нет, случайности быть не могло. Это очевидная слежка, продолжавшаяся уже пятый день. Красные «Жигули» с завидным постоянством снуют где-то рядом. Хотя, почему пятый? Просто, возможно, раньше он не обращал внимания, не замечал их. Хотелось бы, конечно, думать, что это молодой бездельник, гоняющий на папиной машине по городу. В принципе, центр не так уж и велик... Но нет, не стоит себя обманывать, его явно пасут.

Мысль о том, что за тобой следят, вряд ли кому-то покажется приятной. Ну, а если ты предприниматель и твоя деятельность нередко, мягко говоря, идет вразрез с законом или интересами других, подобных тебе, то такая мысль вообще убийственна.

По дороге в офис, чтобы проверить свои невеселые предположения и получить дополнительную пищу для размышлений, Ровшан сделал порядочный крюк. Преследователь словно испарился, его нигде не было видно. Неужели это все-таки нервы и плод моего воображения, засомневался он, запирая машину, но, подняв глаза, вздрогнул, увидев на противоположной стороне улицы знакомую «девятку».

Ровшан выпрямился, с откровенным вызовом посмотрел на водителя. Тот спокойно выдержал его взгляд, достал сигарету, закурил и медленно тронул машину с места. В его подчеркнутой невозмутимости и медлительности сквозило неприкрытое пренебрежение к Ровшану, лишившемуся с этой минуты покоя. Кто это? Полиция, конкуренты, рэкетеры или раздосадованные, обманувшиеся в надеждах клиенты? – терялся он в догадках. Некоторые последние сделки он действительно провел некорректно и сделал кое-кому «больно», но, в свою очередь, и он от проколов не застрахован. В их деле правила игры каждый трактует по-своему, если они вообще есть... Сейчас вообще нет никаких правил, кто сильнее, тот и прав.

Его охватила непреодолимая нервная дрожь, нахлынули тягостные предположения. А вдруг это полиция? Мог кто-то из своих работников настучать. Кругом завистники, конкуренты. Что делать? Прежде всего нужно дать команду привести в идеальный порядок документацию и пока воздержаться от рискованных операций, пытался успокоить себя Ровшан.

Эти невеселые мысли не оставляли его весь день. Вечером, уходя с работы, он с опаской огляделся, поискал глазами красные «Жигули», но не нашел. Они объявились позже, когда он подъезжал к дому Фидан.

– Ну, сволочь, привязался, – разъярился не на шутку Ровшан и, не сбавляя скорости, пронесся мимо. «Девятка», пропустив вперед три автомобиля, пристроилась рядом. Вечер был окончательно испорчен. Он не стал испытывать судьбу, а отправился домой и, изрядно «нагрузившись» виски, улёгся спать.

На другой день красная «девятка» опять сопровождала его на работу. Терпение Ровшана лопнуло бесповоротно. Зайдя в свой кабинет, он первым делом схватился за телефон. Прежде всего через знакомого в дорожной полиции навел справки о красной «девятке». Ответ не внес ясности. Автомобиль с таким номером числился за какой-то пенсионеркой. Затем Ровшан позвонил своему приятелю, владельцу целой сети коммерческих магазинов и, не вдаваясь особенно в детали, попросил прислать к концу дня пару крепких парней.

– Нет проблем, – уверенно прозвучало на другом конце провода. – Если понадобится, направлю человек двадцать. Главное, не паникуй, братишка. Скорее всего, это мелюзга.

Приятель не подвел. Парни появились к назначенному времени. Чувствовалось, что они знали свое дело, слушали, не перебивая, не задавая лишних вопросов. Старший – угрюмый верзила, молча, как должное, взял со стола пять сто долларовых купюр и небрежно сунул в задний карман брюк.

– Парня мы пуганем, это просто, как орех расколоть. Но я обязан предупредить, если на тебя за дело серьезные люди наезжают, за нашими спинами не спрячешься, только хуже будет, – невыразительно пробормотал он, глядя поверх головы Ровшана.

– Если ты нас «подставил», с нас спроса не будет, – растянул губы в улыбке его напарник, – мы доверяем нашим клиентам, верим в их добросовестность. – Он хотел что-то добавить, но вовремя, перехватив недовольный взгляд старшего, осекся, а тот продолжил:

– Ты оставайся в кабинете, когда он подъедет, мы его возьмем за рога и приведем сюда. Пощупаем, на кого работает. Если от себя, из шавок, сразу будет видно. Тогда он тебе унитаза языком отполирует, поверь мне. – Бесцеремонно взяв со стола пачку «Мальборо», он достал две сигареты, протянул одну товарищу и, щелкнув зажигалкой, закурил, невозмутимо положив пачку в карман куртки. Глубоко затянувшись и выпустив густой дым почти в лицо Ровшану, снисходительно усмехнулся. – Мы послушаем его, кто за ним стоит, какие к тебе претензии. Мы крутых по городу, в основном, знаем. Окажешься неправ, лучше с разборщиками не обострять, а встретиться, потолковать по понятиям, вернуть должок. Порядки надо уважать, деньги счет любят.

Докурив, они ушли, посеяв еще большую сумятицу в его душе. Подождав некоторое время, Ровшан осторожно приоткрыл штору, посмотрел на улицу. Красная «девятка» еще не появилась или, возможно, затаилась где-то. Минуты потянулись мучительно долго, неужели, почувяв опасность, его преследователь не приедет. Чтобы отвлечься, Ровшан полистал газеты и потом набрал номер телефона Фидан.

– Привет! – обрадовалась она, услышав его голос, – хотя я на тебя обижена за вчерашнее. Не позвонил и не заехал, а я ждала!

Он шуточно извинился и, пообещав вечером непременно быть у нее, загладить вину, положил трубку. Его съедало дикое нетерпение, мучали мрачные предположения. Продолжать сидеть в неведении оказалось выше сил, от волнения задергался левый глаз. Нервно покружив от стола к окну, он вышел из кабинета и, осторожными, медленными, короткими шажками преодолев длинный, отделанный мрамором коридор, оказался в подъезде. Крадучись, добрался до выхода и высунулся на улицу, где не сразу увидел припаркованную на полквартила ниже красную «девятку» и своих парней, стоявших рядом. «Ну, наконец-то!» – вырвался облегченный вздох. Можно было не бояться быть замеченным. Парни и водитель, судя по позам, оживленно беседовали и он, осмелев, вышел из подъезда, продвинулся чуть вперед, к газетному киоску и, спрятавшись за него, получил возможность удобно наблюдать за происходившей разборкой. Пока ему оставалось лицезреть массивные спины его парней, державшихся, как ему показалось, очень уверенно. Он многое бы отдал, чтобы услышать, как они «полоскают» водителя «девятки» и увидеть его напуганную физиономию.

Ровшан осмотрелся, прикидывая, как лучше подобраться поближе к ним незамеченным, и уже собрался прошмыгнуть к стоявшему напротив хлебному фургону, когда улица огласилась встревоженными криками прохожих. Он всего лишь на мгновение отвел взгляд от беседовавших парней и то, что увидел, обернувшись туда,

ввергло его в неопишное изумление. Старший из двоих лежал неподвижно на середине дороги, а его напарник согнулся под ударами, каждый из которых буквально сотрясал его громадное, но беспомощное тело. Все это длилось не более десяти секунд. Легко завалив второго громилу, водитель, не обращая внимания на собравшихся зевак, неспешно отошел к своей машине. Он не торопился уезжать, спокойно стоял, как бы ожидая дальнейшего развития событий.

Ровшан смотрел на него с ужасом, обратив внимание, что, расправляясь с этими двумя монстрами, тот даже не счел нужным снять солнцезащитные очки. Жаром обдала мысль: человек с такой подготовкой не может быть шавкой или работать на мелюзгу, и я крупно влип. Наверняка еще достанется и за этих двоих. Тем временем парни с трудом поднялись и, не делая попытки приблизиться к своему обидчику, с покорным видом скользнули в сторону.

Бегом вернувшись к себе в кабинет, Ровшан, не помня себя от страха, запер дверь на оба замка, не зная что предпринять. Охваченный паникой, он угрюмо сидел в кресле и лихорадочно соображал, к кому обратиться за помощью, как откупиться от людей, на которых работает водитель красной «девятки». Теперь он уже не склонен был думать, что его преследователь из полиции, с которой ему, наверное, было бы легче договориться. Телефонный звонок заставил вздрогнуть. Он торопливо схватил трубку. Звонил его приятель.

– Имей совесть, Ровшан, из-за тебя я влип в дерьмо, – с возмущением кричал он. – Моих ребят отделали, как цыплят табака, и каких ребят? Этот парень ни черта не боится. Он прикинулся дурачком, специально разозлил их, а потом ткнул в рожи пистолет, да так, что у одного четыре передних зуба вышиб, а потом пинал обоих чуть не до смерти. Поверь, ребята кое-что видели в своей жизни, но этот – зверь.

– Им удалось узнать от кого он и какие у него условия? – едва вставил Ровшан.

– Что ты несёшь, какие условия? – взвился на том конце провода приятель. – Он их без разговоров «на мосты поставил». Такие кому попало не служат, он круче любого крутого. Вспоминай быстрее, брат, кому из серьезных деловых на ногу наступил. И меня, пожалуйста, не втягивай, моё дело – сторона. Если что, объясни, мои ребята здесь ни при чём. Мы думали, тебя самопальные рэкетеры донимают, поэтому вмешались. И не затягивай время, оно работает против тебя... Пока.

Ровшан шел к машине на несгибающихся ногах. Приятель прав, над ним нависла серьезная опасность, но с чьей стороны? Он привык играть по своим собственным правилам и ничем не брезговал в погоне за деньгами. Поди теперь, высчитай, кто за него взялся, если почти в любой сделке каждый старается «скрысятничать», обойти другого. Он был бы рад откупиться даже в двойном размере, если бы знал, догадывался, кто объявил ему войну.

Красная «девятка» подъехала почти вплотную, едва он вырулил на середину улицы. Водитель, повернув к нему лицо, ехал рядом, уверенно сохраняя дистанцию.

«Ну, все, он пошел в открытую, перестал прятаться. Стычка у моего офиса подтолкнула его на решительные действия, – окончательно запаниковал Ровшан. – Что стоит этому головорезу выстрелить в меня прямо на улице или в подъезде дома. А еще проще устроить аварию. Он водит машину, как факир».

Почувствовав, что от волнения не в силах больше держать руль, Ровшан осмыслительно принял вправо к тротуару и заглушил двигатель. Чутко среагировавшая на его маневр «девятка» остановилась чуть впереди. Водитель, высокий атлет в джинсах и светлом свитере, небрежной походкой уверенного в своей силе человека на-

правился в его сторону. По его неподвижному, волевому лицу нельзя было предугадать, что он предпримет, но у Ровшана от нехорошего предчувствия все внутри сжалось, тут же началась непреодолимая дрожь, перешедшая в озноб. Он сидел, не шевелясь, втянув голову в плечи.

Подойдя, парень наклонился над ним, снял очки.

– Ты меня знаешь, мразь?

– Нет, – робко пролепетал Ровшан, ожидая удара.

– А зачем на меня «бакланов» натравил? Может, я тебе что-то должен?

– Нет, нет, произошла ошибка, – скривил лицо в виноватой улыбке Ровшан, униженно опустив голову.

Парень железными пальцами сдавил его ухо и притянул в свою сторону.

– Умоляю, не надо, – дрогнувшим голосом взмолился Ровшан. – Я готов извиниться в любой удобной для вас форме. Клянусь, это ошибка, я очень сожалею.

Отпустив ухо, парень сжал перед его носом кулак и занёс руку для удара.

– Я умоляю. Я готов возместить вам все неприятности. Только назовите условия, – быстро выпалил Ровшан, чтобы опередить удар, и закрыл лицо руками.

– Возместить? – заинтересовался парень. – Как ты себе это представляешь? Кстати, недавно ты обидел хороших людей, чем очень мне не понравился.

– Вот оно, – замер Ровшан. «Ох, если бы он хоть словом обмолвился о своих хозьявах! Тогда все прояснится...»

– Ты их обидел, не заплатил положенное, – ровным голосом продолжал водитель «девятки». – Конечно, по твоим меркам мелочь, но для меня не в сумме дело, а в принципе. Рассчитываться надо честно, труд должен оплачиваться.

Ровшан с облегчением перевел дух. С ним готовы вести переговоры, это уже что-то. Он возвращался в свою стихию. Жизнь продолжается, пока есть возможность торговаться...

– Какая сумма их устроит, и мы сочтем конфликт исчерпанным? – уже значительно увереннее спросил он.

От парня не ускользнула эта нотка, он вновь надел очки и с нескрываемой иронией рассмеялся.

– Я сначала послушаю тебя. Но советую учесть, я не лавочник и не собираюсь торговаться с дерьмом, подобным тебе...

Считать Ровшан умел. Он с детства расправлялся с цифрами, как арифмометр. Названная сумма должна была убить сразу двух зайцев. Во-первых, отвести от него беду, а во-вторых, не оказаться выше минимально необходимой. Страх за себя, свою жизнь боролся в нём с другим, не менее сильным чувством – патологической алчностью, боязнь прогадать, переплатить.

Все-таки лучше не рисковать, не скупиться, подсказывал внутренний голос, иначе залетишь в два счета. Такой убьет одним ударом прямо сейчас и спокойно уедет... Один, два, три? Нет, не буду рисковать. С последней операции с коньяком я получил наличными двадцать тысяч баксов, – напряженно соображал он, – плюс около сорока за лес. Лес... Уж не с Васифом ли все связано? Он тогда сильно пролетел и никак не мог сообразить, в ком причина, кто его так безжалостно «кинул»? С ним в самом деле не стоило связываться, тем более, что я его и раньше несколько раз оставлял с носом. Ничего, если это окажется он, потом сочтемся, мстительно подумал Ровшан. Сейчас главное – разрядить ситуацию, успокоить этого наймита и его хозьяв, кто бы они ни были.

– Семь тысяч зеленых, – нарушив, наконец, затянувшееся молчание, решительно произнес он.

– Семь тысяч? – отчетливо переспросил парень. По лицу пробежала тень сомнения, он задумчиво запустил пальцы в свою густую, рано поседевшую шевелюру.

– Да, и тысячу зеленых лично тебе, чтобы забыл об инциденте у моего офиса и не держал на меня зла, – боясь, что парень не согласится, добавил Ровшан, заискивающе улыбнувшись.

Парень молчал, на высоком лбу резче обозначились бороздки морщин.

«Неужели не согласится, гад», – с беспокойством ожидал решения Ровшан, боясь встретиться с ним глазами.

– Ладно, через час жду тебя здесь, – негромко произнёс тот после некоторой паузы и угрожающе добавил: – Но смотри, без шуток, иначе под землей достану, и никто тебе не поможет. Деньги должны быть вон там, на заднем сидении, – он большим пальцем указал на свою машину.

В обговоренное время, как и условились, Ровшан прибыл без опоздания. Он осторожно, крадучись, подошёл к красной «девятке», открыл левую заднюю дверцу и быстро положил на сидение сверток с деньгами. Водителя на месте не было, но Ровшан спиной чувствовал на себе его пристальный взгляд и, сделав дело, не поворачиваясь, направился к своему «Джипу».

Чуть погодя красная «девятка», давая понять, что все в порядке, дважды коротко просигналив, стремительно обошла его и растворилась в потоке автомобилей.

Утром Ровшан с удовлетворением отметил, что едет без надоевшего сопровождения. Конечно, потерянных денег было жаль, но он не сомневался, что, расставшись с ними, поступил благоразумно, теперь все обошлось. Свое потом с лихвой наверстает.

Наверное, Ровшан бы очень удивился, узнав, что красная «девятка» появилась у его дома ровно в одиннадцать и ее уже с нетерпением ждали. Приземистая дама с головой, посаженной прямо на плечи, воровато озираясь, грузно протиснулась на заднее сидение.

– Отъезжай быстрее, пока никто из соседей не заметил, – запыхавшись, командовала она, беспокойно ёрзая и то и дело оглядываясь.

Водитель молча повиновался. Глядя перед собой, он невозмутимо вел машину, словно в салоне никого не было.

– Ну что ты, как в рот воды набрал, я тебя слушаю, рассказывай, – отдышавшись и успокоившись, раздражённо заговорила она приказным тоном.

Водитель ленивым движением поправил зеркальце заднего обзора, посмотрел на нее с легкой неприязнью.

– Нечего глаза пялить, или забыл, почему я здесь? – по-своему истолковала она его взгляд, нетерпеливо взглянув на часы.

Парень беззлобно усмехнулся своим мыслям, согласно кивнул головой.

– Не думай, что оказываешь мне какую-то сверхъестественную услугу, – продолжила она, видимо, в присущем ей хамском тоне, – на Западе это самое обычное явление в среде состоятельных людей. Там так принято. Это своего рода игра и нечего делать многозначительный вид, обычное дело. Не строй из себя Шерлока Холмса! Запомни – это просто игра, со своими специфическими правилами!

– Я все прекрасно понимаю и добросовестно сыграю свою партию по вашим правилам, если угодно, – в тон ей ответил парень. Выдержав довольно продолжи-

тельную паузу и о чём-то поразмышляв, продолжил: – Могу успокоить, целую неделю я не выпускал вашего мужа из поля зрения. Ваши подозрения не подтвердились. После работы он действительно частенько задерживается, пропускает с друзьями рюмочку-другую в разных заведениях. Встречи носят деловой характер, женщин с ними я не видел. По названному вами адресу я провел проверку. В указанной квартире действительно проживает молодая дама. Я установил, она находится в любовной связи с неким предпринимателем и работает у него в магазине продавцом. Ваш муж там ни разу не появлялся и не имеет к ней никакого отношения.

– Это точно? – недоверчиво произнесла жена Ровшана, и ее широкое, потное лицо расплылось в неуверенной улыбке. – Учти, меня не проведёшь, я плачу очень хорошие деньги, и ты обязан их отработать, как следует.

– Абсолютно точно, – бесстрастно ответил парень. – Можете спокойно отстегивать свои очень хорошие деньги. В самом деле, не сомневайтесь, ваш супруг целиком поглощен бизнесом, и для других занятий у него попросту не остается времени. И потом, как умный человек, он понимает, лучшее – враг хорошего, стоит ли ему от добра добро искать? Вы такая представительная женщина...

Дама, не уловив скрытую иронию в последней фразе, снисходительно улыбнулась.

– Ну ладно, впрочем, я и не сомневалась в нем. Я же тебе сказала, считай, это просто игра.

– Угу, – согласно кивнул парень. – Я так к этому и отнесся, игра без правил.

– Вот, возьми, здесь сто пятьдесят долларов, и останови впереди, у той коммиссионки!

– Как сто пятьдесят? Мы условились на триста, – без особого возмущения, скорее для проформы запротестовал он. – Я на бензин больше ухлопал.

– Э, прекрати, – зло оборвала его пассажирка. – Неужели ты всерьез рассчитывал ни за что получить такие деньги? Тебе повезло, что я решила подшутить над своим мужем и заодно дала тебе возможность подзаработать. У меня никогда не было оснований подозревать его в неверности, я наняла тебя из прихоти, это мой каприз, – взмахнула она рукой перед его лицом. – Знакомая порекомендовала тебя, как честного мильтона, оказавшегося без работы. Рассказала, что тебя выперли из уголовного розыска потому, что пришелся не ко двору. Насколько я поняла, ты боролся с непорядочностью в среде своих коллег и на нее же напоролся! Свои и устроили. Сфабриковали дело и едва не посадили. Вот видишь, мне все известно... Знай, с кем имеешь дело, парень, – погрозила она ему указательным пальцем. Смерив его высокомерным взглядом, она наставительно подвела итог их разговору: – Ты начинающий частный детектив. Поэтому не заносись, помни, от положительных отзывов таких, как я, зависит успех твоего дела. Отчитался, получи деньги, скажи спасибо. И не старайся пускать пыль в глаза, клиентов я тебе буду подкидывать, но чтобы всё оставалось между нами. Тормози, наконец!

Водитель слушал ее невнимательно, размышляя о чём-то своем. Высадив пассажирку в указанном месте, он проехал пару кварталов и остановился у ближайшего телефона-автомата. Набрав номер и услышав голос Ровшана, сказал:

– Привет, дружище! Узнал? Да, это я. Но ты не волнуйся. Все нормально! Тебя больше не побеспокоят, но и ты не обижай маленьких... Напоследок хочу оказать тебе небольшую услугу... Подбери Фидан другую квартиру. Будь здоров!

Положив трубку, он улыбнулся своим мыслям и вошел в первый попавшийся

продовольственный магазин.

...Ровшан с настороженной благодарностью воспринял звонок водителя «девятки». Хорошо, что предупредил, значит, оставшийся неизвестный враг держал под прицелом и ее, выискивая, как побольнее ударить, – озабоченно думал он.

Тем временем красная «девятка» с открытым люком на крыше, взвизгнув тормозами, остановилась под самым светофором. Двое мальчуганов резво рванулись к ней и, весело гримасничая, как старому знакомому, принялись старательно тереть лобовое стекло. А водитель неспеша выбрался из машины, достал из салона большую картонную коробку и протянул ее пацанам, которых недавно обидели на его глазах. Юные чистильщики стекол и раньше нередко получали от него в подарок «Марсы» и «Сникерсы», но увидев коробку, они смутились и, возможно, дали бы деру, если бы не его искренняя, во все лицо, добрая белозубая улыбка.

Бережно положив коробку на тротуар, он открыл её. Увидев содержимое, мальчишки обомлели от счастья. Коробка была до краев наполнена плитками шоколада, конфетами, яркими пакетиками с печеньем, жевательными резинками, баночками с «пепси» и «кока-колой». Чистильщики стекол стояли, как замороженные, а водитель красной «девятки», ни слова не говоря, вернулся в машину и, дружески махнув рукой, уехал.

...Он на бешеной скорости гнал автомобиль вперед, слушал музыку и анализировал свои впечатления от игры без правил, в которую его втянули против собственной воли. Можно было бы считать, что он выиграл, но он не чувствовал себя победителем, а просто бесцельно гнал машину по охваченному деловой суетой огромному, шумному городу.

Благодетель

– Думай, но учти, время – деньги, я долго ждать не могу. Желающих хватает.

Расул распечатал пачку «Мальборо», чиркнул зажигалкой и, откинувшись на спинку кресла, с наслаждением затянулся. Немного погодя с многозначительным видом глянув на собеседника, принялся сосредоточенно пускать кольца дыма.

Эмин смотрел, как он раздувает свои толстые щеки, с трудом сдерживая улыбку, хотя сделанное только что деловое предложение меньше всего настраивало на веселый лад. Из темно-коричневых округленных губ Расула один за другим появлялись и медленно поднимались вверх поразительно симметричные круги, рассеивающиеся лишь под самой люстрой. Что-то завораживающее было в их медленных колебаниях, загадочных и одновременно обреченных.

Ему было трудно переварить только что услышанное предложение, и он никак не мог сосредоточиться, настолько всё было для него неожиданным. Пять тысяч долларов за день работы! Это слишком заманчивая сумма. Подумать только, это его зарплата за несколько лет вперед. Расулу не составляет труда найти кого-нибудь другого. Неужели такие деньги платят только за то, чтобы перенести через границу дипломат с деньгами? Если они делают подобное регулярно, то у них есть свои люди, специализирующиеся на этом... А вдруг они попались и сейчас под следствием? Вопросы роились, как пчелы над ульем. Нет, черт возьми, довольно опасно. Там и наркотики могут оказаться.

От напряжения Эмин вспотел, на лбу выступили крупные капли пота. Тем временем Расул потушил сигарету, лениво нажал на пульт и, не меняя позы, упер от-

сутствующий взгляд в телевизор. Шел боевик. Какие-то парни ногами пинали друг друга, издавая то и дело истошные вопли. Потом, будто очнувшись, они схватились за оружие. Выстрелы, кровь, дикие вопли. Словом, муть страшная.

Глядя на экран, Эмин лихорадочно соображал. Неужели все так просто, раз и в дамках. Нет, свято место пусто не бывает, у них, безусловно, что-то произошло, иначе зачем вводить в игру свежего человека. Ну их всех к черту с их деньгами, случись что со мной, семья пойдет по миру. Продать и то нечего. Через месяц пропадут! Нет, нельзя рисковать, подсказывал ему трезвый голос. В наше непростое время средне питаться, держаться на плаву, уже великое дело. Пока это удастся и нечего испытывать судьбу. Дети, слава богу, растут, может, дальше легче будет, получат образование.

Впрочем, зачем я себя обманываю? У меня два высших образования, а сосед по лестничной клетке двух слов связать не может и живет, как Крез. Имеет несколько объектов, скупает квартиры, три гаража во дворе построил, за городом коттедж. Хозяином жизни себя чувствует. В субботу нагло заявился: «Продай квартиру, а себе купи где-нибудь в поселке, на окраине, и еще деньги останутся. На разницу жить будешь». Хотел ему по роже дать, да смысла нет, сам виноват останешься. А если судить по нынешним меркам, сосед ничего предосудительного не совершил, формально он прав, хотел купить квартиру.

Надо было видеть это откормленное животное в шелковом костюме. На лоснящейся физиономии так и читалось: нечего, мол, бедноте в престижном доме делать. Будущее за состоятельной публикой. Кое-кто целые подъезды скупает. Хочешь не хочешь, но реалии таковы. Рано или поздно нужда заставит съехать, как Эмина с семьей, так и других таких же бедолаг, как он. Нужда заставит, на зарплату не прожить. Промучаешься еще пару лет, а все равно придется продавать самое ценное – квартиру, глядишь, несколько годочков выиграешь.

Расул громко зевнул, прервав его невеселые размышления, и встал, потягиваясь.

– Ну, ладно, брат, ты извини, ко мне друзья должны заехать по делу. – Он с деланной озабоченностью развел руками.

А ведь у него такой же шелковый костюм, как у соседа, и тоже зеленый, – отметил про себя Эмин.

...Они учились в одном классе. После восьмого Расул бросил школу, уехал в район. Виделись они тогда редко, но поддерживали связь через общих знакомых. Расул преуспел в торговле, особенно в последние годы. Перебрался в Баку, купил пятикомнатную квартиру в районе Приморского парка, построил в Новыханах дачу. Открыл целую сеть магазинов, назвав их именами родственников.

– Можно, я позвоню вечером? – неуверенно спросил Эмин.

– Не обижайся, родной, – покачал головой Расул. – У нас нет времени, компаньоны ждут результат, затягивать с моей стороны не солидно. Я сам вызвался найти человека, очень хотел тебе помочь. Помнишь нашу последнюю встречу, я тогда долго не мог успокоиться, переживал за тебя, думал, как помочь. – Он наклонился вперед всем своим тучным телом и картинно потряс руками, сокрушенно покачивая головой.

Эмин помнил их последнюю встречу хорошо. Он возвращался с рынка, расстроенный до предела. Ни к чему не подступишься, цены аховые. А тут еще дочка попросила купить фруктов. Картофель и лук он взял, что подешевле, на газету с

телепрограммой и то денег не осталось. Какие там фрукты!

Погруженный в свои безрадостные мысли, он не сразу заметил остановившийся рядом «Форд» Расула. Искренне обрадовавшись приятелю, в сердцах поделился житейскими проблемами. Не удержался, рассказал о том, что с трудом сводит концы с концами. Тот слушал, сочувственно кивая головой, тоже посетовал на трудности. Нелегко, мол, в наше время всем, и тем, у кого есть деньги, и у кого их нет, просто проблемы разные.

Разговор продолжили в ресторане. Эмин много пил и ел, удивляясь самому себе. Он вконец размяк, жаловался на жизнь, на то, что никому не нужны честные, порядочные люди, хорошие специалисты, с негодованием, огорчением и болью спрашивал своего школьного друга, почему так случилось, что законопослушные граждане живут хуже тех, кто попирает законы, нравственные ценности. Он недоумевал, откуда вдруг как по мановению волшебной палочки появились миллионеры, можно ли праведным путем за столь короткий срок сколотить громадные состояния, на что на Западе уходят жизни нескольких поколений предпринимателей.

Расул сдержанно улыбался и вместе с ним возмущался несправедливым устройством бытия.

И вот спустя месяц неожиданный звонок, предложение встретиться. Услышанное ошеломило. Еще бы! Пять тысяч долларов при его нынешних потребностях – это, прежде всего, несколько лет сытой жизни. Вправе ли он наказывать семью? Завтра возьмут, да и сократят на работе, опять начнут задерживать зарплату. Завод, по сути, стоит. Нет, такой шанс упускать глупо. Да, надо надеяться, криминал небольшой, не воровство, не убийство. Вон что вокруг творится. Кто умеет крутиться, тот и живет. Время поганое. Просто не надо забывать: деньги – отличный слуга, но плохой хозяин.

Если бы он сделал это своей работой, согласился во второй раз, втянулся ради обогащения, было бы безнравственно. Алчность губит, но у него другой случай, успокаивал он самого себя. Он согласится, руководствуясь другими побуждениями, не из жадности, а из страха перед жизнью, желая обеспечить достаток семье.

– Я согласен, – решительно произнес Эмин, отбросив все сомнения. Сказал, как в прорубь нырнул, все внутри сразу похолодело, и перехватило дыхание.

– Тогда я тебе позвоню, – спокойно сказал Расул. Уже у самой двери он придержал Эмина за плечо. – Имей в виду, разговор остается между нами, сам понимаешь, какие сейчас люди. Готовы за доллар глотку перегрызть. И запомни раз и навсегда: если что, не вздумай даже говорить обо мне, я тебя не знаю. Дипломат дал незнакомец в аэропорту, попросил передать родственнику, который будет ожидать в зале прилета, и сам к нему подойдет. О содержимом, ты, естественно, ничего не знаешь. Ну, пока, будем считать, что договорились.

Несколько дней Эмин жил в напряженном ожидании звонка. Сомнения не оставляли. Порой казалось, что он не так уж плохо живет. Хотя и стесненно материально. Но его мучила беспомощность, безденежье, чувство вины перед семьей за бесконечные ограничения в самом необходимом, в одежде, и, что особенно неприятно, в еде. То и дело исподволь закрадывалась мысль: кто не рискует, тот не выигрывает. Ему очень нужна первая победа, как самоутверждение. Она позволит снять прессинг безденежья, избавиться от депрессии, несомненно, придаст уверенности.

По истечении времени он все больше укреплялся в мысли о правильности своего поступка и теперь уже побаивался, что от его услуг могут отказаться.

Но опасения оказались напрасными. Расул позвонил и попросил собраться для поездки, при этом уложиться в пятнадцать минут. Спустя четверть часа они встретились. Коротко проинструктировав его, Расул передал увесистый коричневый дипломат. Задача ставилась предельно простая. При прохождении досмотра строго выполнять указания таможенника, который предварительно сам подойдет к нему. В Москве, у трапа, его встретит парень по имени Ренат. Он все организует.

Все последующие события прошли, как во сне. Полный, с широким лицом и круглыми отечными глазами, немногословный таможенник без осложнений привел его в накопитель. Неужели все обошлось, мысленно тысячи раз повторял он, когда сидел в салоне самолета. Дипломат держал на коленях, а спортивная сумка со сменной бельем и бутербродами лежала под ногами. Торопя время, он готов был отдать несколько лет жизни, лишь бы быстрее пролетели три часа полета. Неприятный холодок, охвативший его в машине Расула, периодически перехватывал дыхание, заставляя учащенно биться сердце точно так же, как и воздушные ямы.

Первый этап поручения показался ему настолько напряженным, что он сначала начисто забыл о предстоящем досмотре во Внуково. И словно очнулся, услышав, как сосед по креслу, повернувшись, стал предупреждать сидевшего позади товарища о специфике оформления декларации. Сердце, казалось, выпрыгнет из груди, ноги подкашивались сами собой. Сознание охватили неприятные предчувствия.

Но и тут ему сопутствовала удача. Ренат оказался столь же энергичным, сколь и бакинский таможенник. Они без видимых помех вышли на площадь перед аэровокзалом. Ренат взял дипломат, попросил подождать и исчез.

Вернулся быстро: «Все в порядке! Вот вам билет до Донецка, вылет через четыре часа. Завтра утром будете в Баку».

Прочитав недоумение в глазах бакинца, парень сочувственно улыбнулся и покровительственно похлопал по плечу: «Незачем светиться, заодно погуляешь, расслабишься. Пока».

В Москву Эмин не поехал, не хотелось тратиться, да и вообще не до прогулок. Несмотря на неожиданный оборот, настроение было приподнятым.

Дело выгорело. Мелькнула предательская мысль: крутануться еще пару раз и – все проблемы надолго вперед решены. Погруженный в эти размышления, он прошелся по залу, нашел свободное кресло, уселся в него, съел бутерброды и больше не двигался, пока не объявили посадку на его рейс.

Возвращение домой прошло довольно спокойно, без неожиданностей. Едва переступив порог, позвонил Расулу. Спокойно, без эмоций отреагировав на его радостное: «Все нормально, я дома!», приятель назначил встречу на следующее утро.

Стоит ли говорить, как торопил время Эмин, предвкушая получение кругленькой суммы. Он уже прикинул, с чего начнёт покупки и так далее. Проблем хоть отбавляй.

Ровно в девять он уже стоял перед дверью Расула. Хозяин радушно улыбался, но не скрывал своей озабоченности. Слушая рассказ Эмина, не перебивал, но с сомнением покачивал головой.

– Что-нибудь не так? – насторожился Эмин.

– Ничего, это мои проблемы. Но ты меня, дружище, подвел, создал трудности.

– Да ты что? – растерялся Эмин. – Но каким образом?

– Парни, которые с тобой работали, недовольны, ты терялся, привлекал к себе

внимание, чуть не испортил дело. У них могли быть неприятности, люди рискуют.

– Я старался, видимо, волнение подвело. Все-таки в первый раз такое. Честно говоря, все как в тумане, – пробормотал, оправдываясь, Эмин.

– Ничего, не расстраивайся, это моя вина, хотелось помочь тебе. Ты практически ничем не рисковал, а заработок хороший.

Расул закурил, внимательно следя за выражением лица собеседника.

– Сам пойми, дела коммерческие, своеобразные. Вроде нарушение, а в общем-то и нет его. Укажи в декларации сумму с пятью, шестью нулями, завтра же рэкетеры появятся. Те же таможенники наведут. Успевай отстегивать. Вот люди и идут на невинный обман, чтобы себя сохранить. Здесь все просто, а ты паниковал, словно атомную бомбу вез, преступление века совершал. Мы против уголовщины, тихо, спокойно работаем, с трудом на кусок хлеба зарабатываем, друзьям помогаем. Я все же уговорил компаньонов выдать тебе за труды 500 баксов. Бери, не стесняйся, деньги хорошие.

С этими словами он насильно отдал Эмину сложенные вдвое зеленые банкноты.

– Нет, так неудобно, – замялся в растерянности Эмин. – Бог с ними, с деньгами, получается, я тебя подвел.

От чувства неловкости за себя он готов был убежать, провалиться сквозь землю, лишь бы прекратить неприятный разговор. Ни за какие деньги не стоило так унижаться. Подвести людей, протянувших руку помощи. И этот таможенник, и Ренат из-за него могли иметь неприятности. Одним словом, взялся не за свое дело, и поделом, корил он себя.

– Ну, не расстраивайся. Не бери в голову, бери в карман, – хохотнул Расул и, дружески обняв, повел его к двери, дав понять, что разговор окончен.

...Ошеломленный Эмин, шел не разбирая дороги, не замечая ничего вокруг себя. Его захлестнула смешанная гамма чувств, жгучий стыд перед Расулом за униженное поведение и невысказанная благодарность за понимание, участие. Он презирал себя за согласие на поездку, а еще больше за то, что взял деньги. Скорее всего, Расул отдал свои, желая сгладить ситуацию, терзал он себя. Приятель поступил благородно, не мне чета, досадовал он на себя, решив при случае непременно вернуть деньги.

А Расул тем временем обсуждал со своими двумя компаньонами результат операции. Все прошло успешно, «порошок» попал по назначению при минимальных затратах, среди которых 5 тысяч долларов для гонца.

– Кстати, о гонце. Ты молодец, ребята довольны, интеллигентный, тихий, неприметный. Классический тип честного учителя или инженера. Наверное, обалдел, когда такую сумму увидел? – потягивая холодное пиво, спросил один из собеседников.

– Обалдел не то слово, но работать впредь отказался, боится. Хотя, посмотрим, – после некоторой паузы задумчиво, как бы сам себе произнес Расул.

– Ну и черт с ним. Найдешь другого. Предупредил, чтобы молчал?

– Ясное дело, он и под пыткой, даже вам не признается, что получил пять тысяч баксов. Будет отпираться, юлить, что-то наврёт, но эту цифру не назовет никогда. Это в его интересах. – Расул пренебрежительно усмехнулся: – Имейте в виду, придется опять искать нового парня. Между прочим, уже четвертого, может, прибавим цену, надежного парня найти трудно. Кругом одна шпана.

Профессор

Комната для допросов производила самое тягостное впечатление. Это было небольшое, насквозь пропитанное сыростью, полутемное, почти квадратное помещение с низким потолком и неровным бетонным полом, голыми стенами, покрытыми несколькими слоями ядовито-зеленой краски, и черной металлической дверью со смотровым глазком. Под грязно-серым потолком, со следами многолетней плесени тускло поблескивала запыленная лампочка. Дневной свет с трудом пробивался через единственное узенькое оконце с массивной чугунной решеткой, вмонтированной в раму. Безрадостную картину дополняли выдавшие виды огромный сейф, письменный стол и стул, на которых бросались в глаза нанесенные белой краской четырехзначные инвентарные номера. В центре стоял намертво прикрепленный к полу табурет.

За столом, погруженный в свои мысли, сидел инспектор уголовного розыска старший лейтенант милиции Олег Аскеров, двадцатилетний брюнет с мягкими, правильными чертами лица и грустным, задумчивым взглядом, рассеянно рассматривавший лежащие перед ним бумаги. Чувствовалось, что он чем-то сильно расстроен, или просто очень устал и ему не терпится как можно скорее завершив свою миссию, покинуть это неприятное место, в котором царил давящая тюремная атмосфера с присущими только ей специфическими запахами и звуками.

Собственно, приемник-распределитель Управления внутренних дел города Баку, так же, как следственные изоляторы, камеры предварительного заключения, тюрьмы и колонии, был, по сути, местом лишения свободы, правда, с некоторыми незначительными правовыми оговорками, но внешне, да и по содержанию, вполне соответствовал всем родственным ему заведениям. Помещенные сюда люди заключались под стражу до установления их личностей, места жительства и тому подобное. Среди разношерстной публики здесь можно было встретить всякого рода маргиналов, попрошаек, бродяг, беспробудных пьяниц, наркоманов, бывших эзков, не нашедших себе места в жизни после освобождения и скитавшихся безо всяких документов по необъятным просторам страны.

Безусловно, это мрачное во всех отношениях учреждение являло собой некое предприятие по сбору, приему, учету, систематизации и документированию тысяч сломленных судеб, глубоко несчастных людей, в силу стечения драматических обстоятельств, форс-мажорных ситуаций переживших личные трагедии, выброшенных на обочину жизни и доживавших ее, как придется, но обычно, в определенной степени вынужденно, конфликтуя с законом или попросту его игнорируя.

За четыре года службы в розыске Аскерову неоднократно приходилось бывать в приемнике, и он неплохо знал его специфику, методы работы со своеобразным контингентом, среди которого не раз удавалось выявлять скрывавшихся от следствия и суда опасных преступников, рецидивистов, которые, заматаив следы, умело «косили» под опустившихся бродяг, алкоголиков, деградантов, людей с психическими отклонениями или частично потерявших память.

Зная, что на установление личности отводится не так много времени, они нередко называли вымышленные либо чужие данные, при случае «прикрывались» похищенными или купленными фиктивными документами в расчете на «воровской фарт», спешку, непрофессионализм сотрудников милиции, их боязнь нарушить установленные инструкцией сроки содержания под стражей, а то и просто на авось.

Вот и сегодня он пришел сюда, чтобы побеседовать с одним из таких лиц. На-

кануне вечером в районный отдел внутренних дел позвонили из приемника-распределителя и сообщили о полученной ими оперативной информации об м из задержанных по кличке «Профессор». Выдает, мол, себя за обычного бомжа, бродягу со стажем, но на самом деле является известным в преступных кругах воровским авторитетом.

Допрашивавший его сотрудник, как усматривалось из его рапорта начальству, ничего конкретного не добился, как говорится, не расколол. Но подозрения только усилились. Проведенные вокруг «Профессора» оперативные мероприятия оказались безрезультатными, и это позволило автору рапорта предположить, что фигуранту известны методы розыскной деятельности и разоблачить его крайне сложно.

Неспроста он ни с кем не вступает в разговоры, предпочитает отмалчиваться, держится особняком. У сокамерников пользуется уважением, да и сам он чисто внешне не похож на бомжа, опрятный, аккуратный, подтянутый, независимый. Глубокомысленные выводы о неопровержимой криминальной сути «Профессора» старательно подкреплялись пятью страницами написанного от руки убористого текста.

Несколько раз внимательно перечитав представленные ему документы, Аскеров не удержался от саркастической улыбки, особенно относительно словосочетания «пользуется уважением». В служебных характеристиках эта фраза присутствует обязательно, правда, с двумя неприложными добавлениями: «заслуженным» и «у сослуживцев». Надо же, какие парадоксальные параллели...

Инспектор вздохнул, отложил бумаги в сторону и с нетерпением посмотрел на часы. В этот момент в дверь постучали. Немолодой, грузный, плохо выбритый сержант милиции, молча козырнув, ввел в комнату невысокого, стройного, худощавого мужчину лет пятидесяти с открытым, мелкой кости лицом и несколько отрешенным взглядом. Его темные волосы были обильно тронуты сединой, во всем облике чувствовались порода и горделивая отстраненность.

Кивком отпустив конвоира, инспектор негромко произнес: «Садитесь, пожалуйста». Мужчина вздрогнул и молча сел на табурет, продолжая держать руки за спиной. Чуть погодя он едва слышно произнес: «Спасибо». Старший лейтенант помолчал, как бы собираясь с мыслями, и задал ему несколько стандартных для подобного случая вопросов общего характера. Доставленный отвечал предельно лаконично, ровным, негромким голосом. Манера говорить, держаться, слушать выдавала в нем образованного, интеллигентного человека. Пообщавшись с ним некоторое время, инспектор понял, что разговор зашел в тупик, его дальнейшее продолжение теряло всякий смысл, ибо допрашиваемый был явно подавлен. Сразу стало очевидно, что на предыдущих допросах на него оказывалось сильное давление с тем, чтобы принудить признаться в совершении каких-то преступлений.

С неудовольствием перелистав лежащие перед ним бумаги, Аскеров тяжело вздохнул. Его собеседник изменил позу, теперь он сидел чуть ссутулившись, подперев голову ладонью, и задумчиво смотрел в пол. «Ну чем не Роденовский «Мыслитель», – с неожиданным раздражением подумал инспектор. Было обидно за зря потраченное время.

Почему он должен мучиться из-за чьей-то откровенной дури, бросив все дела, ехать сюда «тянуть пустышку». Тогда как у него на исполнении с десятков контрольных заявлений, следственных поручений и, главное, «висят» несколько нераскрытых преступлений в зоне обслуживания. Да еще крайне измотали бесконечные дежурства, выезды на места происшествий.

Старший лейтенант вновь глубоко вздохнул. Разве это работа? Сплошная нервоотрепка, ни сна, ни отдыха, что ни день, то проверка из УВД, МВД, прокуратуры. Все, как один, – и гражданские заявители, и потерпевшие, и вышестоящее начальство, всевозможные деятели из различных инстанций проявляют недовольство, грозят снять погоны, если... Помимо всего добивают семейные неурядицы, связанные с ненормированным рабочим днем и низкой зарплатой.

В комнате надолго воцарилась напряженная тишина. О стекло с внутренней стороны глухо и монотонно бились ночные бабочки. Понаблюдав за их тщетными усилиями, Олег встал, резко, с шумом, открыл окно, и они мгновенно вырвались на волю. «Вот так бы, таким простым способом преодолеть все, казалось бы, непреодолимые преграды», – с горькой иронией подумал инспектор и нервно забарабанил пальцами по подоконнику.

С улицы сразу повеяло свежим прохладным воздухом, пропитанным легкой примесью специфического запаха нефти, что присуще некоторым участкам Абшеронского полуострова, расположенным вблизи от нефтепромыслов. Пейзаж за окном выглядел довольно уныло. Высокая каменная стена грязно-желтого цвета с черной колючей проволокой поверху, а над ними – небольшой кусочек неба.

Обернувшись, Аскеров поразился тому, как изменился задержанный. Теперь перед ним сидел совершенно другой человек, с внезапно просветленным лицом и широко открытыми лучистыми глазами, устремленными высоко вдаль, к недостижимому для него, желанному обрывку ясного голубого неба, едва видневшегося через решетку над стеной с колючей проволокой. И была в них такая непередаваемая, даже мистическая радость, что Олегу стало не по себе.

Неторопливо вернувшись за стол, инспектор долго не решался нарушить молчание. Ему оставалось всего лишь вызвать конвойного, но он почему-то этого не делал, продолжая сидеть в охватившей его непонятной растерянности. Где-то в одном из соседних кабинетов внезапно послышались громкие голоса, раздались надрывные крики и плач.

Оба они, словно выйдя из оцепенения, посмотрели друг на друга. На лице задержанного отразилась целая гамма чувств, а в глазах промелькнула такая щемящая сердце тоска, что, казалось, она иссушает его душу. Он сжался, как от удара, и, сопереживая плачущему, тревожно, с гримасой боли, прислушивался к происходящему рядом.

«Что-то здесь не так, этот человек не может быть преступником», – неожиданно для себя умозаключил Олег, и спросил как можно мягче:

– У вас довольно-таки странная кличка – «Профессор». Давно она у вас?

– Это не кличка, – покачал головой задержанный. – Я доктор технических наук, заведовал кафедрой в вузе, – последовал неожиданный ответ.

– Это серьезно? – непроизвольно вырвалось у инспектора. Собеседник кивнул.

– Вполне, у меня нет причин быть неискренним.

– Так вот почему бродяги между собой зовут вас профессором, вы им рассказывали о себе?

– Разумеется, нет, но так уж случилось, что с некоторыми из них я неоднократно встречался, попадая в аналогичные данной ситуации. Ну, а когда по завершении проверки меня освобождали, это каким-то образом становилось известно.

– Послушайте, – привстав из-за стола, с сомнением покачал головой Аскеров. – Если это все правда, то почему вы, интеллигентный человек, ученый, добровольно

отрекаетесь от привычного вам окружения, комфортного уклада жизни, бытовых удобств, сложившегося интеллектуального общения и в разрез с общепринятыми устоями передвигаетесь пешком по стране без документов, живете на улице, ночуете под открытым небом, спите, где придется, непонятно, как и чем питаетесь. Вас задерживают, какой-то период времени вы находитесь под стражей, в ужасной во всех отношениях, противоестественной обстановке, сталкиваетесь с откровенным хамством, унижениями, и, тем не менее, после проверки и освобождения, возвращения домой, спустя какое то время вновь уходите, неведомо куда. Пережитое вас не пугает, не становится предостережением от будущих лишений?

– Вы не совсем правы, – едва слышно, но твердо возразил задержанный. – Я не бродяжничаю, не нарушаю законов, устоявшихся норм общежития, никому не мешаю, а просто живу на природе. Понимаю, со стороны все это выглядит несколько странно, нелепо, но это реальность и единственный для меня спасительный путь. Хотя, поверьте, мне нелегко объяснить, почему так сложилось. – Он устремил на старшего лейтенанта долгий задумчивый взгляд и, как бы уйдя в себя и продолжая разговор с самим собой, прошептал: – Меня кто-то зовет, и я иду с ощущением необыкновенной приподнятости, духовной свободы, раскованности и легкости, словно я одно целое с землей, небом, облаками, ветром, травой, деревьями, разной живностью. Это непередаваемое чувство блаженства, гармонии с собой и окружающим миром, внутреннего эмоционального подъема и ожидания радости. – Помолчав, он низко опустил голову и продолжил: – Я очень устал от прожитого и непосильного бремени окружающей действительности, всеми рецепторами души ощутил полнейший абсурд повседневной суеты, бессмысленности достижения, по сути, надуманных ценностей и целей, на самом деле заслоняющих собой то истинное, ради чего стоит жить. Человечество, теряя исконные духовные ценности, погрязло в грехе и скверне, в болоте безнравственности, бездуховности.

Он хотел еще что-то добавить, но потом, спохватившись, оборвал себя и настороженно, как проговорившийся ребенок, посмотрел на собеседника. Но тот сидел молча, не проронив ни слова, сосредоточенно думая о чем-то своем.

После довольно длительной паузы инспектор тяжело вздохнул и несколько нерешительно спросил:

– Скажите, пожалуйста, давно вы ведете, как бы точнее выразиться, такой образ жизни?

– Лет семь, восемь.

– У вас есть семья, дети?

– Да, у меня прекрасная семья, дочь замужем, у нас с женой двое внуков.

– А как родные, близкие относятся к вашему образу жизни?

– К счастью, уже смирились. Я несказанно благодарен им за понимание того, что я действительно ничего не в силах изменить, это данность.

Аскеров тяжело вздохнул и, глядя в упор на собеседника, спросил:

– В таком случае, почему вы не рассказали все это допрашивавшему вас офицеру?

– У меня не было такой возможности. Он спросил только фамилию, имя, отчество, год рождения, адрес, место прописки, наличие судимости, после чего заявил, что видит меня насквозь, знает обо всех моих преступлениях, уголовном прошлом. И в ультимативной форме предложил чистосердечно признаться во всем, для смягчения моей вины. Он был очень безапелляционен и категоричен в своих утверждениях.

– Но и что вы ему ответили?

– Естественно, ничего, мне оставалось только молчать.

Старший лейтенант, тяжело вздохнув, поднялся из-за стола и вновь подошел к окну, остановившись чуть сбоку, чтобы не заслонять от задержанного прозрачно синий лоскуток неба, и надолго задумался. Оба они, не сговариваясь, заморожено смотрели, как в высоте, далеко за решеткой, медленно проплывало небольшое белое облачко.

Инспектор в очередной раз тяжело вздохнул и спросил:

– Скажите, пожалуйста, указанные вами данные, в том числе фамилия, имя и адрес в Ростове, названы точно?

– Да, разумеется, и номер домашнего телефона, имя, отчество супруги, все совершенно точно.

– Хорошо, Алексей Васильевич, больше у меня к вам нет вопросов. Сейчас за вами придут.

Аскеров вернулся за стол и сложил в аккуратную стопку лежащие перед ним бумаги. Оба сидели молча, сосредоточенно думая о своем, ничем не нарушая напряженную тишину. Наконец, видимо, придя к какому-то решению, инспектор нажал на кнопку вызова конвоя. Немного погодя тот же сержант с шумом вошел в комнату. Задержанный встал, заложил руки за спину, внимательно посмотрел в глаза инспектору и почти прошептал:

– До свидания, спасибо вам!

– За что? – удивился тот, но ответа не последовало.

Оставшись один, Олег никак не мог избавиться от какого-то неясного беспокойства.

– За что спасибо, за что он меня благодарил? Как-то неловко и тягостно получилось.

Состояние внутреннего дискомфорта усилилось и становилось все невыносимей. Вернувшись в РОВД, он неожиданно для себя, подчиняясь какому-то внутреннему голосу, отложил все повседневные дела и занялся ускоренной всесторонней проверкой «Профессора» по соответствующим видам учета. Узнал о результатах дактокарты, связался с ростовскими коллегами. Созвонившись с супругой Алексея Васильевича, обрадованной весточке о нем, дополнительно убедился в правдивости слов последнего.

На следующий день утром он уже был в приемнике-распределителе. Увидев его, начальник учреждения оживился, толстая физиономия расплылась в самовольной улыбке.

– Ну что, накопили-таки на этого «Профессора», я был прав, меня интуиция никогда не подводила. Его «колоть» умело надо, сразу во всем признается, никуда не денется, замаскировался ворюга под бомжа и думает, что самый умный, а руки-то у него какие чистые, обратил внимание? Кстати, не забудьте представить меня по окончании следствия к поощрению.

– Не забудем, – не скрывая иронии, ответил старший лейтенант. – А пока ознакомьтесь с результатами проверки. Личность установлена, компромата на него нет, и он подлежит освобождению, у него руки чистые во всех отношениях. – Выдержав некоторую паузу и испытывающе посмотрев на оторопевшего начальника приемника, неприязненно добавил: – Имей в виду, когда будут готовы соответствующие документы, я сам за ним заеду и отправлю по месту жительства. Не вздумай прислуши-

ваться к своей интуиции, она у тебя больная, я тебя предупреждаю, от нее много бед людям. А сейчас мне нужно поговорить с задержанным, сообщить ему о результатах проверки.

Начальник приемника, побагровев от злости, во избежание возможных неприятностей ничего не ответил. Через пару минут Олег и Алексей Васильевич вновь встретились в том же кабинете...

К вечеру следующего дня, после завершения всех необходимых формальностей с оформлением предусмотренных документов, Аскеров, как и условились накануне, заехал за Алексеем Васильевичем, и уже через пару часов они ужинали у него дома, благо, жена с ребенком в очередной раз ушла к родителям, не жаловавшим своего зятя.

Исподволь, сам собой завязался разговор, и они не заметили, как засиделись далеко за полночь. Говорили о разном: о смысле жизни, его противоречивости, амбивалентности человеческой природы, людских взаимоотношениях, справедливости, греховности, добре и зле, идущих рука об руку, о милосердии, сочувственности, нравственности, сострадательности. В общем, об очень простых и одновременно сложнейших, со дня мироздания волнующих человечество вещах, которые оно обсуждает тысячелетиями без всяких для себя выводов.

Олег был буквально поражен широтой кругозора, интеллектом, эрудицией собеседника, покорен его душевностью, тщательной взвешенностью суждений и доброжелательностью. Глубокий, разносторонний склад и сила ума, смиренное, философское восприятие миропорядка, несовершенства человеческой природы, людского общества в целом, позволили ему достичь той высоты, которая дала возможность внутренне вырваться из пучины мирской суеты и дистанцироваться от нее.

Неожиданно для себя Олег стал рассказывать о своей работе, перипетиях судьбы, посетовал на трудности, на преследующее гнетущее осознание мысли о бессмысленности круговорота дел, которым охвачен. Он с горечью поведал о том, какой непроходящий след оставляют в ранимом сознании человеческие беды, расчлененные трупы, тела самоубийц, испуганные глаза жертв насильственных преступлений, иступленные лица уголовников, горящие ненавистью и местью гримасы задерживаемых убийц, наркоманов, сутенеров, истеричные крики участников пьяных разборок. По роду своей деятельности сотрудник уголовного розыска оказывается непосредственным участником различных трагических событий, чрезвычайных происшествий. Зачастую это происходит в момент достижения ими пика напряжения, максимального накала страстей и агрессии, от выброса которых он никоим образом не застрахован, и надо находиться во всегдашней готовности к их отражению строго в рамках закона. Почти каждое рядовое задержание, доставление правонарушителя, даже обычного семейного дебошира, пресечение пьяной ссоры – это не просто психологический стресс, но и постоянный риск, во-первых, пострадать самому, во-вторых, сорваться вниз при извечном балансировании над пропастью, именуемой «превышение служебных полномочий и нарушение законности».

Все это, вкупе с въедливой прокуратурой, циничными судмедэкспертами, моргами, судами, каждодневное общение со всякой шушерой из уголовной среды для получения нужной информации, ему бесконечно надоело. Кому объяснить, как трудно порой бывает освободить свою память от разрушающего, негативного воздействия всей этой обстановки и создаваемого ею долго не спадающего напряжения. А ведь никому нет дела до того, как ты живешь, о чем думаешь, что тебя мучает, – делился

своими мыслями Олег.

– По-моему, тут два пути, и оба губительны, – подытожил он. – Если пропускаешь чужую боль через себя, искренне сопереживаешь, сочувствуешь, принимаешь близко к сердцу, то это очень тяжело, становится просто невыносимо, а если, напротив, ожесточиться, перестать сострадать – очерствеешь, потеряешь человеческое лицо, что еще хуже. Я считаю, сама служба в милиции априори предполагает сострадание, совестливость, честность, готовность прийти на помощь, защитить, вступить в противоборство со злом, даже ценой самопожертвования, иначе не вижу никакого смысла в милицейской работе.

Видимо, хорошо понимая его внутреннее состояние, Алексей Васильевич слушал внимательно, не перебивая, и Олег видел в его глазах полное сочувствие, глубокое понимание сути своих душевных мучений и переживаний, не отпускаявших его из-под своего безжалостного, тотального пресса в последнее время ни на минуту.

Спать легли далеко за полночь. Олег еще долго не мог уснуть, перебирая в памяти подробности разговора, раз за разом возвращался к ним и с восхищением думал о широте кругозора и мудрости Алексея Васильевича. Ему казалось чудовищным, что такой мягкий, тонкий, высокообразованный, щедро одаренный человек, дистанцировавшись от окружающих, полностью ушел в себя и живет в ином мире, нежели все остальные. Он сам себе его создал и смиренно принимает невзгоды на добровольно избранном либо ниспосланном ему свыше жизненном пути.

Поднявшись ранним утром и слегка перекусив, они отправились в дорогу. Оба хранили молчание, думая каждый о своем. Еще позавчера в приемнике-распределителе Олег предложил на выбор билет на поезд или самолет, но Алексей Васильевич поблагодарил и мягко отказался:

– Мне лучше пешком. Сюда я шел через Ставрополье, Осетию, Грузию, а назад хочется вернуться через Дагестан, Калмыкию, а дальше опять через Ставрополье, откуда рукой подать до дома. Я очень признателен вам за помощь. Вы уберегли меня от большой беды, мог остаться за решеткой на долгие годы за кражи, которых не совершал даже в мыслях. Но, поверьте, мне лучше пешком, душа истосковалась.

Выехав из Баку, они буквально через полчаса миновали Сумгайыт и понеслись вперед. Вскоре слева показались сопки, за ними гряда невысоких гор, а справа неторопливо нес свои беспокойные воды седой Каспий. Понимая, что невозможно более затягивать время расставания, Олег, пересилив себя, свернул на обочину, остановил машину, и они, отойдя подальше от шоссе, устроились прямо на земле посидеть перед дальней дорогой.

Из-за горизонта медленно поднимался красный круг солнца, легкий ветерок едва шевелил густую по весне зеленую траву, воздух был полон запахов разнотравья. Алексей Васильевич, дыша полной грудью, с трудом скрывал волнение, поглядывая на Олега. Видимо, что-то хотел сказать, но не решался, а только несколько раз провёл подрагивающей рукой по волосам.

В какой-то сотне метров от них с устрашающим шумом в сторону Баку деловито неслись нескончаемый поток автомобилей, напоминая о набирающем обороты новом дне.

– Ну что ж, с Богом, мне пора, – нарушил, наконец, молчание Алексей Васильевич и грустно улыбнулся. Олег, будто очнувшись ото сна, отрешенно посмотрел на него, но ничего не ответил.

Оба, как по команде, встали, не сговариваясь посмотрели вдаль, куда проле-

гал путь Алексея Васильевича, и, пожав друг другу руки, обнялись.

– Сохрани тебя Господь, сынок, я буду за тебя молиться, – прощаясь, произнес Алексей Васильевич и неторопливой походкой, едва слышно ступая, отправился в дорогу, держа в руке небольшой сверток с бутербродами и бутылкой воды.

Олег стоял неподвижно, неотрывно глядя вслед этому маленькому, щуплому, беззащитному человеку, ставшему для него необыкновенно родным и близким.

Вот ставшая крохотной хрупкая фигурка медленно поднялась на вершину невысокой сопки, обернулась, постояла какое-то время, словно раздумывая, прощально взмахнула рукой и враз растаяла, скрылась из виду.

А Олег еще долго продолжал махать вслед ушедшему, не в силах сдержать нахлынувшего волнения. Его обуревали самые разные чувства, и наиболее сильным было желание побежать следом за странником, догнать его и идти дальше вместе, взявшись за руки. Он не мог понять, что с ним происходит, душу охватила неизъяснимая тоска, ранее неведомое, разящее насквозь чувство отчаяния, затравленности, безысходности, острое осознание ничтожества повседневной суеты, в которой он жил и которая ожидала его в паре десятков километров отсюда, в беспощадном каменном заповеднике с жестокими, противоестественными нравами.

Вспомнился рассказ Алексея Васильевича о долго преследовавшем его ощущении бессмысленности бытия, неприятию жизненных реалий, внутреннем ужасе и одиночестве, ввергающих в отчаяние, ведущих к депрессии, неотвратимому духовному умиранию.

И вдруг словно током пронзила мысль: неужели путь, выбранный Алексеем Васильевичем, единственное реальное спасение в этой ситуации? Неужто это и есть путь очищения через поиск истины, достижение совершенствования, согласия с самим собой, гармонии с окружающим миром?

За спиной, на шоссе, ревя двигателями, в сторону мегаполиса неслась колонна тяжелых фур, наполняя воздух запахом выхлопных газов и горячей резины. Олег вздрогнул и, не в силах возвратиться к машине, как подкошенный, упал на траву, закрыв лицо руками.

Неизвестно, то ли во сне, то ли наяву, он отчетливо увидел, как по необъятному, колышущемуся полю, в густой, по колено, изумрудной траве, под прозрачной синевой неба неспешно идет вперед невысокий, худенький человек с широко раскрытыми голубыми глазами, восхищенно и доверчиво смотрит вокруг себя, не перестает любоваться небом, травой, деревьями, плещущимися водами бескрайнего моря, с упоением слушает пение птиц и просто идет по земле навстречу новому дню, запоминая каждое мгновение, отведенное ему жизнью, и счастлив этим. Наверное, это действительно удел избранных.

Тогда, в далеких семидесятых, Аскеров еще не знал, да и не мог знать, какие нелегкие испытания уготовила ему судьба, и десятилетия его последующей безупречной службы вместят в себя успехи и неудачи, жесточайшие разочарования от вопиющей несправедливости, ощущения собственного бессилия. Он неоднократно сталкивался с откровенно враждебными выпадами, завистью, угрозами и грязными провокациями, более того, стал объектом покушения на него со стороны «оборотней в погонах». Он пройдет через все это с чистой совестью, оставаясь человеком, и почти ежедневно, даже в самые счастливые мгновения жизни, будет искренне сожалеть о том, что когда-то, давным-давно, не нашел в себе силы побежать за волшебным странником, догнать его и пойти с ним рядом навстречу новому дню.

Сквер

Обычно, по сложившейся с раннего детства привычке, просыпаясь, Гасан какое-то непродолжительное время смотрел в окно, как бы здороваясь с видневшимися густыми верхушками деревьев из расположенного напротив небольшого сквера, приютившегося на перекрестке нескольких старых извилистых улочек, по сути, в самом центре города. То был своеобразный ритуал вступления в новый день жизни и, по всей видимости, единственное неизменное из того, что еще оставалось в беспорядочно менявшемся мире вокруг него.

Но сегодня все было иначе, его разбудило ощущение неприятной влажности и капли воды, падавшие на него прямо с потолка верхнего этажа. Быстро собрав постель и сдвинув в сторону кровать, он оделся и заторопился к двери, чтобы предупредить соседей о потопе, но вдруг, словно его окликнули, нерешительно остановился, задумался. Перед глазами встало лицо нового хозяина квартиры с третьего этажа, и его охватило чувство растерянности.

Общение с этим хамоватым, с отталкивающей физиономией и неприятными манерами типом оставило крайне негативное впечатление. Внешностью и повадками он напоминал откормленного борова с многочисленными глубокими складками на затылке, вел себя предельно нагло и вызывающе, не считаясь с людьми. Говорил только повышенным тоном, не терпящим возражений.

Скупив три квартиры на этаже, он не менее года делал ремонт. Нещадно крушил несущие стены, менял местами прихожие, спальни, гостиные, санузлы, ваннные комнаты и кухни. При этом со скандалом менял одну бригаду шабашников за другой, заставлял по несколько раз менять планировку, начинать все заново. Работа у него кипела с раннего утра и до поздней ночи. Без зазрения совести он на десять метров вперед вынес балкон, лишив соседей под ним дневного солнечного света. Самовольно сравнял с землей небольшой палисадник во дворе и, игнорируя протесты жильцов, воздвиг себе большой каменный гараж. Нетрудно представить, что испытывали люди, подавленно глядя на все его выходки. Но все имеет свое начало и конец. Дождались-таки завершения ремонта и стали свидетелями торжественного въезда хозяев в «возведенный ими особняк» на третьем этаже трехэтажного жилого дома, построенного более ста лет назад.

– Ты представляешь, у него там не квартира, а магазин, доверху напичканный мебельными гарнитурами, люстрами, коврами, вазами, какими-то статуями, причем, явными подделками под антиквариат, – посмеиваясь, рассказывал Гасану друг детства Эльнур, по случаю побывавший у нового жильца, когда у того загорелась проводка, и свет погас во всем подъезде.

Хотя ремонтные работы подошли к завершению, спокойней не стало. На смену им пришли дым от вечерних шашлыков на балконе, несмолкаемый шум двигателей и выхлопные газы трех «Джипов», крики водителей, охранников, по всей вероятности, полагававших, что все в этом доме выкуплено их хозяином и принадлежит ему на правах собственности. С балкона бесцеремонно сыпался бытовой мусор, летели окурки от сигарет, банки из-под пива и пластиковые бутылки. Периодически давали сбои водопроводная и канализационная системы, глубоко утопленные в метровых стенах старого здания, на которых то и дело появлялись сырые пятна, и жидкости всех мастей стекали вниз.

Супруга Гасана очень нервничала, и однажды у нее лопнуло терпение, она по-

пыталась было поговорить с соседкой, но ее встретили отборной бранью и готовы были сбросить пожилую женщину с лестничного пролета, не преминув пригрозить мыслимыми и немыслимыми расправами над ней и ее семьей. Гасан вынужден был обратиться к участковому инспектору полиции с просьбой как-то вразумить нувориша, объяснить ему элементарные азы человеческого общежития, но тот только руками развел:

– Извините, я вас очень уважаю, но ничем помочь не смогу. Это не в моих силах, до пенсии год остался, боюсь с ним связываться.

Выхода не было. Все без исключения соседи, успев столь же безрадостно пообщаться с новым жильцом, воспринимали его как бедствие, смирились с ситуацией, понимали – плетью обуха не перешибешь, выбор небогат – терпи или уезжай.

...Гасан понимал, что ничего не сможет поделать, ему не под силу изменить ход событий, и отрешенно наблюдал за падающими с потолка на пол каплями, потом, будто очнувшись, спохватился, принес из ванной большой эмалированный таз. Завтракать не хотелось, устроившись у окна, он долго неподвижно сидел, всматриваясь в до боли знакомый сквер. Чередой нахлынули связанные с ним воспоминания. Здесь они гуляли с родителями, будучи маленькими, через сквер ходили в школу, отсюда их, заигравшихся дотемна, по вечерам звали с балконов мамы и бабушки.

В сквере проходила добрая половина жизни жителей окрестных домов, и в нем всегда было многолюдно. Все друг друга знали, общались искренне, открыто, от души. Мужчины играли в нарды, шахматы, домино, обсуждали городские новости. Женщины возились с детьми, угощали друг друга домашними сладостями, делились новостями, семейными проблемами. Царила атмосфера добра, уважения друг к другу, от этого и казался сквер таким уютным и родным. Здесь же молодежь собиралась, провожая в армию друзей или отмечая в своем кругу чье-то поступление в институт. Как-то так получилось, что во всех памятных событиях в жизни Гасана участвовал этот сквер.

Ранней весной он радовал своими молодыми зелеными побегами, летом дарил спасительную прохладу и сочные ягоды тутовника и инжира, осенью очаровывал красотой желто-красной листвы, а зимой, когда выпадал снег, он, словно седовласый мужчина, выглядел приподнято, импозантно и строго.

Наверху начался привычный шум, можно было предположить, что хозяева вызвали сантехников. После довольно продолжительного визга лагунды, стука и тряски, все стихло, а через час перестали падать капли. Переждав некоторое время, Гасан убрал таз, протер тряпкой пол и вернул на место кровать. Хорошо еще, что супруга вторую неделю, по его настоянию, гостила у родственников в районе, и он был рад ее отсутствию, ибо каждое подобное происшествие заканчивалось для нее сердечным приступом. Стены отсырели, потолок почернел, сведя на нет сделанный ими своими силами ремонт.

Бедная Фарида часто плакала и как-то пожаловалась, что уже чувствует себя чужой в собственном доме, не ощущает прежнего покоя и уюта, чем раньше очень дорожила, Гасан утешал, как мог, в бессилии кусая губы.

С трудом заставив себя изменить ставший уже привычным пессимистичный ход мыслей, он попытался успокоить себя тем, что нужно проще смотреть на жизнь, принимать все философски, как должное, смириться с происходящим и вообще согласиться с аксиомой о несправедливости бытия человеческого. Однако оптимистическая мозговая атака сорвалась, грустные мысли не отступили. Вот был ты главным инже-

нером крупного предприятия, думал он, самозабвенно отдавался работе, пользовался уважением людей, был нужен им, чувствовал себя востребованным человеком, и, будто по мановению, взмаху чьей-то причудливой палочки, все вдруг резко изменилось, враз оборвалось, обволокло чувством безысходности.

Бесцельно походив по комнате, он снова уселся у окна. Дул легкий ветерок, слегка покачивая редкие ветви деревьев. Гасан с грустью думал о том, что стало за последнее время с его любимым сквером. К несчастью, чья-то начальственная голова обратила на него внимание, и сквер оказался ей архаичным, рудиментом прошлого, после чего на него обрушились изыски новых веяний.

Исчезли земляные дорожки, оформленные со вкусом скромные клумбы с полевыми цветами и разнотравьем, обсаженные многолетним кустарником. Слово испарились удобные скамейки и небольшой бассейн с фонтанчиком.

Обложенный бетоном, вычурными гранитными и мраморными плитками сквер перестал быть самим собой. Часть деревьев безжалостно вырубил, а другую просто искалечили, оставив голые стволы с редкими ветками на верхушках. Теперь они уже не могли защитить от солнца и дать хоть какую-то тень. Вечером назойливо лезла в глаза яркая разноцветная подсветка.

Сквер стал меньше, в нем уже не разносился птичий щебет, не было запаха цветов, он задыхался. Ко всему, рядом устроили импровизированную автостоянку, с которой до позднего вечера не затихала громкая перебранка водителей, подрабатывавших частным извозом и бесконечно выяснявших между собой отношения.

Творившееся у Гасана под окнами очень угнетало его, лишало душевных и физических сил. Он с несколькими соседями-старожилами обращался в соответствующие инстанции с просьбой поберечь сквер, не резать по живому, но от них попросту отмахнулись, сидите мол, не умничайте.

Гасан почувствовал, что задыхается, тело охватила ставшая обычной неприятная дрожь, и он прилег на кровать. Глядя в потолок, с ужасом думал, что он, как и сквер, ничего не может противопоставить силам, беспардонно вторгшимся в их жизнь, диктуя свои правила.

Почему они оказались такими беззащитными перед агрессивным невежеством, резануло его, ведь если завтра с потолка снова польется вода, ему остается молча вытирать пол.

Невыносимое чувство загнанности нарастало, подавляя сознание и волю. Боль становилась все нетерпимее, он повернулся на спину, тяжело вздохнул, не хватало воздуха.

Вечером у соседа опять были гости, всю громыхала музыка, слышался гомон подвыпившей публики, во дворе не стихал рев двигателей дорогих иномарок, в комнату проник густой едкий дым тлеющих в мангале углей. Гасан молча лежал и обречено думал о том, что все-таки придется покинуть дом отца и деда, продавать квартиру и уезжать. Пока он не знал, куда, совершенно не представлял, как это все осуществить, но сама мысль уже казалась утешительной и успокаивала.

...Утром капли воды снова появились на потолке, их становилось все больше и больше, они скапливались, а затем, грязные и холодные, срывались и падали вниз, попадая ему на лоб и щеки, растекаясь по подушке. Но Гасан их уже не чувствовал, он покинул отчий дом со сквером за окном, из которого с детства привык видеть густые верхушки деревьев и слышать жизнеутверждающий птичий щебет, возвещающий о начале нового дня.

